

T $\frac{37}{282}$

f $\frac{37}{282}$

КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

ИЗДАНИЕ

И. С. ТУРГЕНЕВА

„ОТЦЫ И ДЕТЯ“

Полное собрание сочинений И. С. Тургенева
в 10 томах. Том 10. Критические работы

Составил В. Я. Жданов

МОСКВА

МОСКВА

Издательство „Литературный фонд“

КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ

РОМАНА

И. С. ТУРГЕНЕВА:

авг *сн*
„ОТЦЫ и ДѢТИ“.

*Оттискъ изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ
для изученія произведеній И. С. ТУРГЕНЕВА“.*

Собралъ **В. Зелинскій.**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1909. 19

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАНЫХЪ В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ.

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. **Справочникъ по русскому правописанію**, съ приложеніемъ орфографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква Ѣ. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

2. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

4. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ IV. Правописаніе, словопроизведеніе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Изд. 2 е. Ц. 75 к.

5. **Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку**. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 6-е. Ц. 25 к.

6. **Вступительный курсъ зрительнаго диктанта**. Книга для элементарныхъ орфографическихъ упражненій. (Готовится къ печати).

7. **Зрительный диктантъ**. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методѣ списыванія и разрѣшенія орфографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 16 е. Ц. 50 к.

8. **Зрительный диктантъ**. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 9-е. Ц. 40 к.

9. **Подробный орфографическій словарь**, заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, указаніе удареній и раздѣленіе каждаго слова на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Приложение къ „Зрительному диктанту“. Ц. 2 р.

10. **Справочный словарь буквы Ѣ**. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 4-е. Ц. 25 к.

КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ

РОМАНА

И. С. ТУРГЕНЕВА:

„ОТЦЫ И ДѢТИ“.

*Оттискъ изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ
для изученія произведеній И. С. ТУРГЕНЕВА“.*

Собралъ **В. Зелинскій.**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1909.

КНИЖНИКЪЕ ПАЗБОРИ

ПОМАНА

N. O. TYPTEBA:

ОТЦЫ И ДЕТЯ

Содержитъ: Сводъ правилъ и указовъ
для защиты подданныхъ N. O. TYPTEBA.

Соданъ В. Зенский.

МОСКВА

2010515785

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общіе отзывы о романѣ.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Н. Страхова.....	1	В. Буренина.....	21
В. Буренина.....	2	„Русскаго Вѣстника“.....	23
Н. Страхова.....	5	И. С. Тургенева.....	28
Д. Писарева.....	6	В. Буренина.....	30
Н. Страхова.....	7	Н. Соловьева.....	31
„Русскаго Вѣстника“.....	10	А. Незеленова.....	32
„Библиотеки для Чтенія“... ..	14	Ив. Иванова.....	41
А. Скабичевскаго.....		К. Головина.....	58
М. Антоновича.....	18		

Дѣйствующія лица романа каждое въ отдѣльности.

БАЗАРОВЪ.

а) Базаровъ какъ типъ, герой и характеръ.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:

Д. Писарева.....	64	„Русскаго Вѣстника“.....	68
„Русскаго Вѣстника“.....	—	Л. Оболенскаго.....	—
Н. Страхова.....	65	К. Григорьева.....	71
„Русскаго Вѣстника“.....	66	А. Незеленова.....	80
„Библиотеки для Чтенія“... ..	—	Ив. Иванова.....	83
Н. Страхова.....	67	Д. Овсянико-Куликовскаго.....	99

б) Базаровъ со стороны нравственности, ума и дѣла.

Выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ:

М. Антоновича.....	118	О. Миллера.....	121
„Русскаго Вѣстника“.....	—	А. Скабичевскаго.....	122
Н. Страхова.....	119	„Русскаго Вѣстника“.....	123
„Библиотеки для Чтенія“... ..	120		

в) Базаровъ какъ нигилистъ и циникъ.

О т з ы в ы:

М. Авдѣева	124	О. Миллера	129
О. Миллера	125	„Библіотеки для Чтенія“	131
Н. Страхова	—		

г) Базаровъ въ отношеніи трагизма.

О т з ы в ы:

Д. Писарева	132	А Скабичевского	138
О. Миллера	135		

Второстепенныя лица въ романъ.

О т з ы в ы:

В. Буренина	141	Н. Страхова	146
Н. Страхова	—	„Русскаго Вѣстника“	147
М. Антоновича	142	Д. Писарева	—
Д. Писарева	—	„Русскаго Вѣстника“	—
„Русскаго Вѣстника“	143	М. Антоновича	148
Н. Страхова	144	В. Буренина	149
Д. Писарева	—	„Библіотеки для Чтенія“	—
„Русскаго Вѣстника“	145	Н. Страхова	150
М. Антоновича	146		

„ОТЦЫ И ДѢТИ“.

Общiе отзывы о романѣ.

*) При появленiи романа «Отцы и Дѣти», къ нему вдругъ приступили съ лихорадочными и настоятельными вопросами: кого онъ хвалить? кого осуждаетъ? кто у него образецъ для подражанiя? кто предметъ презрѣнiя и негодованiя? какой это романъ—прогрессивный или ретроградный?

И вотъ на эту тему поднялись безчисленные толки. Дѣло дошло до мелочей, до самыхъ тонкихъ подробностей. Базаровъ пьетъ шампанское! Базаровъ играетъ въ карты. Базаровъ небрежно одѣвается. Что это значитъ? спрашиваютъ въ недоумѣнiи. *Должно* это или *не должно*? Каждый рѣшилъ по своему, но всякiй считалъ необходимымъ вывести нравоученiе и подписать его подъ загадочную басню. Рѣшенiя однако-же вышли совершенно разногласныя. Одни нашли, что «Отцы и Дѣти» есть сатира на молодое поколѣнiе, что всѣ симпатiи автора на сторонѣ *отцовъ*. Другiе говорятъ, что осмѣяны и опозорены въ романѣ *отцы*, а молодое поколѣнiе, напротивъ, превознесено. Одни находятъ, что Базаровъ самъ виноватъ въ своихъ несчастныхъ отношенiяхъ къ людямъ, съ которыми онъ встрѣтился; другiе утверждаютъ, что, напротивъ, эти люди виноваты въ томъ, что Базарову такъ трудно жить на свѣтѣ... Несмотря на то, романъ читается съ жадностью и возбуждаетъ такой интересъ, какого, смѣло можно сказать, не возбуждало еще ни одно произведенiе Тургенева...

Н. Страховъ.

---

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также „Критическiя статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

*) Можно сказать съ увѣренностью, что со времени «Мертвыхъ Душъ» Гоголя ни одинъ изъ русскихъ романовъ не производилъ такого впечатлѣнія, какое произвели «Отцы и Дѣти» при ихъ появленіи. Глубокій умъ и не менѣе глубокая наблюдательность, несравненная способность къ смѣлому и вѣрному анализу жизненныхъ явленій, къ широкому ихъ обобщенію сказались въ основномъ замыслѣ этого положительно *историческаго* произведенія. Тургеневъ разъяснилъ живыми образами «отцовъ» и «дѣтей» сущность той жизненной борьбы между отживающимъ періодомъ крѣпостного барства и новымъ преобразовательнымъ періодомъ, которая велась и тогда у всѣхъ на виду, которая составила главное содержаніе нашего «возрожденія» и которой, однакоже, до него никто не подыскалъ настоящаго яркаго опредѣленія. Тургеневъ не только далъ такое опредѣленіе, не только освѣтилъ внутренній смыслъ тогдашняго «новаго» движенія жизни, но и указалъ главный характеристическій его признакъ—отрицаніе во имя реализма, какъ противоположность старому идеалистическо-либеральному консерватизму. Извѣстно, что онъ нашель и необыкновенно удачную кличку для этого отрицанія, кличку, въ послѣдствіи сдѣлавшуюся нарицательной и принятую для извѣстной группы явленій и типовъ не у однихъ русскихъ, но и во всей Европѣ. Художникъ создалъ въ образѣ Базарова чрезвычайно характернаго представителя новаго жизненнаго уклада, новаго направленія и окрестилъ это самое направленіе удивительно мѣткимъ словомъ, надѣлавшимъ столько шуму, вызвавшимъ столько споровъ, сужденій и похвалъ, сочувствій и ненависти, робкихъ тревогъ и смѣлыхъ порываній. Въ исторіи литературы не много можно указать примѣровъ такого глубокаго и живого волненія, вызваннаго въ общественной средѣ художественнымъ созданиемъ, такого почти «политическаго» значенія типа, воспроизведеннаго литературнымъ творчествомъ... Этотъ романъ и черезъ двадцать лѣтъ представляется все тѣмъ-же глубокимъ, яркимъ и

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

правдивымъ отраженіемъ жизни, какимъ онъ былъ въ моментъ его появленія. Теперь его глубина и правдивость кажутся даже еще болѣе ясными и возбуждаютъ еще большее удивленіе и уваженіе къ творческой мысли художника, его создавшаго... Въ наши дни, когда періодъ развитія, уловленный Тургеневымъ въ его знаменитомъ романѣ, является уже изжитымъ почти вполнѣ, мы можемъ только удивляться той пронизательности, съ которою художникъ отгадалъ основной характеръ жизненнаго движенія, ознаменовавшаго этотъ періодъ. Борьба двухъ общественныхъ теченій, дореформеннаго и послѣреформеннаго, борьба двухъ поколѣній, стараго, воспитавшагося на эстетическомъ идеализмѣ, для котораго представлялъ такую удобную почву обезпеченный крѣпостнымъ правомъ барскій досугъ, и новаго, увлекавшагося реализмомъ и отрицаніемъ, — вотъ что составляло сущность движенія эпохи шестидесятыхъ годовъ. Тургеневъ своимъ гениальнымъ чутьемъ прозрѣлъ это основное «вѣяніе» жизни и воспроизвелъ его въ живыхъ и яркихъ образахъ со всѣми его положительными и отрицательными, трогательными и комическими сторонами. Въ своемъ романѣ онъ вовсе не становился на сторону «отцовъ», какъ это утверждала тогдашняя несочувственная ему прогрессивная критика, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія превознести ихъ надъ «дѣтьми» для униженія послѣднихъ. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ намѣренія выставять въ образѣ представителя дѣтей какой-то образецъ «мыслящаго реалиста», которому молодое поколѣніе должно было поклоняться и подражать, какъ это вообразила прогрессивная критика, сочувственно отнесшаяся къ его произведенію. Подобное одностороннее воззрѣніе было чуждо художнику: онъ нарисовалъ и отцовъ и дѣтей по возможности безпристрастно, аналитически, «спокойно зря на правыхъ и виноватыхъ». Онъ не пощадилъ ни отцовъ ни дѣтей, и произнесъ холодно суровый приговоръ и тѣмъ и другимъ. Отцамъ въ лицѣ Кирсановыхъ, особенно Павла Кирсанова, онъ пропѣлъ положительно отходную, выставивъ ихъ барскій идеализмъ, ихъ сантиментальную эстетику даже почти въ комическомъ,

даже, какъ справедливо онъ указывалъ самъ, въ карикатурномъ свѣтѣ. Въ выдающемся представителѣ «дѣтей», Базаровѣ, онъ призналъ извѣстную нравственную силу, энергію характера, выгодно отличающую этотъ твердый типъ реалиста отъ жиденькаго, безхарактернаго и безвольнаго типа прежняго поколѣнія; но, признавъ положительныя стороны молодого типа, онъ не могъ не развѣнчать его, не могъ не указать его несостоятельности передъ жизнью, передъ народомъ. И онъ сдѣлалъ это. И теперь, когда время достаточно разоблачило несостоятельность типа тогдашняго поколѣнія, мы видимъ, какъ художникъ былъ правъ, какъ глубоко и далеко онъ прозрѣвалъ въ жизнь, какъ ясно онъ видѣлъ начала и концы ея развитія... Тургеневъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» далъ образчикъ настоящаго общественнаго романа, несмотря на то, что его внѣшняя фабула сводится на обычные интимныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. И съ какимъ изумительнымъ искусствомъ совершена художникомъ эта мудреная задача—вложить въ узкія условныя рамки самое широкое и новое содержаніе! Едва ли кому изъ романистовъ нашего вѣка, начиная отъ Диккенса и кончая Жоржъ Зандомъ и Шпильгагеномъ, удавалось сдѣлать это такъ сжато и такъ выразительно, съ такимъ отсутствіемъ дидактическаго элемента, почти всегда присущаго произведеніямъ упомянутыхъ сейчасъ корифеевъ западныхъ литературъ, съ такимъ полнымъ проникновеніемъ въ самую сущность жизненнаго движенія, отраженнаго въ романѣ. Повторяю еще разъ: «Отцы и Дѣти» уже и теперь высоко цѣнятся европейской критикой. Но пройдутъ годы, и они будутъ цѣниться еще выше. Они будутъ поставлены на ряду съ тѣми крупными литературными произведеніями, въ которыхъ выражены основныя теченія времени, ихъ породившаго. Что касается до значенія этого романа въ родной литературѣ, то его законное мѣсто въ ряду съ такими созданіями, какъ «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина, «Мертвыя Души» Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова и «Война и Миръ» Льва Толстого...

В. Буренинъ.

*) Тургеневъ, какъ уже давно извѣстно, есть писатель, усердно слѣдящій за движеніемъ русской мысли и русской жизни. Онъ заинтересованъ этимъ движеніемъ необыкновенно сильно; не только въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», но и во всѣхъ прежнихъ своихъ произведеніяхъ онъ постоянно схватывалъ и изображалъ отношенія между отцами и дѣтьми. Послѣдняя мысль, послѣдняя волна жизни, — вотъ что всего болѣе приковывало его вниманіе. Онъ представляетъ образецъ писателя, одареннаго совершенною подвижностью и вмѣстѣ глубокою чуткостью, глубокою любовью къ современной жизни...

Если мы не знаемъ полныхъ Базаровыхъ въ дѣйствительности, то, однакоже, всѣ мы встрѣчаемъ множество базаровскихъ чертъ; всѣмъ знакомы люди, то съ одной, то съ другой стороны напоминающіе Базарова. Если никто не проповѣдуетъ всей системы мнѣній Базарова, то, однакоже, всѣ слышали тѣ же мысли поодионокѣ, отрывочно, несвязно, нескладно. Эти бродячіе элементы, эти не развившіеся зародыши, не dokonченныя формы, не сложившіяся мнѣнія Тургеневъ воплотилъ цѣльно, полно, стройно въ Базаровѣ. Система убѣжденій, кругъ мыслей, которыхъ представителемъ является Базаровъ, болѣе или менѣе ясно выражались въ нашей литературѣ. Главными ихъ выразителями были два журнала: «Современникъ», уже нѣсколько лѣтъ проводившій эти стремленія, и «Русское Слово», недавно заявившее ихъ съ особенною рѣзкостью. Отсюда, конечно, должно объяснить упрекъ, сдѣланный Тургеневу, что онъ изобразилъ въ Базаровѣ не одного изъ представителей молодого поколѣнія, а скорѣе главу кружка, порожденіе нашей бродящей и оторванной отъ жизни литературы. «Современникъ» весьма недоволенъ романомъ Тургенева. Онъ думаетъ, что романъ написанъ въ укоръ и поученіе молодому поколѣнію, что онъ представляетъ клевету на молодое поколѣніе, и можетъ-быть поставленъ на ряду съ Асмодеемъ нашего времени, соч. Аскоченскаго.

Н. Страховъ.

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

*) Этот романъ составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшею частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа... И съ этой именно точки зрѣнія слѣдовало приняться за него критикъ, т.-е. ей слѣдовало сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей, а не разбирать романъ только съ художественной стороны, какъ это сдѣлалъ Антоновичъ въ «Современникѣ»... «Дурна или хороша была тенденція тургеневскаго романа, говоритъ Писаревъ, — это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ, во всякомъ случаѣ, драгоценнымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ идеи и еще болѣе драгоценнымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающею публикою...»

Все наше поколѣніе, — продолжаетъ Писаревъ **), — со своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа. «Базаровъ — представитель нашего молодого поколѣнія; въ его личности сгруппированы тѣ свойства, которыя мелкими долями разсыпаны въ массахъ, и образъ этого человѣка ярко и отчетливо вырисовывается передъ воображеніемъ читателей». «Тургеневъ вдумался въ типъ Базарова и понялъ его такъ вѣрно, какъ не пойметъ ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ реалистовъ». «Онъ не покривилъ душою въ своемъ послѣднемъ произведеніи». Общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не нашель-бы въ этихъ отношеніяхъ ничего робкаго или фальшиваго». Тургеневъ есть «искренній художникъ, не уродующій дѣйствительность, а изображающій ее, какъ она есть». Вслѣдствіе этой «честной, чистой природы художника», «его образы

*) Д. Писаревъ. Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 2.

**) Цитируетъ критикъ „Времени“, Н. Страховъ („Время“ 1862 г., № 4).

живутъ своею жизнью; онъ любить ихъ, увлекается ими, онъ привязывается къ нимъ во время процесса творчества. и ему становится невозможнымъ помыкать ими по своей прихоти и превращать картину жизни въ аллегорію съ нравственною цѣлью и съ добродѣтельной развязкой». Тургеневъ—пишетъ онъ (Писаревъ) — оправдалъ Базарова и оцѣнилъ его по достоинству. Базаровъ вышелъ у него изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ». «Смысль романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности; но въ самыхъ увлеченіяхъ оказываются свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ даютъ себя знать въ минуту тяжелыхъ испытаній; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержать ихъ въ жизни». «Кто прочелъ въ романѣ Тургенева эту прекрасную мысль, тотъ не можетъ не изъяснить ему глубоко и горячей признательности, какъ великому художнику и честному гражданину Россіи!

Д. Писаревъ.

* * *

*) Критики, въ числѣ ихъ и Писаревъ, недовольны Базаровымъ за то, что онъ отрицаетъ изящество жизни, эстетическое наслажденіе и науку. По поводу этого критикъ «Времени» говоритъ: Фигура Базарова имѣетъ въ себѣ нѣчто мрачное и рѣзкое. Въ его наружности нѣтъ ничего мягкаго и красиваго; его лицо имѣло другую, не внѣшнюю красоту: оно оживлялось спокойною улыбкою и выражало самоувѣренность и умъ». Онъ мало заботится о своей наружности и одѣвается небрежно. Точно такъ же въ своемъ обращеніи онъ не любитъ никакихъ излишнихъ вѣжливостей, пустыхъ, не имѣющихъ значенія формъ, внѣшняго лаку, который ничего не покрываетъ. Базаровъ простъ въ высшей степени, и отъ этого, между прочимъ, зависитъ та легкость, съ которою онъ сходилъ съ людьми,

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также: „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

начиная отъ дворовыхъ мальчишекъ и до Анны Сергѣевны Одинцовой. Такъ опредѣляетъ Базарова самъ юный другъ его Аркадій Кирсановъ:

— Ты съ нимъ, пожалуйста, не церемонься, говоритъ онъ своему отцу: — онъ чудесный малый, такой простой, ты увидишь.

Чтобы рѣзче выставить простоту Базарова, Тургеневъ противопоставилъ ей изысканность и щепетильность Павла Петровича. «Послѣ этого весьма странно, что почитатели Базарова не довольны его изображеніемъ въ этомъ отношеніи. Они находятъ, что авторъ придалъ ему *грубыя манеры*, что онъ выставилъ его *неотесаннымъ, грубо воспитаннымъ*, котораго *нельзя пустить въ порядочную гостиную*».

Такъ выражается г. Писаревъ и на этомъ основаніи приписываетъ г. Тургеневу *коварный* умыселъ *уронить* и *опогилить* своего героя въ глазахъ читателей. По мнѣнію г. Писарева, Тургеневъ поступилъ весьма несправедливо; «можно быть крайнимъ матеріалистомъ, полнѣйшимъ эмпирикомъ, и въ то же время заботиться о своемъ туалетѣ, обращаться утонченно-вѣжливо со своими знакомыми, быть любезнымъ собесѣдникомъ и совершеннымъ джентльменомъ. Это я говорю — прибавляетъ критикъ — для тѣхъ читателей, которые, придавая важное значеніе утонченнымъ манерамъ, съ отвращеніемъ посмотрятъ на Базарова какъ на человѣка *mal élève* и *mauvais ton*. Онъ дѣйствительно *mal élève* и *mauvais ton*, но это нисколько не относится къ сущности типа...»

Изящныя манеры и хорошій туалетъ, конечно, суть вещи хорошія; но мы сомнѣваемся, чтобы они были къ лицу Базарову, шли къ его характеру. Человѣкъ, глубоко преданный одному дѣлу, предназначавшій себя, какъ онъ самъ говоритъ, для «жизни горькой, терпкой, бобыльной», онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ играть роль утонченнаго джентльмена, не могъ быть любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ легко сходится съ людьми; онъ живо заинтересовываетъ всѣхъ, кто его знаетъ: но этотъ интересъ заключается вовсе не въ тонкости обращенія...

Тургеневъ имѣлъ притязанія и дерзость создать романъ, имѣющій *всевозможныя* направленія; поклонникъ вѣчной истины, вѣчной красоты, онъ имѣлъ гордую цѣль во временномъ указать на вѣчное, и написалъ романъ не прогрессивный и не ретроградный, а, такъ сказать, *всегдашній*. Въ этомъ случаѣ его можно сравнить съ математикомъ, старающимся найти какую-нибудь важную теорему. Положимъ, что онъ нашелъ, наконецъ, эту теорему; не правда ли, что онъ долженъ быть сильно удивленъ и озадаченъ, если бы къ нему вдругъ приступили съ вопросами: да какая твоя теорема — прогрессивная или ретроградная? Сообразна ли она съ *новымъ* духомъ или же угождаетъ *старому*? На такія рѣчи онъ могъ бы отвѣчать только такъ: ваши вопросы не имѣютъ никакого смысла, никакого отношенія къ моему дѣлу: моя теорема есть *вѣчная истина*...

Смѣна поколѣній — вотъ наружная тема романа. Если Тургеневъ изобразилъ не всѣхъ отцовъ и дѣтей, или не *тѣхъ* отцовъ и дѣтей, какихъ хотѣлось бы другимъ, то *вообще* отцовъ и *вообще* дѣтей, и отношеніе между этими двумя поколѣніями онъ изобразилъ превосходно. Можетъ-быть, разница между поколѣніями никогда не была такъ велика, какъ въ настоящее время, а потому и отношеніе ихъ обнаружилось особенно рѣзко. Какъ бы то ни было, для того чтобы измѣрять разницу между двумя предметами, нужно употреблять одну и ту же мѣрку для обоихъ; чтобы рисовать картину, нужно взять изображаемые предметы съ одной точки зрѣнія, общей для всѣхъ ихъ.

Эта одинаковая мѣра, эта общая точка зрѣнія у Тургенева есть *жизнь человѣческая* въ самомъ широкомъ и полномъ ея значеніи. Читатель этого романа чувствуетъ, что за миражемъ внѣшнихъ дѣйствій и сценъ льется такой глубокой, такой неистощимый потокъ жизни, что всѣ эти дѣйствія и сцены, всѣ лица и событія ничтожны передъ этимъ потокомъ.

Если мы такъ поймемъ романъ Тургенева, то, можетъ-быть, передъ нами всего яснѣе обнаружится и то нравоученіе, котораго мы добиваемся. Нравоученіе есть, и даже

весьма важное, потому что истина и поэзія всегда поучительны.

Глядя на картину романа спокойнѣе и въ нѣкоторомъ отдаленіи, мы легко замѣтимъ, что хотя Базаровъ головою выше всѣхъ другихъ лицъ, хотя онъ величественно проходитъ по сценѣ, торжествующій, поклоняемый, уважаемый, любимый и оплакиваемый, есть, однакоже, что-то, что въ цѣломъ выше Базарова. Что же такое? Всматриваясь внимательнѣе, мы найдемъ, что это высшее не какія-нибудь лица, а та *жизнь*, которая ихъ воодушевляетъ. Выше Базарова—тотъ страхъ, та любовь, тѣ слезы, которыя онъ внушаетъ. Выше Базарова та сцена, по которой онъ проходитъ. Обаяніе природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, *даже* религія, все это — живое, полное, могущественное — составляетъ фонъ, на которомъ рисуется Базаровъ. Этотъ фонъ такъ ярокъ, такъ сверкаетъ, что огромная фигура Базарова вырѣзается на немъ отчетливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ мрачно.

Н. Страховъ.

*
* *

*) Отдавая должную справедливость многимъ умнымъ замѣчаніямъ автора критической статьи во «Времени» (№ 4), мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ основной его мысли, именно во взглядѣ его на сущность типа, изображеннаго г. Тургеневымъ, подъ именемъ Базарова. Взглядъ этотъ не выдержитъ пробы, будемъ ли мы сравнивать его съ самымъ романомъ или съ нашею общественною средою, изъ которой взяты элементы изображенія. По мнѣнію критика, въ этой фигурѣ выразился господствующій въ наше время духъ реализма, духъ, дѣйствующій и въ жизни и въ наукѣ. Критикъ раздвигаетъ горизонтъ этого типа до всемірнаго значенія и видитъ въ немъ какую-то всеобщую идею. Онъ видитъ въ немъ тотъ умственный аскетизмъ, который сурово отказывается отъ всего далекаго, отвле-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5-й. (Статья М. Каткова?).

ченнаго, туманнаго, и направляетъ мысль и дѣятельность къ достижимымъ цѣлямъ. Но, придавая этому типу такое значеніе, критикъ далекъ отъ сочувствія ему; критикъ видитъ въ немъ силу одностороннюю, не удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ человѣческой жизни и подавляющую многія лучшія изъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, такой взглядъ стираетъ не только всѣ индивидуальныя, но и всѣ типическія особенности этого образа; онъ превращаетъ его въ отвлеченность, которая столько же можетъ относиться къ Базарову, сколько и къ явленіямъ, совершенно противоположнымъ... Если бы критикъ обратилъ вниманіе на бытовыя стороны типа, то въ немъ не могло-бы возникнуть и тѣни мысли о какомъ-то всеобщемъ духѣ реализма, и онъ легко нашелъ-бы ключъ къ своему впечатлѣнію. Онъ удивляется жизненности и вѣрности изображенія; дѣйствительно тургеневскій типъ отличается въ высокой степени этими качествами. Но какъ же критикъ не подумалъ, что при его толкованіи типъ этотъ оказался-бы самою неудачною выдумкою и, во всякомъ случаѣ, былъ-бы чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, чѣмъ-то безъ всякой аналогіи съ окружающей средой...»

Разсуждая о научныхъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ Базарова, критикъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ: «Что проглянуло въ этомъ: серьезное дѣло или нѣтъ? Авторъ оставляетъ насъ безъ всякаго намека. Если бы съ его стороны былъ какой-нибудь умыселъ, то умыселъ этотъ непременно отозвался-бы такъ или иначе въ тонѣ его разсказа. Подозрительные глаза инквизиторски наблюдали за всѣми движеніями автора въ его произведеніи, и готовы были видѣть во всемъ злонамѣренный умыселъ, но ни одному критику не пришло въ голову остановиться на этомъ пунктѣ. Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ни малѣйшей ироніи. Авторъ только взялъ тотъ духъ науки, какой представила ему наша общественная среда, и пустилъ его дѣйствовать, ни за что не принимая на себя отвѣтственности. Очень можетъ быть, что автору вовсе и на мысль не приходило спросить себя, серьезное-ли это дѣло или нѣтъ, но, безъ сомнѣнія, въ

суммѣ общаго впечатлѣнія, всѣми должно было чувствоваться, что это дѣло не серьезное. Что за Дюбуа Ремонъ или Рудольфъ Вагнеръ, или, пожалуй, самый этотъ Джорджъ Генри Люисъ, о которомъ было у насъ такъ много толковъ, появился на святой Руси?.. Нѣтъ сомнѣнія, что наука здѣсь не есть что-либо серьезное, и что ее надобно сложить со счетовъ. Если въ этомъ Базаровъ сидитъ дѣйствительная сила, то она что-нибудь другое, а никакъ не наука. Своей наукой онъ можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ окруженіи, куда онъ попалъ; своей наукой онъ можетъ подавлять только своего старичка-отца, юнаго Аркадія и мадамъ Кукшину... Впрочемъ, онъ настолько уменъ, что и самъ это сознаетъ, самъ это высказываетъ, хотя не о себѣ лично, но вообще о своихъ соотечественникахъ, въ сравненіи съ настоящими изслѣдователями въ тѣхъ странахъ, гдѣ это дѣло есть серьезное...

Базаровъ вовсе не о томъ хлопочетъ, чтобы стать спеціалистомъ по той или другой части (науки); онъ занимается естественными науками болѣе въ качествѣ мудреца, въ интересѣ первыхъ причинъ и сущности вещей. Онъ потому занимается этими науками, что онѣ, по его мнѣнію, прямо ведутъ къ рѣшенію вопросовъ объ этихъ первыхъ причинахъ. Онъ уже заранѣе увѣренъ, что естественныя науки ведутъ къ отрицательному рѣшенію этихъ вопросовъ, и онѣ ему нужны, какъ орудіе уничтоженія предразсудковъ и для вразумленія людей въ той вдохновительной истинѣ, что никакихъ первыхъ причинъ не имѣется, и что чловѣкъ и лягушка въ сущности одно и то же...

Ни въ какой другой общественной средѣ Базаровы не могли-бы имѣть обширнаго круга дѣйствій и казаться силачами или гигантами; во всякой другой средѣ, на каждомъ шагу, отрицатели сами непрерывно подвергались-бы отрицанію; при каждой встрѣчѣ приходилось-бы имъ повторять про себя то, что сказалъ Базаровъ передъ смертью: «Да, поди, попробуй отрицать смерть: она меня отрицаетъ, и баста». Но въ нашей цивилизаціи, не имѣющей въ себѣ никакой самостоятельной силы, въ нашемъ маленькомъ

умственномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего, стоящаго твердо, гдѣ нѣтъ ни одного интереса, который-бы не стыдился и не конфузился самого себя и сколько-нибудь вѣрилъ въ свое существованіе, — духъ нигилизма могъ развиться и пріобрѣсти значеніе. Эта умственная среда сама собою подпадаетъ подъ нигилизмъ и находитъ въ немъ свое вѣрнѣйшее выраженіе.

Въ Базаровѣ нашъ авторъ взялъ одинъ изъ лучшихъ типовъ нигилизма. Онъ принадлежитъ къ числу людей *импульсивныхъ*. Какъ и всѣ наши образованные люди, онъ прямо изъ школы вынесъ добрый задатокъ этого духа отрицанія, — вынесъ сѣмя его, которое нашло въ немъ благодатную почву. Какъ и у всѣхъ нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, въ его умѣ живущими и сильными элементами оказывается лишь то, что запечатлѣно отрицающимъ характеромъ; все прочее оказывается слабымъ, мертвымъ, хилымъ, подлежащимъ отрицанію. Онъ держитъ про себя весь этотъ хламъ только для произведенія надъ нимъ операций разложенія.

Авторъ произвелъ своего героя отъ бѣдныхъ родителей изъ той волнующейся среды, которая приливаетъ къ нашему привилегированному сословію, группируется на его окраинахъ и просачивается въ него съ разныхъ сторонъ. Отецъ его разночинецъ, дослужившійся до дворянства и ставшій мелкимъ помѣщикомъ, владѣльцемъ одной или двухъ дюжинъ душъ. Еще характеристичнѣе то обстоятельство, что Базаровъ — внукъ дьячка, — «какъ Сперанскій», — сказалъ онъ разъ своему новому пріятелю, скрививъ губы. Можетъ-быть, фигура Базарова вышла-бы еще типичнѣе, если бы авторъ прямо произвелъ его отъ дьячка... Нашъ нигилизмъ не можетъ не находить себѣ поживы въ отпрыскахъ духовнаго сословія. Благодаря сложившимся обстоятельствамъ, именно между ними онъ можетъ вербовать себѣ самыхъ *импульсивныхъ* поборниковъ. Отсюда-то всего легче и вѣрнѣе могутъ выходить его вѣроучители, и достаточно способные и достаточно сильные для своего дѣла. А потому, повторимъ, очень вѣрный инстинктъ побудилъ г. Тургенева при-

вести своего нигилиста въ нѣкоторую связь съ этимъ словіемъ. Эта черта была-бы очень выразительна, если-бы художникъ болѣе воспользовался ею.

«Русскій Вѣстникъ» 1862 г.

* * *

*) Г. Тургеневъ осудилъ эмансипацію женщинъ, совершающуюся подъ руководствомъ Ситниковыхъ и проявляющуюся въ умѣнны складывать крученныя папирсы, въ безпощадномъ куреннн табаку, въ питьѣ шампанскаго, въ пѣнн цыганскихъ пѣсенъ, въ пьяномъ видѣ и въ присутствіи едва знакомыхъ молодыхъ людей, въ небрежномъ обращенн съ журналами, въ бессмысленномъ толкованн о Прудонѣ, о Маколеѣ, при явномъ невѣжествѣ и даже отвращенн ко всякому дѣльному чтенн, что доказывается лежащими по столамъ неразрѣзанными журналами или постоянно разрѣзанными на однихъ только скандальныхъ фельетонахъ, — вотъ тѣ обвинительные пункты, по которымъ г. Тургеневъ осудилъ способъ развитія у насъ женскаго вопроса.

«Библиотека для Чтенія» 1862 г.

* * *

**) Въ области беллетристики первымъ протестомъ противъ новыхъ идей былъ романъ г. Тургенева «Отцы и Дѣти». Романъ этотъ отличается отъ другихъ того же рода произведеній тѣмъ, что онъ преимущественно философскій. Онъ мало касается какихъ-либо общественныхъ вопросовъ своего времени. Главная цѣль его поставить рядомъ другъ передъ другомъ философію отцовъ и философію дѣтей, и показать, что философія дѣтей противна человѣческой природѣ, и потому не можетъ быть примѣнима въ жизни. Задача ро-

*) „Библиотека для Чтенія“ 1862 г., № 5.

**) А. Скабичевскій. „Отечественныя Записки“ 1868 г., № 9. Также „Сочиненія А. Скабичевскаго“, т. I. Спб. 1890 г.

мана, какъ вы видите, очень серьезная: для выполненія ея автору слѣдовало-бы изучить добросовѣстно и безпристрастно обѣ системы міросозерцанія, и тогда только приступить къ какимъ-либо выводамъ. Но на первыхъ-же страницахъ вы видите, что авторъ лишенъ всякой умственной подготовки къ выполненію цѣли романа; онъ не только не имѣетъ никакого понятія о системѣ новой положительной философіи, но и о старыхъ идеалистическихъ системахъ имѣетъ понятія самыя поверхностныя, ребяческія... Вы могли бы смѣяться надъ одними героями своего романа, читая ихъ сумбурныя разсужденія о молодомъ поколѣніи, если-бы весь строй романа не былъ основанъ на этихъ же самыхъ разсужденіяхъ. Это показываетъ, что г. Тургеневъ въ рѣчахъ Павла и Николая Петровичей представляетъ не одни только ихъ взгляды, а и свои собственные. Но намъ станетъ не до смѣху уже, какъ подумаемъ, что цѣлое общество повѣрило г. Тургеневу, что относится ко всему критически—это нѣчто совершенно новое въ Европѣ, появившееся недавно послѣ уже гегелизма, и что это новое—очень опасное и ужасное, потому что относится ко всему критически—значитъ отвергать всякіе принципы, обитать въ безвоздушномъ пространствѣ и быть нигилистомъ. Слово «нигилистъ» сдѣлалось вездѣсущимъ, и какъ всякое произвольное неопредѣленное названіе, совершенно не характеризующее предмета, къ которому относится, въ устахъ невѣжественной толпы оно сдѣлалось еще произвольнѣе и неопредѣленнѣе... Такое явленіе есть прямое слѣдствіе той скудости образованности, которую вынесло наше общество изъ своего прошлаго, и въ которомъ оно до сихъ поръ коснѣетъ.

Не только различныя разсужденія и споры героевъ, весь романъ построенъ не на основаніи наблюденій надъ живою дѣйствительностью, а на чисто апріоричныхъ началахъ. Задавшись тою идеею, что молодежь все отрицаетъ, г. Тургеневъ вознамѣрился показать на Базаровѣ, что подобное безусловное отрицаніе противно человѣческой природѣ, и что природа дѣйствуетъ своимъ путемъ, развивая въ человѣкѣ побужденія, чувства и страсти совершенно въ проти-

ворѣчіе теоріи его, отрицающей всѣ эти явленія. Базаровъ ничего не видѣлъ въ любви, кромѣ минутнаго удовлетворенія чувственности, и смѣялся надъ проявленіями любви болѣе серьезными, называя такія проявленія отжившимъ романтизмомъ, а самъ полюбилъ не на шутку Одинцову, и не могъ никакъ сладить съ собой. Базаровъ отвергалъ дүэли и смѣялся надъ ними, какъ надъ рыцарскими затѣями, а какъ дѣло дошло до встрѣчи съ ненавистнымъ человѣкомъ и отстоянія своей чести, онъ согласился драться съ Павломъ Петровичемъ безъ всякихъ колебаній... Г. Тургеневъ слышалъ гдѣ-то стороною, что новое міросозерцаніе ставитъ въ основаніе всѣхъ психологическихъ явленій ощущенія, и вывелъ изъ этого какимъ-то образомъ, что выводитъ все изъ ощущеній, это значитъ все отрицать, косить и валять себя по ногамъ. Г. Тургеневъ никакъ не могъ вообразить, что, отвергая честность, какъ врожденную идею, вложенную въ человѣка до его рожденія, и признавая ее, какъ ощущеніе, положительная философія нисколько не отрицаетъ этимъ честности, равно какъ и другихъ принциповъ. Все дѣло касается здѣсь не самой честности, а ея происхожденія, и Базаровъ, какъ человѣкъ новаго міросозерцанія, не имѣлъ никакого повода, приступая къ этому философскому вопросу, воображать, что онъ этимъ валяетъ себя по ногамъ и отрицаетъ принципы. Здѣсь г. Тургеневъ субъективенъ такъ же, какъ и въ рѣчахъ Кирсановыхъ: въ уста молодого поколѣнія онъ влагаетъ такія понятія о новомъ міросозерцаніи, которыя сложились въ его собственной художественной головѣ, лишенной всякаго философскаго развитія. Если-бы г. Тургеневъ снизошелъ съ своего Парнаса и взглянулъ поближе на молодое поколѣніе, то въ жизни, въ дѣйствительности, онъ увидѣлъ-бы, что молодежь не только не отрицаетъ честности, а, напротивъ того, шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы разъ двадцать не повторить этого слова, при всякомъ удобномъ случаѣ...

...Вотъ что такое, по мнѣнію героевъ романа, нигилисты: это люди, которые ко всему относятся съ критической точки зрѣнія, не принимаютъ ничего на вѣру, и потому

они должны существовать въ безвоздушномъ пространствѣ и производить свое названіе отъ латинскаго слова nihil, что значить ничего... Ну, подумайте, пожалуйста, есть ли хоть одна капля, не скажу философскаго, просто здраваго смысла въ этомъ сумбурѣ. Одно только, что видно здѣсь, это крайнее дѣтское невѣжество, которому совершенно неизвѣстенъ ходъ развитія европейской мысли. Это невѣжество не знаетъ, что отношеніе ко всему съ критической точки зрѣнія вовсе не составляетъ какой-либо новости, которую можно было-бы назвать сущностью новаго міросозерцанія. Эта новость существуетъ уже со временъ Бекона и Декарта, и съ ихъ времени никто уже и не спорить о томъ, что каждый мало-мальски мыслящій человѣкъ долженъ относиться ко всему критически. Споры европейскихъ идеалистовъ съ реалистами заключаются вовсе не въ томъ, слѣдуетъ-ли относиться ко всему критически или нѣтъ; споръ идетъ объ основаніяхъ критическаго отношенія къ вещамъ: идеалисты говорятъ, что такое отношеніе можетъ-быть основано на апіорическихъ началахъ чистаго разума, а реалисты строятъ его не иначе, какъ на началахъ индуктивныхъ изслѣдованій; но объ школы нисколько не сомнѣваются въ томъ, что на то и данъ человѣку разумъ, чтобы относиться ко всему критически. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія героевъ романа, нигилистами слѣдуетъ называть не однихъ только послѣдователей положительной философіи, а и гегелистовъ, и шеллингистовъ, и кантистовъ, и спинозистовъ,—однимъ словомъ, всѣхъ европейскихъ мыслителей, включая Бекона и Декарта. Курьезнѣе всего здѣсь, между прочимъ, то, что Павелъ Петровичъ противопоставляетъ критическое отношеніе къ вещамъ и принципы, полагая, что принципы суть непремѣнно нѣчто принятое на вѣру, безъ всякой провѣрки критики. Но почему-же тотъ же самый принципъ не можетъ быть принятъ на критическихъ основаніяхъ? Да и при какихъ условіяхъ человѣкъ будетъ стоять на болѣе твердой почвѣ: тогда ли, когда онъ будетъ слѣдовать въ жизни какому-либо принципу, слѣпо принятому на вѣру, или когда онъ этотъ самый прин-

ципъ провѣрить на основаніи какихъ-либо критическихъ данныхъ... Вообще, производя нигилизмъ отъ латинскаго слова nihil, т.-е. ничего, гораздо было-бы правильнѣе назвать нигилистами людей, у которыхъ ничего нѣтъ въ головѣ, ни одной мысли, провѣренной собственной критикой, кромѣ принятыхъ на вѣру кирсановскихъ принциповъ...

А. Скабичевскій.

* * *

*) Въ художественномъ отношеніи романъ совершенно неудовлетворителенъ, чтобъ не сказать болѣе изъ уваженія къ таланту г. Тургенева, къ его прежнимъ заслугамъ и къ его многочисленнымъ почитателямъ. Общей нити, общаго дѣйствія, которое-бы связывало всѣ части романа, нѣтъ; все какія-то отдѣльныя рапсодіи. Выводятся личности совершенно лишнія, неизвѣстно для чего фигурирующія въ романѣ; такова, на примѣръ, княжна Х...ая; она являлась нѣсколько разъ къ обѣду и къ чаю въ романѣ, посидѣла на «широкомъ бархатномъ креслѣ» и потомъ умерла, «забытая въ самый день смерти». Есть нѣсколько и другихъ личностей, совершенно случайныхъ, выведенныхъ только для мебели. Впрочемъ, эти личности, какъ и другія въ романѣ, не постижимы или не нужны собственно въ художественномъ отношеніи, но онѣ нужны были г. Тургеневу для другихъ цѣлей, чуждыхъ искусству... Это романъ дидактическій, настоящій ученый трактатъ, написанный въ разговорной формѣ, и каждое выведенное лицо служитъ выраженіемъ и представителемъ извѣстнаго мнѣнія и направленія... Если смотрѣть на романъ съ точки зрѣнія его тенденцій, то онъ и съ этой стороны такъ же неудовлетворителенъ, какъ и въ художественномъ отношеніи... Съ первыхъ же страницъ романа, къ величайшему изумленію читающаго, имъ овладѣваетъ нѣкотораго рода скука, но, разумѣется, вы этимъ не смущаетесь и продолжаете

*) М. Антоновичъ. „Современникъ“ 1862 г., № 3.

читать, надѣясь, что дальше будетъ лучше, что авторъ войдетъ въ свою роль, что талантъ возьметъ свое и невольно увлечетъ ваше вниманіе. А между тѣмъ, и дальше, когда дѣйствіе романа развертывается передъ вами вполнѣ, ваше любопытство не шевелится, ваше чувство остается нетронутымъ, чтеніе производитъ на васъ какое-то неудовлетворительное впечатлѣніе, которое отражается не на чувствѣ, а, что всего удивительнѣе,—на умѣ. Васъ обдаетъ какимъ-то мертвящимъ холодомъ; вы не живете съ дѣйствующими лицами романа, не проникаетесь ихъ жизнью, а начинаете холодно разсуждать или, точнѣе, слѣдить за ихъ разсужденіями. Вы забываете, что передъ вами лежитъ романъ талантливаго художника, и воображаете, что вы читаете морально-философскій трактатъ, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тѣмъ самымъ производитъ непріятное впечатлѣніе на ваше чувство. Это показываетъ, что произведеніе г. Тургенева крайне неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи... Негдѣ укрыться отъ удушливаго зноя странныхъ разсужденій и хоть на минуту освободиться отъ непріятнаго, раздражительнаго впечатлѣнія, производимаго общимъ ходомъ изображаемыхъ дѣйствій и сценъ... Все вниманіе автора обращено на главнаго героя и другихъ дѣйствующихъ лицъ,—впрочемъ, не на ихъ личности, не на ихъ душевныя движенія, чувства и страсти, а почти исключительно на ихъ разговоры и разсужденія. Оттого въ романѣ, за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живого лица и живой души, а все только отвлеченныя идеи и разныя направленія, олицетворенныя и названныя собственными именами. Романъ г. Тургенева не есть произведеніе чисто объективное; въ немъ слишкомъ ясно выступаетъ личность автора, его симпатіи, его воодушевленіе, даже его личная желчь и раздраженіе. Черезъ это мы получаемъ возможность прочесть въ романѣ личныя мнѣнія самого автора, и въ этомъ имѣемъ уже одно основаніе — высказанныя въ романѣ мысли принимать за сужденія автора, по крайней мѣрѣ, мысли, высказанныя съ замѣтнымъ сочувствіемъ къ

нимъ со стороны автора и вложенныя въ уста тѣхъ лицъ, которымъ онъ, очевидно, покровительствуетъ. Если бъ въ авторѣ была хоть искра сочувствія къ «дѣтямъ», къ молодому поколѣнію, хоть искра вѣрнаго и яснаго пониманія ихъ воззрѣній и стремленій, то она непременно гдѣ-нибудь заблестѣла бы въ теченіе всего романа...

Отцы, въ противоположность дѣтямъ, проникнуты любовью и поэзіей, они люди нравственные, скромно и втихомолку дѣлающіе добрыя дѣла; они ни за что не хотятъ отстать отъ вѣка. Даже такой пустой фатъ, какъ Павелъ Петровичъ, и тотъ поднятъ на ходули и выставленъ человѣкомъ прекраснымъ... Тургеневъ не умѣлъ опредѣлить своей задачи; вмѣсто изображенія отношеній между «отцами» и «дѣтьми», онъ написалъ панегирикъ «отцамъ» и обличеніе «дѣтямъ», да и «дѣтей» онъ не понялъ: вмѣсто обличенія, у него вышла клевета. Распространителей здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ онъ хотѣлъ представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро, — однимъ словомъ, асмодеями... Изъ разныхъ мѣстъ романа г. Тургенева видно, что главный герой его человѣкъ не глупый, — напротивъ, очень способный и даровитый, любознательный, прилежно занимающійся и много знающій, а между тѣмъ въ спорахъ онъ совершенно теряетъ, высказываетъ бессмыслицы и проповѣдуетъ нелѣпости, непростительныя самому ограниченному уму... Вообще, романъ есть не что иное, какъ беспощадная и тоже разрушительная критика молодого поколѣнія.

Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, г. Тургеневъ не находитъ никакого смысла, и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму... Тургеневъ находитъ свой идеалъ совершенно въ другомъ мѣстѣ, именно въ «отцахъ», въ болѣе или менѣе старомъ поколѣніи. Стало быть, онъ проводитъ параллель и противоположность между «отцами» и «дѣтьми», и смыслъ его романа нельзя формулировать такъ: между множествомъ хорошихъ дѣтей есть и дурныя,

которыя и осмѣяны въ романѣ; задача его совершенно иная и приводится въ такой формулѣ: «дѣти» дурны, они и представлены въ романѣ во всемъ своемъ безобразіи; а «отцы» хороши, что также доказано въ романѣ.

Подъ категорію «дѣтей» г. Тургеневъ подвелъ значительную часть современной литературы, такъ называемое, ея отрицательное направленіе, которое онъ олицетворилъ въ одномъ изъ своихъ героевъ и вложилъ ему въ уста слова и фразы, часто встрѣчающіяся въ печати и выражающія мысли, одобряемыя молодымъ поколѣніемъ, и не возбуждающія непріязненныхъ чувствъ, въ людяхъ средняго поколѣнія, а можетъ быть, и стараго...

М. Антоновичъ.

* * *

*) Чрезвычайно любопытнымъ и характернымъ документомъ, свидѣтельствующимъ насколько критика стояла ниже художника въ пониманіи жизненнаго развитія, можетъ служить статья г. Антоновича, появившаяся въ самомъ тогдашнемъ прогрессивномъ журналѣ — въ «Современникѣ»... Статья была необходима для того, чтобы показать, что такое называлось тогда критикою, какимъ отсутствіемъ всякаго эстетическаго вкуса и разумѣнія жизни отличалась эта псевдопрогрессивная критика, какимъ узкимъ, личнымъ и партійнымъ ненавистничествомъ, какой бурсацкою грубостью встрѣчала она геніальнѣйшихъ представителей русскаго искусства и умнѣйшія геніальнѣйшія произведенія ихъ, теперь признанныя цѣлымъ свѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое была эта критика, что такое былъ г. Антоновичъ, въ качествѣ цѣнителя и судьбы литературы, когда онъ въ своей «необходимой» статьѣ не обинуясь изрекаетъ, что романъ Тургенева «вообще въ художественномъ отношеніи совершенно не удовлетворителенъ, чтобы не сказать болѣе изъ уваженія къ таланту г. Тургенева», что въ немъ нѣтъ «общей нити, общаго дѣйствія, которое связывало

бы всѣ части романа); что въ немъ «выводятся личности совершенно лишнія, неизвѣстно для чего фигурирующія»; что это «романъ дидактическій, настоящій ученый трактатъ, написанный въ разговорной формѣ»; что Тургеневъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» оставилъ свою службу искусству, и сталъ поработать его разнымъ теоретическимъ соображеніямъ и практическимъ цѣлямъ»; что «философская проницательность измѣнила поэту въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», что Базаровъ «есть тотъ же Рудинъ (!) съ нѣкоторыми измѣненіями въ слогѣ (?) и выраженіяхъ»; что Тургеневъ въ своемъ романѣ коснулся только верхушекъ «новыхъ» мнѣній, а «до внутренняго ихъ смысла добратся не могъ»; что ему не слѣдовало бы «разбирать современный образъ мыслей и характеризовать направленія», ибо онъ ихъ «вовсе не понимаетъ или понимаетъ по-своему, по-художнически, поверхностно и не вѣрно»; что такое искусство, какое обнаружено Тургеневымъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», заслуживаетъ «если не отрицанія, то порицанія и т. д.». Читая теперь всѣ такія и тому подобныя сужденія «необходимой» статьи г. Антоновича, не знаешь, чему болѣе дивиться: полному ли критическому невѣжеству ихъ автора или той самоувѣренной и самодовольной ограниченности, съ которою онъ смѣло высказываетъ свои неразумныя и вздорныя поученія и замѣчанія Тургеневу и публикѣ... Не болѣе основательно и не менѣе курьезно уразумѣла «Отцовъ и Дѣтей» и та часть тогдашней прогрессивной критики, которая отнеслась очень сочувственно къ этому роману. Эта критика приняла базаровскій типъ за какое-то олицетвореніе божества прогресса, приняла всѣ базаровскіе взгляды и мнѣнія за экстрактъ тогдашней современности, всѣ его фразы и слова, даже ироническія и шуточные, за кодексъ «самой послѣдней» и самой мудрой морали. Базаровъ, положимъ, говоря о красотѣ Одинцовой, выражается въ романѣ такъ: «этакое богатое тѣло». Сочувственная базаровскому типу прогрессивная критика пу- скалась въ серьезные и пространныя объясненія, что такъ именно и слѣдуетъ цѣнить женскую красоту съ настоящей

реалистическо-современной, молодой, прогрессивной точки зрѣнія, что «богатство» тѣла и есть единственный признакъ красоты, что другихъ никакихъ признаковъ и искать не подобаетъ, ибо такое исканіе есть гнилой идеализмъ, противорѣчіе естественно-научному знанію и т. д. И подобными основательными и полезными обсуждениями и доказательствами непреложной раціональности каждаго слова, каждаго движенія, каждаго поступка Базарова критика пробавлялась всласть, и все съ единственной цѣлью убѣдить, что онъ-то, Базаровъ, и есть самый настоящій, «мыслящій реалистъ», что отъ него-то и отъ занятій его анатомированіемъ лягушекъ и изойдетъ спасеніе не только нашего отечества, но и цѣлаго міра...

В. Буренинъ.

* * *

*) Произведеніе г. Тургенева находится въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ. Взятое изъ текущей жизни, оно снова входитъ въ нее и производитъ во всѣ стороны сильное практическое дѣйствіе, какое едва ли когда производило у насъ литературное произведеніе. Рампа исчезла, актеры и зрители смѣшались. Романъ какъ будто еще продолжается; произведенное имъ дѣйствіе, явленія, которыя онъ вызвалъ,—какъ будто новая глава въ немъ, какъ будто эпилогъ къ нему. Этотъ эпилогъ, разыгрывающійся въ дѣйствительности, служитъ отличнымъ комментариемъ романа; вотъ почему сказали мы, что онъ находится въ исключительныхъ условіяхъ. Благодаря этимъ условіямъ, чрезвычайно упрощается оцѣнка, и съ совершенною точностью разрѣшается вопросъ объ истинѣ типа, о вѣрности его изображенія. Впослѣдствіи историкъ нашей литературы будетъ говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ въ связи съ явленіями, вызванными имъ въ той средѣ, изъ которой взято его содержаніе... Въ настоящемъ случаѣ вопросъ рѣшается безъ всякихъ затрудненій. Самою лучшею повѣр-

кою изображеннаго типа служить произведенное имъ дѣйствіе... Г. Антоновичъ, критикъ «Современника», не обратилъ-бы никакого вниманія или отозвался бы самымъ добродушнымъ смѣхомъ на всякую неудачную попытку изобразить то, что не хотѣлось бы ему видѣть изображеннымъ; но онъ приходитъ въ совершенное неистовство при чтеніи романа г. Тургенева. Точно будто вырвали что-то изъ его сердца, точно будто онъ чувствуетъ себя пораженнымъ въ самую жизненную часть своего организма. Статья его объ «*Отцахъ и Детяхъ*» — не критика, а судорога, какая-то ужасная скороговорка, въ которой все столпилось безъ всякаго взаимнаго контроля, повинуюсь только чувству сильнѣйшаго раздраженія, не знающаго за что схватиться и укусить. Онъ пересочиняетъ романъ, навязываетъ автору разныя тенденціи, упрекаетъ его за измѣну чистому искусству, и въ то же время истерически хохочетъ надъ этимъ чистымъ искусствомъ, искажаетъ цитаты, переиначиваетъ дѣйствія, приписываетъ героямъ свойства и мнѣнія совершенно противоположныя тѣмъ, съ которыми они являются у автора, всячески старается опошлить главнаго героя, довести его до одного уровня съ какимъ-то романомъ г. Аскоченскаго, отдавая предпочтеніе послѣднему. Въ критикѣ г. Антоновича есть все, даже сравненіе съ г. Аскоченскимъ, который служитъ въ нашей литературѣ послѣднимъ терминомъ всякаго обиднаго сравненія... Базаровъ, какъ извѣстно, пожелалъ передъ смертью видѣть женщину, которую онъ любилъ, и былъ утѣшенъ ея прощальнымъ поцѣлуемъ. Какъ же вы думаете? Критикъ приходитъ отъ этого въ ужасъ; онъ съ омерзѣніемъ говоритъ объ этой сценѣ и обсыпаетъ автора язвительными укорами за такую «гадость»... Молодой человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, не смѣетъ и думать о томъ, что при жизни волновало его сердце, что онъ любилъ съ увлеченіемъ и страстью. Проститься передъ смертью съ предметомъ этой любви грѣшно и безнравственно. Читатель помнитъ эту сцену! Кажется, въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго и богопротивнаго? Однакожъ этотъ ригористъ находитъ ее такою. Надобно думать, что

появленіе Тургеневскаго романа произвело какую-нибудь глубокую кутерьму въ почтенномъ журналѣ, гдѣ пишетъ г. Антоновичъ. Въ его критической статьѣ слышатся отзывы этой подземной катастрофы...

Кончина героя очаровываетъ г. Писарева. Онъ пишетъ о ней съ гордымъ блескомъ во взорѣ; онъ кичится этою смертію за себя и за все новое поколѣніе; онъ видитъ въ этой смерти истинную апоѳеозу героя нашего времени; онъ не находитъ словъ для изъявленія благодарности автору за эту сцену смерти. Какая противоположность съ воззрѣніемъ г. Антоновича! Кто же правъ?.. Мы сближаемъ этихъ двухъ критиковъ не съ тѣмъ, чтобъ изъ этого сближенія дѣлать какой-нибудь выводъ относительно художественныхъ достоинствъ произведенія. Пусть во мнѣніи одного оно стоитъ высоко; пусть во мнѣніи другого оно ниже романа г. Аскоченскаго: это все равно, объ этомъ толковать нечего. Но насъ интересуютъ не мнѣнія этихъ критиковъ, а ихъ личныя отношенія къ роману, который будто бы они разбираютъ, но который накрылъ ихъ самихъ и произвелъ самое разлагающее дѣйствіе на ихъ умственную организацію... Странное дѣло! Оба эти философа, и по молодости лѣтъ и по характеру своихъ воззрѣній, равно причисляютъ себя къ передовымъ людямъ, у обоихъ одинъ и тотъ же символъ вѣры, и однако какое радикальное разногласіе по отношенію къ типу, въ которомъ одинъ узнаетъ идеаль современнаго поколѣнія, другой—его карикатуру и поруганіе! Вотъ очевидное доказательство, что художникъ попалъ мѣтко. Въ его произведеніи узнало себя то, что онъ изобразилъ въ немъ, узнало себя не только не въ искаженномъ, но даже въ самомъ лестномъ видѣ, и въ то же время почувствовало себя уязвленнымъ. Въ одномъ человѣкѣ было бы невозможно совмѣщеніе этихъ двухъ результатовъ. И вотъ произошло разложеніе. Изъ одного и того же мѣста послышалось два голоса, противорѣчащіе другъ другу во всѣхъ пунктахъ, но принужденные слиться въ одинъ общій результатъ. Выходя изъ одного начала и описавъ двѣ интересныя кривыя линіи, они пришли къ одному концу. Одинъ

заявилъ, что художникъ не выдумалъ своего типа, а извлекъ его изъ дѣйствительности; другой засвидѣтельствовалъ, что художникъ дѣйствительно извлекъ его. Болѣзненные вопли критика *Современника* и восторженные ликованія критика *Русскаго Слова* сливаются въ одинъ звукъ и равномерно свидѣлствуютъ о силѣ художника и объ успѣхѣ его произведенія... Оба критика, недовольный и довольный, не только противорѣчатъ между собою, но и совершенно согласны. Противорѣчіе есть и противорѣчія нѣтъ. Во взглядахъ обоихъ философовъ, плачущаго и смѣющагося, совершенное согласіе, но въ ихъ чувствованіяхъ, въ патетическихъ движеніяхъ души совершенная противоположность. Одно и то же почувствовали они противоположнымъ образомъ. Одинъ узналъ грядущаго героя съ веселымъ ликованіемъ; другой тоже узналъ его, но со скрежетомъ зубовъ. Одинъ спокоенъ и счастливъ; другой волнуется и терзается, и сыплеть проклятія»...

Вообще о романѣ и сферѣ его критикъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ: «Все въ этомъ произведеніи свидѣлствуетъ о созрѣвшей силѣ этого порвокласснаго таланта: ясность идей, мастерство въ обрисовкѣ типовъ, простота въ замыслѣ и ходѣ дѣйствія, воздержность и ровность въ исполненіи, драматизмъ, возникающій естественно изъ самыхъ обыкновенныхъ положеній, ничего лишняго, ничего задерживающаго, ничего посторонняго. Но, сверхъ этихъ общихъ достоинствъ, романъ г. Тургенева имѣетъ еще тотъ интересъ, что въ немъ уловленъ текущій моментъ, схвачено убѣгающее явленіе, типически изображена и запечатлѣна навѣки мимолетная фраза нашей жизни. Вотъ задача художника, который хочетъ непосредственно дѣйствовать на свое время; вотъ въ чемъ истинный смыслъ того требованія, чтобы художникъ оставался сыномъ своего времени, гражданиномъ своей страны...

Наша умственная жизнь не отличается ни многочисленностію своихъ органовъ, ни богатствомъ, ни внутреннею послѣдовательностію въ своемъ развитіи. Она зависитъ отъ разнородныхъ вліаній, дѣйствующихъ на нее со стороны.

Эта скудная струйка нашего умственного и общественнаго быта протекаетъ передъ лицомъ великихъ могущественныхъ цивилизацій, отъ которыхъ она зависитъ, которыя непрерывно на нее дѣйствуютъ и производятъ въ ней пертурбаціи. Оттого-то наше развитіе, повидимому, идетъ такъ быстро; оттого-то оно такъ часто переходитъ изъ одной фазы въ другую, такъ легко измѣняется въ своемъ направленіи и цвѣтѣ. Что ни день, то новое колѣно, новая эпоха, новые герои. Въ нашей литературѣ проходитъ послѣдовательно цѣлый рядъ типовъ, соотвѣтствующихъ этимъ фазамъ. Это герои своего времени. Самъ г. Тургеневъ изобразилъ уже нѣсколько подобныхъ типовъ. Въ прежнихъ типахъ онъ изображалъ болѣе или менѣе прожитыя фазы; но въ послѣднемъ романѣ онъ поймалъ героя прямо на дѣлѣ. Вотъ почему новый романъ г. Тургенева, при своемъ общемъ художественномъ значеніи, имѣетъ еще значеніе непосредственно дѣйствующей силы. То, что дѣйствуетъ теперь вокругъ насъ, что пробѣгаетъ въ умахъ и настраиваетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, приведено здѣсь къ сознанію, представлено на видъ, — изъ дѣятеля превращено въ простой предметъ, изъ центра отброшено къ периферіи. Для подобной задачи необходимо обладать высокою творческою силою, необходима также зрѣлая чуткая мысль, точка зрѣнія, до которой не всякій можетъ возвыситься, глубокая и обширная наблюдательность, большая власть надъ собой... Сфера этого романа, конечно, очень ограничена; она соотвѣтствуетъ тому кругу, въ которомъ вращается наше малокровное образованіе. Это сфера такъ называемыхъ у насъ образованныхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кое-что читавшихъ и группирующихся вокругъ литературы. Всего этого очень немного, все это очень скудно, все это не имѣетъ внутренней силы. Дурныя или хорошія мнѣнія, ложныя или истинныя ученія, равно лишены глубокаго корня и въ отцахъ и въ дѣтяхъ. Всѣ эти мнѣнія, всѣ эти толки и пренія—дѣло большею частію наносное или продуктъ тепличнаго воздуха. Это общая черта всего, что называется у

насъ образованнымъ, къ какому бы оно ни принадлежало поколѣнію, молодому или старому. Хороши или дурны люди, даровиты они или бездарны по своей природѣ, вы чувствуете, что главная доля ихъ умственного содержанія не выработана жизнью, а случайно занесена со стороны, и является или аффектаціей и безплодной вычурой, или сухимъ быліемъ. Сила здѣсь вовсе не сила, а только относительное безсиліе окружающаго. Таковъ этотъ маленькій міръ, къ которому относится послѣднее произведеніе нашего писателя-художника.

«Русскій Вѣстникъ» 1862 г.

* * *

*) Позволю себѣ привести слѣдующую выписку изъ моего дневника: «30 іюля, воскресенье. Часа полтора тому назадъ, я кончилъ, наконецъ, свой романъ... Не знаю, каковъ будетъ успѣхъ. — «Современникъ», вѣроятно, оболъетъ меня презрѣніемъ за Базарова — и не повѣритъ, что во все время писанія я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе»...

Мои критики называли мою повѣсть «Памфлетомъ», упоминали о «раздраженномъ», «уязвленномъ» самолюбіи; но съ какой стати сталъ бы я писать памфлетъ — на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя? Какого бы я ни былъ скромнаго мнѣнія о своемъ дарованіи — я все-таки считалъ и считаю сочиненіе памфлета, «посквиля», ниже его, недостойнымъ его. Что же касается до «уязвленнаго» самолюбія — то замѣчу только, что статья Добролюбова о *послѣднемъ моемъ произведеніи* передъ «Отцами и Дѣтьми» — о «Наканунѣ» (а онъ по праву считался выразителемъ общественнаго мнѣнія), что эта статья, явившаяся въ 1861 году, исполнена самыхъ горячихъ, говоря по совѣсти, самыхъ незаслуженныхъ по-

хваль... Рисуя фигуру Базарова, я исключилъ изъ круга его симпатій все художественное, я придалъ ему рѣзкость и безцеремонность тона—не изъ нелѣпаго желанія оскорбить молодое поколѣнiе (!!!), а просто вслѣдствiе наблюдений надъ моимъ знакомцемъ докторомъ Д. и подобными ему лицами»... Личныя мои наклонности тутъ ничего не значать; но, вѣроятно, многiе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что, за исключенiемъ возрѣнiй на искусство, я раздѣляю почти всѣ его убѣжденiя. А меня увѣряютъ, что я на сторонѣ «отцовъ»... Я, который въ фигурѣ Павла Кирсанова даже погрѣшилъ противъ художественной правды и пересолилъ, довелъ до карикатуры его недостатки, сдѣлавъ его смѣшнымъ!

Помнится, одинъ критикъ въ сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженiяхъ, прямо ко мнѣ обращенныхъ, представилъ меня вмѣстѣ съ г. Катковымъ въ видѣ двухъ заговорщиковъ, въ тишинѣ уединеннаго кабинета замышляющихъ свой гнусный ковъ, свою клевету на молодыхъ русскiя силы... Картина вышла эффектная! На дѣлѣ вотъ какъ происходилъ этотъ «заговоръ». Когда г. Катковъ получилъ отъ меня рукопись «Отцовъ и Дѣтей», о содержанiи которой онъ не имѣлъ даже приблизительнаго понятiя—онъ почувствовалъ недоумѣнiе. Типъ Базарова показался ему «чуть не апоѳеозой «Современника», и я бы не удивился, если бъ онъ отказался отъ помѣщенiя моей повѣсти въ своемъ журналѣ... Надѣюсь, что г. Катковъ не посѣтуетъ на меня за приведенiе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ написаннаго ко мнѣ въ то время письма его:—«Если и не въ апоѳеозу возведенъ Базаровъ», писалъ онъ, «то нельзя не сознаться, что онъ какъ-то случайно попалъ на очень высокой пьедесталь. Онъ дѣйствительно подавляетъ все окружающее. Все передъ нимъ или ветошь или слабо и зелено. Такого ли впечатлѣнiя нужно было желать? Въ повѣсти чувствуется, что авторъ хотѣлъ характеризовать начало мало ему сочувственное, но какъ будто колебался въ выборѣ тона и бессознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное въ отношенiяхъ автора къ герою повѣсти, какая-то

неловкость и принужденность. Авторъ передъ нимъ какъ будто теряется, и не любитъ, а еще пуще боится его!» Далѣе г. Катковъ сожалѣетъ о томъ, что я не заставилъ Одинцову обращаться иронически съ Базаровымъ и т. д. — все въ томъ же тонѣ! Явно, прибавляетъ Тургеневъ, что одинъ изъ «заговорщиковъ» не вполнѣ былъ доволенъ работою другого.

И. Тургеневъ.

* * *

*) Тургенева, очевидно, очень тревожило то «общественное мнѣніе», которое по отношенію къ художественнымъ созданіямъ такъ часто бываетъ именно «судомъ глупца». и, волнуясь его отзывами, онъ нерѣдко порывался какъ бы оправдать себя, порывался поправить въ слѣдующемъ произведеніи то, за что его упрекали въ предыдущемъ. Помимо художественныхъ поправокъ и оправданій, Тургеневъ дѣлалъ попытки такихъ же оправданій и поправокъ въ своихъ объясненіяхъ съ читателями и въ письмахъ. Въ этихъ любопытныхъ документахъ очень живо отражается противорѣчіе Тургенева самому себѣ, не только какъ художнику, но даже просто противорѣчіе собственнымъ же увѣреніямъ. И всѣ эти противорѣчія исходятъ именно изъ отсутствія той гордости и того спокойствія, которыя рекомендуются Пушкинымъ поэту для того, чтобы имѣть правильный «высшій» судъ надъ собственнымъ своимъ творчествомъ. Такъ, въ объясненіи по поводу «Отцовъ и Дѣтей» Тургеневъ видимо огорчается тѣмъ, что, съ одной стороны, разные «тучные», «снисходительные» и «раздражительные» генералы-консерваторы привѣтствовали его, какъ изобличителя зловреднаго нигилизма, а съ другой—разные мнимо-прогрессивные критики обвиняли въ непониманіи идеаловъ молодого поколѣнія, изображеннаго будто-бы карикатурно въ лицѣ Базарова. Огорченіе художника, прозрѣвшаго въ этихъ привѣтствіяхъ-обвиненіяхъ подрывъ прежней либе-

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

ральной репутаціи, приводитъ его къ тому, что онъ начинаетъ увѣрять, будто-бы въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» его полное сочувствіе къ Базарову не можетъ быть отрицаемо, что, «за исключеніемъ возрѣній на художество, онъ раздѣляетъ самъ почти всѣ базаровскія убѣжденія». Въ недавно напечатанномъ въ газетѣ «Недѣля» письмѣ, писанномъ почти тотчасъ-же вслѣдъ за появленіемъ «Отцовъ и Дѣтей», Тургеневъ даже увѣрять, что въ Базаровѣ ему «мечтался какой-то pendant къ Пугачову». И все это говоритъ тотъ самый художникъ, который въ этомъ же письмѣ удостоверяетъ, что Николай Петровичъ Кирсановъ списанъ имъ отчасти съ самого себя, который въ романѣ отъ своего лица съ нескрываемой злостью замѣчаетъ, что «этотъ гордый и самоувѣренный Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ глазахъ мужиковъ былъ все-таки чѣмъ-то вродѣ шути гороховога». Какъ, подумаешь, вяжутся предыдущія оправдательныя увѣренія съ тѣмъ, что мы находимъ въ романѣ! Если самъ Тургеневъ, по его же словамъ, принадлежитъ къ кирсановскому типу, что, конечно, въ извѣстной степени и въ извѣстномъ отношеніи справедливо, то какъ-же онъ могъ сходиться въ своихъ убѣжденіяхъ съ Базаровымъ? Если Тургеневъ мечталъ въ Базаровѣ изобразить pendant Пугачову, то какимъ образомъ онъ выставилъ его гороховымъ шутомъ въ глазахъ народа? Разгадки этихъ противорѣчій слѣдуетъ искать въ томъ, что въ своихъ объясненіяхъ романа правдивый и прямой въ творчествѣ, но уклончивый и слабый характеромъ художникъ старался всячески *поправить* ту рѣзкую правду, которую онъ высказалъ въ лицо обществу, въ лицо молодому поколѣнію, и которою смутился самъ, когда это общество и это поколѣніе легкомысленно начали «колебать его треножникъ»...

В. Буренинъ.

* * *

*) По поводу романа «Отцы и Дѣти» Н. Соловьевъ замѣчаетъ: «Заслуга Тургенева во всякомъ случаѣ большая.

*) Н. Соловьевъ. „Искусство и Жизнь“. М. 1869 г.

Сколько умныхъ вещей было высказано, сколько сомнѣній разрѣшено, сколько вопросовъ затронуто, и все это по поводу одного художественнаго произведенія».

Н. Соловьевъ.

* * *

*) Въ романѣ «Наканунѣ» русская жизнь изображена великимъ поэтомъ безъ вождя, безъ героя, безъ руководящей силы. Но такой горячей любовью къ родинѣ, такой вѣрой въ нее проникнуть романъ, что не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ изображаетъ дѣйствительно канунъ новаго дня, и что въ недалекомъ будущемъ изъ творческой фантазіи поэта выйдетъ новый образъ сильнаго русскаго человѣка, выразителя думъ и стремленій своего поколѣнія, своей эпохи.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ два года послѣ «Наканунѣ» явилось въ свѣтъ величайшее художественное созданіе Тургенева — новый романъ, опять изображающій «героя времени» — «Отцы и Дѣти».

Но, искушенный опытомъ, развѣнчавшій двухъ людей, на которыхъ возлагалъ великія и смѣлыя надежды, «западника» Рудина и «славянофила» Лаврецкаго, Тургеневъ иначе относится къ новому вождю жизни. Когда онъ изображалъ тѣхъ, мы видѣли, какъ вѣра въ нихъ боролась въ его душѣ съ сомнѣніемъ въ ихъ состоятельности; поэтъ въ самомъ ходѣ романовъ то идеализировалъ своихъ героевъ, то развѣнчивалъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ его отношеніяхъ къ Базарову: здѣсь нѣтъ никакихъ колебаній, — поэтъ признаетъ великую силу новаго человѣка, признаетъ его значительность, горячо любитъ его, но сразу, съ перваго его шагу убѣжденъ въ его несостоятельности, въ томъ, что онъ не есть достигнутый идеаль. Тургеневъ вполне безпристрастно, вполне объективно относится къ своему послѣднему герою, — здѣсь и причина необычайной художественности его изображенія: ни одно лицо поэзіи Тургенева

*) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1883 г.

не стоитъ такъ твердо на своихъ ногахъ, не рисуется такъ опредѣленно и ярко въ нашемъ представленіи, какъ Базаровъ.

Въ своихъ превосходныхъ замѣткахъ «По поводу Отцовъ и Дѣтей», замѣткахъ, написанныхъ 8 лѣтъ спустя послѣ романа, поэтъ самъ вѣрно разъясняетъ свои отношенія къ главному лицу «Отцовъ и Дѣтей»:

„воспроизведенный мною Базаровскій типъ (говоритъ онъ) не успѣлъ пройти чрезъ постепенные фазисы, черезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось — какъ на долю Онѣгина или Печорина — (мы могли бы прибавить: и Рудина или Лаврецкаго) — эпохи идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія новаго человѣка — Базарова авторъ отнесся къ нему критически... объективно“.

Къ приведеннымъ словамъ Тургеневъ присоединилъ горестное замѣчаніе:

„кто знаетъ! въ этомъ была, быть можетъ, если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы“.

Но съ этимъ замѣчаніемъ поэта мы можемъ, конечно, не согласиться, тѣмъ болѣе, что оно прекрасно опровергается дальнѣйшими справедливыми указаніями его на необходимыя условія истиннаго творчества. Художнику «нужна», говоритъ Тургеневъ,

„правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ: нужна свобода, полная свобода возрѣній и понятій... и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи: не даромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными“, свободными. Можетъ ли человѣкъ „схватывать“, „уловлять“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя? Пушкинъ это глубоко чувствовалъ: не даромъ въ своемъ бессмертномъ сонетѣ, въ этомъ сонетѣ, который каждый начинающій писатель долженъ вытвердить наизусть и помнить какъ заповѣдь, — онъ сказалъ:

...дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

И вотъ эту-то свободу отношенія и изображенія мы,
„Отцы и Дѣти“.

дѣйствительно, и видимъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ»,— обстоятельство, подымающее романъ на недосыгаемую художественную высоту.

Замѣчательно, однако, что художественность и объективность великаго произведенія не были оцѣнены въ свое время по достоинству русскимъ обществомъ. Тургеневъ вспоминаетъ сонетъ Пушкина «Поэту»,— ему самому пришлось испытать то горькое чувство, которое внушило это стихотвореніе его великому предшественнику. Не была понята правдивая и безпристрастная любовь Тургенева къ своему герою,— и на знаменитаго писателя посыпались обвиненія самыхъ противоположныхъ свойствъ:

„Въ то время, какъ одни (пишетъ онъ въ названной выше замѣткѣ) обвиняютъ меня въ оскорбленіи молодого поколѣнія, въ отсталости, въ мракобѣси, извѣщаютъ меня, что съ „хохотомъ презрѣнія сжигаютъ мои фотографическія карточки“,— другіе, напротивъ, съ негодованіемъ упрекаютъ меня въ низкопоклонствѣ передъ самымъ этимъ молодымъ поколѣніемъ. „Вы ползаете у ногъ Базарова! „восклицаетъ одинъ корреспондентъ: вы только притворяетесь, что осуждаете его; въ сущности, вы заискиваете передъ нимъ, и ждете, какъ милости, одной его небрежной улыбки!“

Въ «Современникѣ», передовомъ и либеральномъ журналѣ 60-хъ годовъ, появилась рѣзкая и грубая статья «Асмодей нашего времени», въ которой Тургеневъ сравнивался съ Аскоченскимъ, романъ его признавался не художественнымъ произведеніемъ, а злобой клеветой на молодое поколѣніе; Базаровъ очень не понравился многословному критику. Несмотря на крайнюю слабость и бездарность статьи (чтобы не сказать болѣе), несмотря на доходящую до фантастическаго нелѣпость ея доводовъ— она имѣла большой успѣхъ. Она имѣла успѣхъ, несмотря даже на то, что даровитый критикъ направленія близкаго къ «Современнику» иначе отнесся къ дѣлу. Писаревъ въ своей статьѣ «Базаровъ» написалъ:

„Тургеневъ никому и ничему въ своемъ романѣ не сочувствуетъ вполнѣ. Если бы сказать ему: „Иванъ Сергѣичъ, вамъ Базаровъ“

не нравится, чего же вамъ угодно?“ — то онъ на этотъ вопросъ не отвѣтилъ бы ничего. Онъ никакъ не пожелалъ бы молодому поколѣнію сойтись съ отцами въ понятіяхъ и влеченіяхъ. Его не удовлетворяютъ ни отцы ни дѣти, и въ этомъ случаѣ его отрицаніе глубже и серьезнѣе отрицанія тѣхъ людей, которые, разрушая то, что было до нихъ, воображаютъ себѣ, что они — соль земли и чистѣйшее выраженіе полной человѣчности... Скажу больше: общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ раболѣпнаго поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не нашелъ бы въ этихъ отношеніяхъ ничего робкаго или фальшиваго. Тургеневъ не любитъ беспощаднаго отрицанія и между тѣмъ личность беспощаднаго отрицателя выходитъ личностью сильною, и внушаетъ каждому читателю невольное уваженіе. Тургеневъ склоненъ къ идеализму, а между тѣмъ ни одинъ изъ идеалистовъ, выведенныхъ въ его романѣ, не можетъ сравниться съ Базаровымъ ни по силѣ ума ни по силѣ характера. Я увѣренъ, что многіе изъ нашихъ журнальныхъ критиковъ захотятъ, во что бы то ни стало, увидать въ романѣ Тургенева затаенное стремленіе унизить молодое поколѣніе и доказать, что дѣти хуже родителей; но я точно такъ же увѣренъ, что непосредственное чувство читателей, не скованныхъ обязательными отношеніями къ теоріи, оправдаетъ Тургенева, и увидитъ въ его произведеніи не диссертацию на заданную тему, а вѣрную, глубоко прочувствованную и безъ малѣйшей утайки нарисованную картину современной жизни“.

Замѣтимъ мимоходомъ важное обстоятельство, что со взглядомъ Писарева на положеніе въ романѣ Базарова сошелся г. Катковъ.

Оба критика неправы, что не видятъ, какъ Тургеневъ безповоротно развѣнчалъ Базарова, какъ онъ, хотъ и съ болью сердца, но разбилъ «высокій пьедесталь» своего героя. Но они совершенно вѣрно оба, съ своихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, указали на безпристрастіе Тургенева, на отсутствіе въ немъ тенденціи.

Когда ожиданіе Писарева, что поэта обвинятъ въ желаніи унизить «дѣтей» въ пользу «отцовъ», исполнилось, молодой критикъ энергически осмѣялъ плохую статью «Современника».

Но несмотря на все это, — молодое поколѣніе временно отвернулось отъ Тургенева. Мы знаемъ теперь даже, что

его требовала на какой-то судъ учащаяся въ Гейдельбергѣ русская молодежь.

„На мое имя легла тѣнь (съ чувствомъ глубокой горести написалъ поэтъ въ 1869 г.). Я себя не обманываю; я знаю, эта тѣнь съ моего имени не сойдетъ“.

Слава Богу, печальныя ожиданія великаго писателя не сбылись! Сочувствіе юности черезъ нѣсколько лѣтъ вновь хлынуло къ нему волною, и уже болѣе не покидало его, и проводило его въ могилу. Это совпало съ возвращеніемъ сочувствій молодого поколѣнія къ великому учителю Тургенева — Пушкину. Но поэту пришлось испытать не мало горькихъ минутъ.

Отчего произошло все это, трудно отвѣтить, трудно рѣшить этотъ психологическій и историческій вопросъ. Самъ Тургеневъ готовъ былъ видѣть причину охлажденія къ нему въ томъ, что типъ Базарова не прошелъ подъ его перомъ «эпохи идеализаціи». Можетъ быть, это и вѣрно; но ужь никакъ нельзя согласиться съ благодушнымъ мнѣніемъ поэта, что здѣсь была его ошибка. Не ошибка была здѣсь, а нѣчто совсѣмъ другое: великій художникъ переросъ общество, переросъ своихъ читателей: однимъ хотѣлось идеализаціи Базарова, другимъ приниженія, — а правда — мало кому понравилась.

Итакъ, Базаровъ изображенъ вполне объективно: поэтъ его любитъ, но въ то же время сразу, безъ колебаній и сомнѣній развѣнчиваетъ. Слѣдовательно (можно бы спросить), романъ «Отцы и Дѣти», въ которомъ впервые Тургеневъ не идеализируетъ, не возвеличиваетъ своего героя, какъ онъ это дѣлалъ прежде, долженъ производить впечатлѣніе печальное съ самыхъ первыхъ страницъ, ибо и въ нихъ уже нѣтъ вѣры поэта въ состоятельность новаго челоуѣка, новаго вождя жизни?

Повидимому, на такой вопросъ должно отвѣтить утвердительно; но на самомъ дѣлѣ утвердительный отвѣтъ будетъ невѣрнымъ. — Да, «герой» развѣнчанъ, какъ развѣнчаны силою безпощаднаго тургеневскаго анализа и прежніе герои; но послѣ него осталась жизнь — осталась и вѣра поэта

въ эту жизнь. За Базаровымъ въ романѣ изображенъ цѣлый міръ, міръ молодости, счастья, религіозныхъ вѣрованій, — и этотъ міръ остался цѣльнымъ, когда разбились мечты сильной личности о своемъ могуществѣ, о своемъ великомъ назначеніи. Гордая личность не смогла охватить и исчерпать дѣйствительности однимъ созданнымъ ею принципомъ, — и ушла изъ міра; но родникъ жизни не изсякъ, и бьетъ въ романѣ живымъ ключемъ...

«Отцы и Дѣти» — названъ романъ Тургенева, и названіе это какъ будто намекаетъ на противоположность двухъ поколѣній, противоположность во взглядахъ и жизни. И, въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ романѣ, съ одной стороны, молодыхъ людей — Базарова, Аркадія Кирсанова, Катерину Сергѣевну, Феничку; съ другой стороны — Николая Петровича и Павла Петровича Кирсановыхъ, стариковъ, родителей Базарова. Между Базаровымъ и Павломъ Петровичемъ происходятъ въ романѣ ожесточенные споры; дѣло доходитъ между ними даже до дуэли... Но, собственно говоря, этимъ почти и ограничивается весь разладъ двухъ поколѣній, будто-бы трагически изображенный въ романѣ, какъ обыкновенно принято думать. — Конечно, Базаровъ расходится во взглядахъ съ отцомъ своимъ и съ матерью, съ Николаемъ Петровичемъ. Но это разногласіе не есть что-либо особое и чрезвычайное, свойственное именно данной эпохѣ, именно двумъ опредѣленнымъ поколѣніямъ русскихъ людей, — это обычное, хоть и печальное явленіе въ жизни образованныхъ классовъ народа, обычная разница взглядовъ старости и молодости. Вражды тутъ нѣтъ. Мы видѣли взаимную любовь Базарова и его родителей; вспомнимъ, что тотъ-же Базаровъ, хоть и называлъ Николая Петровича «отставнымъ человѣкомъ», но очень ему симпатизировалъ и считалъ его и называлъ человѣкомъ хорошимъ. — Что же касается другихъ молодыхъ людей романа, то, собственно говоря, и нѣтъ даже никакого внутренняго разлада между ними и старымъ поколѣніемъ. Да и самая вражда Павла Петровича и Базарова есть не столько разладъ людей двухъ поколѣній, сколько вражда двухъ принциповъ:

аристократизма и, пожалуй, нѣкотораго рода байронизма, — съ простыми отношеніями къ жизни.

Но въ романѣ изображенъ разладъ другого рода, болѣе существенный, разладъ между Базаровымъ съ его убѣжденіями — съ одной стороны, и Аркадіемъ Кирсановымъ, Катериной Сергѣевной, Өеничкой, Николаемъ Петровичемъ (когда послѣдній примкнулъ къ этимъ молодымъ людямъ, женившись на Өеничкѣ) — съ другой. — Аркадій Кирсановъ только кажется ученикомъ и послѣдователемъ Базарова; а на самомъ дѣлѣ онъ лишь временно и не глубоко, не сильно увлекся идеями и личностью своего необыкновеннаго друга. Онъ гораздо моложе Базарова духомъ, и за нимъ, за Катей, за Өеничкой, за помолодѣвшимъ Николаемъ Петровичемъ остается жизнь, послѣ того, какъ Базаровъ ушелъ изъ нея. Самъ Базаровъ это сознаетъ, и не даромъ считаетъ и называетъ Аркадія «птенцомъ».

Катя первая поняла это. Она указала Аркадію на то, что онъ началъ освобождаться отъ вліянія Базарова.

„Онъ (говорила она про послѣдняго) не то, что мнѣ не нравится, а я чувствую, что и онъ мнѣ чужой, и я ему чужая... да и вы ему чужой.“

Это почему? (удивился Аркадій).

— Какъ вамъ сказать... Онъ хищный, а мы съ вами ручные.

— И я ручной?

— Катя кивнула головой“.

Базаровъ хотѣлъ ломать жизнь во имя своего міровоззрѣнія, во имя своего принципа, — и кончилъ убѣжденіемъ въ своей несостоятельности. Катя, Аркадій и другіе — это люди жизни, живую душой воспринимающіе ея впечатлѣнія, не подавляющіе ихъ въ себѣ, дающіе волю и просторъ своимъ душевнымъ стремленіямъ. — Базаровъ, руководящая сила жизни, умеръ, ушелъ изъ міра, «герой времени» оказался несостоятельнымъ; но Аркадій, Катя, Өеничка, эта почва, эти основы жизни, ея волнующіяся стихіи — остались; жизнь русская не изсякла, по представленію поэта — значитъ, возможно и наступленіе времени, когда появится новый герой, новый руководитель, который, можетъ быть,

найдетъ, наконецъ, истинное знамя, за которымъ всѣ пойдутъ.

И есть что-то отрадное и свѣтлое въ этомъ сохраненіи жизни, въ той радости молодыхъ людей романа, изображеніемъ которой онъ оканчивается. Замѣчательно, что самъ Базаровъ сочувственно отнесся къ этой молодости: вспомнимъ его отзывъ Аркадію о Катѣ, когда тотъ и не подозревалъ еще, чѣмъ будетъ для него Катя.

„Чудо—не она (говорилъ Базаровъ про Одинцову), а ея сестра.

— Какъ? эта смугленькая?

— Да, эта смугленькая. Это вотъ свѣжо, и нетронуто, и пугливо, и молчаливо, и все что хочешь“.

Базаровъ сочувственно смотритъ и на бракъ Аркадія съ Катей, на ихъ молодую счастливую будущность.

„Нынѣшняя молодежь больно хитра стала“.

сказалъ онъ Аннѣ Сергѣевнѣ, когда они оба неожиданно узнали о сватовствѣ Аркадія; и тутъ же искренно прибавилъ:

„Желаю вамъ окончить это дѣло самымъ пріятнымъ образомъ; а я издали порадуюсь“.

Когда онъ разставался окончательно съ Аркадіемъ и съ злобной горечью говорилъ ему, что дороги ихъ разошлись; а Аркадій печально сказалъ: «ты навсегда прощаешься, Евгений... и у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня»,

„Базаровъ почесалъ у себя въ затылкѣ. — Есть, Аркадій, есть у меня другія слова, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ,—это значить: разсыропиться. А ты поскорѣй женись, да своимъ гнѣздомъ обзаведись, да надѣлай дѣтей побольше. Умницы они будутъ уже потому, что во-время родятся, не то что мы съ тобой“.

Отвѣтомъ на сочувствіе Базарова молодой жизни, остающейся послѣ него, и будущей, которая еще придетъ современемъ, служить сочувственное воспоминаніе о немъ, о быломъ борцѣ, объ орлѣ, надломившемъ свои крылья, воспоминаніе Кати и Аркадія: когда въ Марьинѣ на прощаль-

номъ обѣдѣ въ честь отъѣзжавшаго Павла Петровича пилитосты, Катя шепнула на-ухо своему мужу: «въ память Базарова», и чокнулась съ нимъ; а Аркадій въ отвѣтъ пожалъ ей крѣпко руку».

Кромѣ молодой жизни, осталось послѣ смерти Базарова еще великое начало, съ которымъ онъ стоялъ передъ смертью лицомъ къ лицу и которое, быть можетъ, смутило его,—религіозное міросозерцаніе, вѣра въ жизнь безконечную, обѣщающая человѣку свободу, ту свободу, которой такъ тщетно искалъ Базаровъ на иныхъ путяхъ. Тургеневъ оканчиваетъ романъ выраженіемъ величайшаго сочувствія своего этому религіозному міросозерцанію, которымъ живетъ уже цѣлые вѣка русскій народъ. Поэтъ описываетъ запущенное сельское кладбище; по могиламъ его безвозбранно бродятъ овцы; но между этими могилами есть одна (говоритъ онъ),

„до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгенийъ Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка—мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной“.

Въ этихъ чудныхъ, вдохновенныхъ словахъ выражается, каковы бы ни были личныя воззрѣнія самого Тургенева, выражается несомнѣнно затаенный религіозный идеаль его

высокой поэзіи, тотъ идеаль, который свѣтитъ намъ и въ чистомъ образѣ Лизы, единственнаго лица, выдержавшаго строгій судъ тургеневскаго анализа. Это—тотъ же самый религіозный идеаль, который проникаетъ собою послѣднія произведенія Пушкина и Гоголя, и который проявляется обыкновенно въ концѣ дѣятельности всѣхъ нашихъ крупныхъ поэтовъ, безразлично—наклонны ли они болѣе къ западничеству или къ славянофильству.

А. Незеленовъ.

* * *

*) Настроение Тургенева до выхода въ свѣтъ «Отцовъ и Дѣтей» было смутное; то онъ надѣялся, что «участь» романа «будетъ лучше», чѣмъ участь «Наканунѣ», то опасался разочарованія публики, и хотѣлъ возможно дольше удержать у себя свое произведение. Любопытно, что авторъ съ самаго начала предчувствовалъ жестокія нападки крайней либеральной печати, и въ своемъ дневникѣ, немедленно по окончаніи романа, указалъ на недоразумѣніе, съ которымъ ему предстояло вскорѣ вести энергичную, но большею частью безплодную борьбу. Катковъ настоятельно требовалъ романъ для первыхъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» на 1862 годъ.

Конецъ 1861 года проходитъ для Тургенева въ мучительныхъ сомнѣніяхъ, но это только слабое предвѣстіе грядущей бури. Тургеневъ горячо благодаритъ за всякій благопріятный отзывъ о романѣ. Въ октябрѣ такую благодарность получаетъ Анненковъ,—и Тургеневъ прибавляетъ: «довѣріе къ собственному труду было сильно потрясено во мнѣ». Авторъ не останавливается ни предъ какими поправками и измѣненіями. Позже онъ говорилъ, что «работалъ надъ романомъ усердно, долго, добросовѣстно». Всѣ замѣчанія друзей принимаются въ расчетъ, и безпрестанно посылаются требованія — насчетъ новыхъ замѣчаній. Насъ изумляетъ терпимость, самоотверженный трудъ и покорное

вниманіе къ чужимъ мнѣніямъ у зрѣлаго, уже прославленнаго художника.

Не мало затрудненій создалъ для Тургенева редакторъ «Русскаго Вѣстника». «Онъ не восхищался романомъ», рассказываетъ очевидецъ, «а напротивъ, съ первыхъ же словъ замѣтилъ: «какъ не стыдно Тургеневу было спустить флагъ передъ радикаломъ и отдать ему честь, какъ передъ заслуженнымъ воиномъ»».

Катковъ не удовлетворился бесѣдой съ пріятелемъ Тургенева и написалъ Ивану Сергѣевичу письмо. Отрывокъ изъ этого письма, напечатанный Тургеневымъ въ статьѣ «По поводу Отцовъ и Дѣтей»—въ высшей степени любопытенъ. Онъ ясно указываетъ спорный пунктъ, возбудившій многолѣтнюю полемику. Катковъ писалъ:

«Если и не въ апоѳеозу возведенъ Базаровъ, то нельзя не сознаться, что онъ какъ-то случайно попалъ на очень высокій пьедесталъ. Онъ дѣйствительно подавляетъ все окружающее. Все передъ нимъ или ветошь или слабо и зелено. Такого ли впечатлѣнія нужно было желать? Въ повѣсти чувствуется, что авторъ хотѣлъ характеризовать начало, мало ему сочувственное, но какъ будто колебался въ выборѣ тона и бессознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное въ отношеніяхъ автора къ герою повѣсти, какая-то неловкость и принужденность. Авторъ передъ нимъ какъ будто теряетъ, и не любитъ, а еще пуще боится его!».

Это одинъ взглядъ. Рядомъ съ нимъ Тургеневу приходилось выслушивать совершенно противоположныя мнѣнія. Знакомая семья, очень уважаемая авторомъ, совѣтовала ему предать романъ огню. На такомъ трагическомъ концѣ настаивала особенно хозяйка—умная, развитая дама. Тургеневъ пришелъ въ крайнее безпокойство, и сдѣлалъ запросъ другимъ своимъ друзьямъ, что дѣлать съ романомъ. На этотъ разъ автора обвиняли въ отрицательномъ отношеніи къ главному герою «за антилиберальный духъ».

Обѣ партіи шли рука объ руку и преслѣдовали автора за каждую мелочь. Катковъ, на примѣръ, жалѣлъ о томъ,

что Тургеневъ не заставилъ Одинцову обращаться съ Базаровымъ иронически. Критики противоположнаго взгляда негодовали на Тургенева за то, что онъ заставилъ Базарова проиграть въ карты отцу Алексѣю: «Не знаетъ, молъ, чѣмъ бы только уязвить и унижить его! И въ карты, молъ, не умѣетъ играть».

Тургеневъ подъ вліяніемъ отзывовъ выкидывалъ изъ романа цѣлыя сцены. Напримѣръ, въ свиданіи Аркадія съ Базаровымъ: Базаровъ, рассказывая о дуэли, трунилъ надъ рыцарями, и Аркадій слушалъ его съ тайнымъ ужасомъ. Этихъ насмѣшекъ нѣтъ въ окончательной редакціи. «Я выкинулъ это, и теперь сожалью», писалъ Тургеневъ Достоевскому: «я вообще много перемарывалъ и передѣлывалъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ отзывовъ».

Упреки Каткова произвели на Тургенева особенно сильное впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ остановить печатаніе романа и передѣлать лицо Базарова съ начала до конца, даже писалъ объ этомъ Каткову, но передѣлка, къ счастью, не состоялась.

Ко всѣмъ этимъ спорамъ присоединилось событіе общественнаго характера, неблагопріятное роману. Осенью 1861 года произошли студенческіе беспорядки. Они быстро были прекращены, но заграничные корреспонденты особенно ими заинтересовались, сообщая о нихъ, извращая и преувеличивая факты. Тургеневъ спрашивалъ изъ Парижа совѣта друзей, не лучше ли при современныхъ условіяхъ отложить печатаніе романа? Въ декабрѣ 1861 года вопросъ все еще оставался нерѣшеннымъ. Редакторъ «Русскаго Вѣстника» настойчиво требовалъ романа, Тургеневъ еще не довелъ до конца передѣлокъ. Всѣ эти тревоженія должны были жестоко измучить автора. Одиннадцатаго декабря онъ писалъ:

«Судя по охватывающей меня со всѣхъ сторонъ апатіи—это будетъ, вѣроятно, послѣднее произведеніе моего краснорѣчиваго пера. Пора натягивать на себя одѣяло—и спать».

Несмотря на всѣ препятствія и задержки, романъ появился, наконецъ, въ мартовской книгѣ «Русскаго Вѣстника».

Впечатлѣніе, произведенное романомъ на публику, было безпримѣрное въ русской литературѣ. Передъ нами рассказъ очевидца, крайне враждебно настроеннаго противъ Тургенева, и тѣмъ любопытнѣе подробности рассказа.

«Можно положительно сказать», пишетъ этотъ очевидецъ, «что *Отцы и Дети* были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги въ руки». Приводятся слѣдующіе примѣры. Въ одно общество явился генераль и тотчасъ же заговорилъ о злобѣ дня:

— Признаюсь, я эту дребедень, называемую повѣстями и романами, не читаю, но куда ни придешь—только и разговоровъ что объ этой книжкѣ... стыдятъ, уговариваютъ прочитать... Дѣлать нечего,—прочиталъ»... Дальше слѣдовали восторги по поводу того, что авторъ «ловко ошельмовалъ» молодое поколѣніе, обозвавъ юношей извѣстнаго сорта—«нигилистами».

Это слово, извѣстное въ русской литературѣ задолго до Тургенева, превратилось теперь «въ клеймо позора», по выраженію Тургенева. Оно заключало въ себѣ приговоръ въ нравственной смерти. Нашъ очевидецъ рассказываетъ случай въ одной чиновничьей семьѣ. Глава семьи—старый служака—не поѣхалъ съ праздничными визитами къ знакомымъ, ссылаясь на свой возрастъ. Жена—старуха—пришла въ ужасъ, заподозрила нигилизмъ, обвинила студента-племянника, жившаго въ ея домѣ, будто онъ тлетворно вліяетъ на мужа, и изгнала бѣднаго юношу.

Тотъ же очевидецъ яркими красками описываетъ рознь, будто бы внесенную романомъ во многія семьи: старое и молодое поколѣнія вдругъ оказались въ непримиримо-враждебныхъ отношеніяхъ... Многое, очевидно, здѣсь прикрашено фантазіей автора, но сущность факта—потрясающее впечатлѣніе романа на всю грамотную Россію—вполнѣ достоверна.

Тургеневъ въ своей статьѣ говорилъ о «любопытной коллекціи писемъ и прочихъ документовъ», накопившихся у него по поводу романа. «Въ то время», пишетъ онъ, «какъ одни обвиняютъ меня въ оскорбленіи молодого поколѣнія,

въ отсталости, въ мракобѣси, извѣщаютъ меня, что «съ хохотомъ презрѣнія сжигаютъ мои фотографическія карточки», — другіе, напротивъ, съ негодованіемъ упрекаютъ меня въ низкопоклонствѣ передъ самымъ этимъ молодымъ поколѣніемъ. «Вы ползаете у ногъ Базарова!» восклицаетъ одинъ корреспондентъ: «вы только притворяетесь, что осуждаете его; въ сущности, вы заискиваете передъ нимъ и ждете, какъ милости, одной его небрежной улыбки».

Несомнѣнно, особенный интересъ представляли для Тургенева отзывы писателей-художниковъ. Намъ извѣстно этихъ отзывовъ довольно много, и они, въ свою очередь, доказываютъ, какъ смутно и неопредѣленно было впечатлѣніе лучшихъ писателей-современниковъ.

Прежде всего — Фетъ. Тургеневъ, какъ увидимъ ниже, совершенно не сочувствовалъ художественнымъ взглядамъ этого поэта, но все-таки немедленно по выходѣ романа усердно просилъ его написать свое мнѣніе. Фетъ немедленно исполнилъ желаніе Тургенева. Смыслъ его критики можно видѣть изъ слѣдующаго въ высшей степени любопытнаго письма Тургенева; оно, между прочимъ, касается одного изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ въ области искусства — *тенденціи*.

Тургеневъ пишетъ въ отвѣтъ Фету:

«Итакъ, несмотря на всѣ ваши евоемизмы, *Отцы и Дѣти* вамъ не нравятся. Преклоняю голову, ибо дѣлать тутъ нечего: но хочу сказать нѣсколько словъ въ свою защиту, хотя и знаю, сколь это неблаговидно и напрасно. Вы приписываете всю бѣду *тенденціи, рефлексіи, уму*, однимъ словомъ. А по настоящему, надо было сказать — мастерства не хватило. Выходить, что я наивнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Тенденція! А какая тенденція въ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, позвольте спросить? Хотѣлъ ли я обругать Базарова или его превознести? *Я этого самъ не знаю*, ибо не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вотъ тебѣ и тенденція. Катковъ распекалъ меня за то, что Базаровъ у меня вышелъ въ апопееозѣ. Вы упоминаете также о параллелизмѣ; но гдѣ онъ, позвольте спросить, и гдѣ эти *пары*, вѣрующія или невѣрующія

щія. Павелъ Петровичъ вѣрить или не вѣрить? Я этого не вѣдаю, ибо я въ немъ просто хотѣлъ представить типъ С—ыхъ, Р—овъ и другихъ русскихъ ех-львовъ. Странное дѣло: вы меня упрекаете въ параллелизмъ, а другіе пишутъ мнѣ: зачѣмъ Анна Сергѣевна не высокая натура, чтобы полнѣе выставить контрастъ ея съ Базаровымъ? Зачѣмъ старики Базаровы не совершенно патріархальны? Зачѣмъ Аркадій пошловать, и не лучше ли было представить его честнымъ, но мгновенно увлекшимся юношей? Къ чему Фенечка и какой можно сдѣлать изъ нея выводъ? Скажу вамъ одно, что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освободиться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно. Изъ этого я не хочу вывести заключенія, что, стало-быть—я молодецъ; напротивъ, то, что можно заключить изъ моихъ словъ, даже обиднѣе для меня: я не то, чтобы перехитрилъ, а не сумѣлъ; но истина прежде всего. А впрочемъ, *omnia vanitas*»).

Одновременно съ критикой Фета Тургеневъ получилъ такой-же неблагопріятный отзывъ отъ Писемскаго: авторъ романа *Тысяча Душъ* находилъ, что «лицо Базарова совершенно не удалось».

Но были мнѣнія и другого свойства. Къ защитникамъ романа присоединились Достоевскій и А. Н. Майковъ. Тургеневъ тому и другому отвѣтилъ благодарственными письмами.

Благодаря Достоевскаго, онъ писалъ: «тутъ дѣло не въ удовлетвореніи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало-быть, не ошибся и не совсѣмъ промахнулся—и трудъ не пропалъ даромъ... Автору трудно почувствовать *тогдашъ*, насколько его мысль воплотилась, и вѣрна ли она, и овладѣлъ ли онъ ею и т. д. Онъ какъ въ лѣсу въ своемъ собственномъ произведеніи. Вы, навѣрное, сами испытали это не разъ. И потому еще разъ спасибо».

Письмо къ А. Н. Майкову исполнено горячаго задушев-

наго чувства. Каждая строка свидѣтельствуемъ здѣсь объ искренней радостной признательности.

«Любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, скажу вамъ прямо по-мужицки: «Дай вамъ Богъ здоровья за ваше милое и доброе письмо!» Очень вы меня утѣшили. Ни въ одной вещи своей я такъ не сомнѣвался, какъ именно въ этой; отзывы и сужденія людей, которымъ я привыкъ вѣрить, были крайне неблагоклонны; если бы не настоятельныя требованія Каткова—*Отцы и Дети* никогда бы не явились. Теперь я могу сказать себѣ, что не могъ же я написать совершенную чепуху, если такіе люди, какъ вы да Достоевскій, глядятъ меня по головкѣ и говорятъ мнѣ: «хорошо, братецъ, ставимъ тебѣ 4».

Но такія минуты Тургеневу приходилось рѣдко переживать. Вскорѣ онъ лично испыталъ, какую смуту вызвалъ герой въ умахъ русскихъ читателей. Онъ рассказываетъ о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ по выходѣ романа. Пріѣхалъ онъ въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора. Слово *нигилистъ* уже было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго Тургеневымъ на Невскомъ, было: «Посмотрите, что *ваши* нигилисты дѣлаютъ! жгутъ Петербургъ!» Немного спустя въ *Кельнской Газетѣ* появилась корреспонденція о томъ, что Тургеневъ поджигатель—не въ переносномъ, а въ букввальномъ смыслѣ слова.

Романъ назвали памфлетомъ на ненавистныхъ автору критиковъ, между прочимъ, на Добролюбова. Тургеневъ, по его словамъ, получалъ поздравленія, чуть не лобызанія отъ людей противнаго ему лагеря, отъ враговъ. Совѣсть художника оставалась спокойной: онъ «хорошо зналъ», что «честно и не только безъ предубѣжденія, но даже съ сочувствіемъ отнесся въ выведенному типу».

Это сочувствіе для Тургенева безусловный фактъ. Если Фету онъ заявлялъ—о неясности своихъ настроеній относительно Базарова,—это заявленіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что авторъ отнюдь не стремился своего отношенія къ Базарову навязывать читателямъ, *какъ человекъ*

онъ отлично зналъ, любить онъ или ненавидитъ Базарова, какъ писатель-художникъ — онъ предоставилъ рѣшеніе вопроса своему таланту и самой публикѣ. Другими словами Тургеневъ-авторъ не зналъ, удалось ли ему вызвать у читателей любовь или ненависть къ его герою. Отсюда постоянныя сознанія Ивана Сергѣевича въ безсиліи своего художественнаго творчества, въ неясности Базарова, какъ типа, какъ общественнаго явленія извѣстной эпохи.

Тургеневу оставалось свой личный взглядъ прямо открыть и разъяснить публикѣ.

Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ романа Тургеневу сообщали, какое бурное впечатлѣніе произвели *Отцы и Дѣти* на русскихъ студентовъ въ гейдельбергскомъ университетѣ. Молодежь вообще оказалась на сторонѣ хулителей романа, и преимущественно студенты. Тургеневъ счелъ нужнымъ подробно отвѣтить на упреки гейдельбергскихъ студентовъ; «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить», писалъ онъ, «я бы очень желалъ, чтобъ не было недоразумѣній на счетъ моихъ намѣреній».

Въ письмѣ отъ 14 апрѣля точно и ясно высказаны основныя идеи романа. На этотъ разъ Тургеневъ открыто становится на сторону новаго героя: «Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей». Все это, несомнѣнно, хорошія стороны. «*Вся моя повѣсть*», пишетъ авторъ, «направлена противъ дворянства, какъ передоваго класса». Вглядитесь въ лица Н. П. (Николая Петровича Кирсанова), П. П., Аркадія. Слабость и вялость или ограниченность». Дуэль, по замыслу автора, должна особенно ярко освѣтить «пустоту элегантно-дворянскаго рыцарства, вставленнаго почти преувеличенно-комически».

Нѣсколько дней спустя Тургеневъ писалъ въ томъ же смыслѣ Герцену, присоединившему свой голосъ къ нападкамъ молодежи на романъ.

«Немедленно отвѣчаю на твое письмо, не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ то же время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сер-

дился на него, но чувствовалъ къ нему «влеченіе, родъ недуга»... Еще бы онъ не подавилъ собою «человѣка съ душистыми усами» и другихъ! Это — торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновнымъ передъ Базаровымъ, и не могъ придать ему ненужной сладости. Если его не любятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значить я виноватъ и не сумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы не важная представить его идеаломъ; а сдѣлать его волкомъ и все-таки оправдать его, — это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ; но я хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ, напротивъ, сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д.».

Тургеневу приходилось объяснять самыя, повидимому, простыя положенія въ романѣ, напримѣръ, — доказывать, что Одинцова одинаково *не влюбается* ни въ Аркадія ни въ Базарова. Врядъ ли нынѣшній толковый читатель способенъ впасть въ такія заблужденія, какія на каждомъ шагу обнаруживали современники Тургенева. Одинцова, по словамъ автора, только дополняетъ сатиру на дворянство: «это тоже представительница нашихъ праздныхъ, мечтающихъ, любопытныхъ и холодныхъ барынь-эпикуреекъ, нашихъ дворянокъ».

Молодые люди недовольны были развязкой романа, *случайной*, будто бы, смертью Базарова. По замыслу автора — она «должна была положить послѣднюю черту на его трагическую фигуру».

Письмо 14-го апрѣля оканчивается слѣдующими искренними, энергическими словами:

«Если читатель не *полюбитъ* Базарова со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью — если онъ его не полюбитъ, повторяю я — я виноватъ и не достигъ своей цѣли. Но разсыропиться, говоря его словами, я не хотѣлъ, хотя черезъ это я бы, вѣроятно, тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ. Я не хотѣлъ покупаться за популярность такого рода уступками. Лучше

проиграть сраженіе (и, кажется, я его проигралъ), чѣмъ выиграть его уловкой. Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная, и все-таки обреченная на гибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго—мнѣ мечтался какой-то страшный pendant съ Пугачовымъ и т. д., — а мои молодые современники говорятъ мнѣ, качая головами: «ты, братецъ, опростоволосился и даже насъ обидѣлъ; вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ — напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился». Мнѣ остается сдѣлать какъ въ цыганской пѣснѣ: «снять шапку, да пониже поклониться».

Мы до сихъ поръ приводили только впечатлѣнія и мнѣнія читателей, — обыкновенной публики и журналистовъ, не занимавшихся специально литературной критикой. Но эти отзывы съ изумительной точностью предвосхитили основную точку зрѣнія и даже многія идеи профессиональныхъ судей художественнаго творчества.

Эта основная точка въ высшей степени оригинальна и въ русской литературѣ обнаружилась съ такой всепоглощающей силой только въ первый разъ, по поводу тургеневскаго романа. Фактъ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствовалъ объ общественномъ значеніи романа, но въ то же время самого автора ставилъ въ самое мучительное положеніе, такъ какъ критика превращалась въ энергическое слѣдствіе надъ его личностью и совѣстью.

Для Тургенева такой оборотъ былъ не новостью. Но личные нападки въ эпоху *Рудина* не идутъ ни въ какое сравненіе съ жестокой войной, возбужденной *Отцами и Дѣтьми*.

Что же собственно волновало страсти и вызывало подчасъ самыя странныя соображенія на счетъ авторскихъ цѣлей и идей?

Не романъ, какъ бы талантливо и художественно онъ ни былъ выполненъ, не сама исторія, рассказанная съ великимъ искусствомъ, — однимъ словомъ, не та сторона произ-

веденія, которая навсегда останется лучшимъ достояніемъ русской литературы.

Интересъ читателей и критиковъ сосредоточился исключительно на *одномъ героѣ* романа, на *одной личности*. Ради нея забыли о цѣломъ, забыли о неподражаемомъ творествѣ автора, забыли о всей его литературной дѣятельности. Одинъ образъ, созданный имъ, поглотилъ все общественное вниманіе.

Были подвергнуты тщательному изслѣдованію мельчайшія подробности, характеризующія героя, взвѣшено каждое его слово, каждое его дѣйствіе. Происходилъ въ полномъ смыслѣ судъ, непосредственно отражавшійся на самомъ авторѣ, — судъ беспощадный, часто жестокій и всегда придирчивый.

Читатели и критики во что бы то ни стало рѣшили добиться опредѣленнаго представленія на счетъ *доктрины міросозерцанія* автора. И нескончаемые анатомическіе опыты надъ главнымъ героемъ романа казались самымъ надежнымъ рѣшеніемъ вопроса.

Рѣдко люди съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ слѣдили и слѣдятъ за реальной личностью. Созданіе художника силой своего вліянія на умы превзошло всякую дѣйствительность.

И это впечатлѣніе осталось на долгіе годы.

Оно, повидимому, обладаетъ даже свойствомъ по временамъ оживать съ былой свѣжестью и съ былою мощью волновать страсти...

Но уже десятки лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ эпохи, кипѣвшей всевозможными общественными, политическими и нравственными вопросами, создавшей особаго рода литературу — воинственную и горячую, литературу стремительной критики и неутомимыхъ поисковъ нравственной правды и общественного блага. Намъ теперь многое чуждо и странно въ этой словесной бурѣ, разыгравшейся изъ-за Базарова. Насъ прежде всего поражаетъ запальчивость враждебныхъ вылазокъ противъ автора, несмотря ни на какія объясненія съ его стороны.

Откройте главнѣйшіе журналы за шестидесятые годы и вы будете поражены явленіемъ, совершенно необыкновеннымъ не только у насъ, но и во всей Европѣ. Громкая борьба романтизма съ классицизмомъ и позже натурализма съ романтизмомъ—простыя семейныя ссоры сравнительно съ критическими статьями объ *Отцахъ и Детяхъ*. Тамъ было, по крайней мѣрѣ, ясно, какой писатель и какой органъ стоять за ту или другую литературную школу, т.-е. тамъ были *partii*, два опредѣленныхъ лагеря. Ничего подобнаго въ русской журналистикѣ. Здѣсь партией оказался единолично *авторъ*, а *печать* самыхъ разнообразныхъ направленій составила ему оппозицію.

Если *Дворянское Гнѣздо* объединило враговъ и друзей Тургенева въ общемъ чувствѣ признательности и даже восторга, *Отцы и Дети* оказались мостомъ, гдѣ сошлись *Отечественныя Записки* и *Современникъ* въ единодушномъ натискѣ на творца Базарова.

Трудно сказать, какому журналу отдать пальму первенства за бранчивый азартъ смертнаго приговора тургеневскому роману.

Отечественныя Записки заявляли, что «авторъ лишенъ всякой умственной подготовки въ выполненіи цѣли романа», а цѣль эта, по толкованію критика, — «показать, что философія дѣтей противна человѣческой природѣ, и потому не можетъ быть примѣнима къ жизни». «Тургеневъ, оказывалось, «не только не имѣетъ никакого понятія о системѣ новой положительной философіи, но и о старыхъ, идеалистическихъ системахъ имѣетъ понятія самыя поверхностныя, ребяческія».

Вся критика изложена въ подобномъ тонѣ, при чемъ «сумбурныя разсужденія о молодомъ поколѣніи» — самая мягкая оцѣнка тургеневскихъ діалоговъ, а отрицаніе у авторовъ всякихъ «наблюденій надъ живою дѣйствительностью» — самое милостивое сужденіе. Весь романъ — сплошной вымыселъ и клевета на философію и молодое русское поколѣніе.

Какія же доказательства у критика?

Прежде всего, Тургеневъ критическое отношеніе «ко

всему» смѣшалъ съ безпринципностью, съ нигилизмомъ. Базаровъ—клевета на молодежь, потому что онъ отрицаетъ «честность», идетъ противъ «человѣческой природы», между тѣмъ какъ, по наблюденіямъ критика, русская молодежь «не только не отрицаетъ честности, а напротивъ того, шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы разъ двадцать не повторить этого слова при всякомъ удобномъ случаѣ».

Очевидно, Тургеневъ вообще противъ «критической точки зрѣнія», вполнѣ на сторонѣ «отцовъ», и въ критикѣ существующаго видитъ одинъ лишь нигилизмъ, т.-е. извращеніе нравственныхъ и естественныхъ основъ человѣческой жизни. Павелъ Петровичъ Кирсановъ—двойникъ автора романа, и авторъ статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ* громить этого господина въ полной увѣренности, что своими ударами уничтожаетъ Тургенева.

Откуда, спросите вы, этотъ авторъ узналъ, будто Тургеневъ говоритъ устами Павла Кирсанова? Всякій, умѣющій читать, отнюдь не увидитъ этого героя на идеальной высотѣ. Напротивъ, добродушная, отчасти сострадательная проія—выражаетъ истинныя чувства автора къ «a perfect gentleman'у», сраженному на смерть рыцарю «сфинкса» въ лицѣ чужой жены, княгини Р., накрахмаленному ритору на темы—«принсиповъ» («bien public»). «Принсипы» Кирсанова будто Тургеневъ признаетъ самыми совершенными принципами: критикъ въ этомъ убѣжденъ и произноситъ такой приговоръ автору романа: «Вообще, производя нигилизмъ отъ латинскаго слова nihil, т.-е. ничего, гораздо было бы правильнѣе назвать нигилистами людей, у которыхъ нѣтъ въ головѣ ни одной мысли, провѣренной собственной критикой, кромѣ принятыхъ на вѣру кирсановскихъ принциповъ».

Слѣдовательно, авторъ *Записокъ Охотника и Дворянскаго Гнѣзда* рекомендовался публикѣ въ качествѣ слабоумнаго пасквилянта на всякій протестъ, на всякую критическую мысль, обзывался попугаемъ барскихъ тунеядныхъ традицій, авторомъ практически-безсмысленнаго, «апріоричнаго» романа, гдѣ главный герой ведетъ войну противъ честности и

какихъ бы то ни было принциповъ, т.-е. является готовымъ нарушителемъ всякихъ божескихъ и человѣческихъ законовъ... И всѣ эти обвиненія изрекались во имя критической точки зрѣнія», во имя благороднаго молодого поколѣнія, т.-е. во имя свободы мысли и общественнаго прогресса.

Трудно повѣрить, чтобы разгнѣванный критикъ *Отечественныхъ Записокъ* отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ словахъ, въ моментъ писанія статьи владѣлъ хотя бы самой поверхностной «критической точкой зрѣнія» на процессъ собственныхъ мыслей. Иначе было бы прямо чудовищнымъ и невѣроятнымъ такое забвеніе общественныхъ и художественныхъ заслугъ писателя, такое легкомысленное и злобное отношеніе къ смыслу его произведенія, взволновавшаго всю грамотную Россію.

Критикъ *Современника* свою статью написалъ раньше критика *Отечественныхъ Записокъ*, и имѣлъ полное право—считать себя вдохновителемъ своего коллеги: такъ много общаго въ обѣихъ статьяхъ. То же основное обвиненіе—въ клеветѣ на дѣтей, въ сочувствіи «пустому фату»—Павлу Кирсанову, въ «странныхъ разсужденіяхъ». Новаго для насъ въ статьѣ *Современника* развѣ только—признаніе «таланта» и «прежнихъ заслугъ» Тургенева, — что, впрочемъ, не помѣшало критику признать *Отцовъ и Дѣтей* романомъ «въ художественномъ отношеніи» «совершенно неудовлетворительнымъ».

И здѣсь, очевидно, смертный приговоръ постигъ автора, какъ художника и какъ публициста. Приговоръ даже усиленный, такъ какъ *Современникъ* къ числу оклеветанныхъ Тургеневымъ «дѣтей» причислилъ «значительную часть современной литературы, такъ называемое ея отрицательное направленіе».

Это замѣчаніе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на «судороги» критиковъ, какъ выражался *Русскій Вѣстникъ*. Критики-отрицатели усмотрѣли въ романѣ личную сатиру на себя, отождествили себя съ Базаровымъ, и потребовали отъ автора полнаго апоѳеоза для этого героя. «Мы не нигилисты,—вопіяли *Современникъ* и *Отечественныя Записки*,—мы только

«отрицатели», сторонники «критической точки зрѣнія», — зачѣмъ же авторъ обвиняетъ насъ въ безпринципности и нечестности?...

Въ настоящее время такой ходъ идей можетъ казаться патологическимъ продуктомъ воспаленнаго мозга и разбитыхъ нервовъ. Но для современниковъ романа достаточно было нѣсколькихъ неясныхъ сомнительныхъ чертъ, чтобы, очертя голову, броситься въ ту или другую крайность. Это было время публицистики по преимуществу, рѣзкой постановки общественныхъ вопросовъ и еще болѣе рѣзкихъ отвѣтовъ. Для психологическаго анализа разносторонняго художественнаго явленія у журналистовъ не было ни времени, ни охоты, ни силъ.

Великія реформы глубоко взволновали жизнь и мысль, — и всѣ, кому было дорого настоящее и будущее родины, невольно спѣшили рѣшать насущныя задачи личной и общественной дѣятельности. Быстрота рѣшенія рѣдко идетъ рядомъ съ вдумчивостью, осторожностью и терпимостью къ чужимъ воззрѣніямъ. Этимъ объясняется исключительно горячій и категорическій тонъ журнальной литературы шестидесятыхъ годовъ. Русская публицистика переживала своего рода медовый мѣсяцъ, и ея нетерпѣливыя, часто необыкновенно запальчивыя рѣчи, по духу и смыслу, напоминаютъ извѣстныя слова Натана о благородномъ Саладинѣ:

Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды!

Притомъ наличной, ясной, какъ монета...

Такое требованіе не хочетъ знать ни оговорокъ ни ограниченій — и естественно, сложная личность Базарова, богатая одинаково и положительными и отрицательными чертами, не могла удовлетворить прямолинейной стремительности критиковъ-публицистовъ. Ихъ запросы клонились только къ двумъ отвѣтамъ — *да* или *нѣтъ*, и если Базаровъ представитель молодого поколѣнія — онъ можетъ быть или воплощеннымъ идеаломъ или отребьемъ человѣческаго рода. Въ первомъ случаѣ автора ожидали вѣнки и восторженные клики, во второмъ — нещадная месть и слѣпая хула.

Всѣ эти соображенія могутъ объяснить заблужденія кри-

тиковъ на счетъ положительнаго смысла базаровскаго типа, но трудно объяснить и оправдать забвеніе нѣкоторыми критиками всей предыдущей дѣятельности писателя, сплошное поношеніе его нравственнаго и общественнаго развитія. Врядъ ли какіе «годы» прикроютъ своимъ страстнымъ характеромъ такую вопіющую несправедливость, такое отсутствіе элементарной культурности и гражданскаго чувства.

Указанный нами источникъ опрометчивыхъ сужденій о тургеневскомъ романѣ особенно краснорѣчиво обнаружился въ статьѣ Писарева, выступившаго также застрѣльщикомъ молодого поколѣнія.

Писареву не трудно было избѣжать недоразумѣній своихъ товарищей: для этого требовался только нѣкоторый психологическій анализъ и нѣкоторая критическая чуткость. Но онъ не могъ отдѣлаться отъ выпренняго идеалистическаго взгляда на Базарова, какъ представителя современной молодежи.

Положительныя, нерѣдко сильныя и даже блестящія черты базаровскаго характера и базаровской роли бросились Писареву съ перваго взгляда. Онъ понялъ тургеневскаго героя почти такъ, какъ его понималъ самъ авторъ. По мнѣнію критика, «смысль романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности; но въ самыхъ увлеченіяхъ оказывается свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ даютъ себя знать въ минуту тяжелыхъ испытаній; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержать ихъ въ жизни».

Критикъ находитъ, что Тургеневъ лучше всѣхъ молодыхъ реалистовъ понялъ типъ Базарова, и заслуживаетъ «глубокой и горячей признательности», какъ «великій художникъ и честный гражданинъ Россіи».

Но для Писарева мало, чтобы Базаровъ съ честью представлялъ молодое поколѣніе, необходимо, чтобы онъ являлся совершенствомъ всюду,—и въ демократической толпѣ и въ салонномъ обществѣ. На самомъ же дѣлѣ Базаровъ не только не заботится о манерахъ и хорошемъ тонѣ,—напро-

тивъ, во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ къ нимъ глубочайшее пренебреженіе. Онъ — *mal élevé* и *mauvais ton*.

Это и беспокоитъ Писарева. Онъ хотѣлъ бы видѣть Базарова «совершеннымъ джентльменомъ», съ утонченной вѣжливостью и въ щегольскомъ костюмѣ. Критикъ даже упрекаетъ Тургенева въ несправедливости къ Базарову...

Легко оцѣнить достоинство подобныхъ упрековъ. Но при всей наивности они краснорѣчиво характеризуютъ направление критиковъ шестидесятыхъ годовъ, и только принявъ въ расчетъ эту логику фанатическихъ защитниковъ молодого поколѣнія, можно объяснить драматическую судьбу Базарова именно у самыхъ либеральныхъ судей.

Нѣкоторые взгляды этихъ судей были опровергнуты въ эпоху тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ. Врядъ ли многіе могли раздѣлять, на примѣръ, негодованіе критика *Современника*, на Базарова, какъ на «ужасное существо, просто дьявола, или, выражаясь болѣе поэтически, Асмодея», одинаково жестокаго и къ своимъ родителямъ и къ лягушкамъ... Нелѣпость подобныхъ разсужденій могла укрыться только отъ читателей исключительнаго критическаго смысла и художественнаго чувства... Но поставить вопросъ на общественную и психологическую почву оказывалось невозможнымъ даже для сравнительно спокойныхъ судей. Журналъ, напечатавшій романъ, мы видѣли, не могъ спастись отъ *личной* точки зрѣнія на Базарова, хотя и защищалъ художественныя достоинства романа.

Въ настоящее время чувства, волновавшія «отрицательную» и всякую другую литературу шестидесятыхъ годовъ, отошли въ область исторіи. Мы можемъ судить о тургеневскихъ герояхъ, не поддаваясь «страсти и гнѣву». Наше сочувствіе или противоположное настроеніе не могутъ увлечь насъ на мелодраматическую высоту, съ которой смотрѣли на Базарова «молодые философы» прошлаго. Мы и останемся исключительно на почвѣ русской общественной исторіи.

* * *

*) Въ героѣ «Отцовъ и Дѣтей» Тургеневъ вывелъ передъ нами уже не вымышленнаго, не скомпанованнаго, а вполне реальнаго представителя молодого поколѣнія. И не его была вина, если фигура Базарова вызвала столько горячихъ споровъ. Недоразумѣніе было не въ самомъ романѣ, а только среди публики. Многіе не поняли истинныхъ намѣреній художника, потому что они смотрѣли на его героя подъ черезчуръ субъективнымъ угломъ зрѣнія. И когда Тургеневъ разомъ получилъ громкія похвалы съ двухъ противоположныхъ сторонъ, — отъ критика «Русскаго Слова», увидѣвшаго въ Базаровѣ яркаго представителя новаго трезваго направленія, и отъ редакціи «Русскаго Вѣстника», поздравившей романиста съ тѣмъ, что онъ открыто изобличилъ грубую черствость современной молодежи, — въ передовомъ лагерѣ забили въ набатъ. Не всѣ въ этомъ лагерѣ обладали мужествомъ Писарева, и не могъ не показаться очень подозрительнымъ романъ, заслужившій его автору сочувствіе Каткова. Но, помимо этого, была и другая причина раздвоенности, съ какою наши радикалы отнеслись къ Базарову. Раздвоенность эта лежала въ самомъ поколѣніи 60-хъ годовъ, и я уже не разъ имѣлъ случай на это указывать. Общаго у него было только одно философское міросозерцаніе; по темпераменту оно дробилось на двѣ почти діаметрально противоположныя струи. У однихъ положительный взглядъ на жизнь въ теоріи не исключалъ на практикѣ горячаго, хоть и нѣсколько мрачнаго идеализма. И лучшимъ олицетвореніемъ людей этого склада былъ Добролюбовъ. Если бы онъ дожилъ до появленія «Отцовъ и Дѣтей», у него возникла бы, вѣроятно, съ его товарищемъ по критикѣ страстная полемика, которая обогатила бы нашу литературу, конечно, болѣе интересными произведеніями, чѣмъ неуклюжія статьи г. Антоновича. Людямъ этого склада Базаровъ нравится не могъ. Его цинизмъ съ женщинами, его равнодушіе къ судьбѣ мужика должны были коробить

*) К. Головинъ. „Русскій романъ и русское общество“. Спб. 1897 г.

ихъ строгій аскетическій демократизмъ. Воплощеніе своего идеала могли въ немъ видѣть лишь шестидесятники иного типа, послѣдовательно осуществлявшіе въ жизни свои матеріалистическіе взгляды. Выразителемъ ихъ сочувствія Базарову и явился Писаревъ, хотя на самомъ дѣлѣ между критикомъ «Русскаго Слова» и тургеневскимъ героемъ было мало общаго. Брызжущій остроуміемъ шалунъ радикализма, какимъ былъ Писаревъ, не походилъ вовсе на терпкаго и злого Базарова—злого, по крайней мѣрѣ, на словахъ. Но поклоненіе характеру, съ которымъ не имѣешь внутренняго сродства, — психологическое явленіе, повторяющееся очень часто, въ особенности, когда этотъ характеръ отмѣченъ энергіей. Такъ и случилось съ Писаревымъ. Въ жизни онъ едва ли бы сталъ другомъ Базарова, — въ литературѣ онъ привѣтствовалъ его, какъ отысканный, наконецъ, типъ «сильнаго человѣка».

Если, однако, взглядѣтся внимательнѣе въ этого «сильнаго человѣка», могутъ, пожалуй, возникнуть кое-какіе сомнѣнія насчетъ его пресловутой силы. Въ мысляхъ и на словахъ Базаровъ неустрашимъ. Никакіе выводы его не пугаютъ. Онъ коситъ немилосердно и обаяніе искусства, и уваженіе къ женщинѣ, и чувство сыновней любви. Онъ не останавливается даже передъ такимъ элементарнымъ ощущеніемъ, какъ неприкосновенность дома, гдѣ пользуется гостепріимствомъ. Въ его глумленіи надъ отцомъ Аркадія и въ особенности въ его ухаживаніи за Өеничкой есть что-то глубоко недостойное и возмутительное. Еще возмутительнѣе онъ, когда съ холодною сухостью отвѣчаетъ на трогательную любовь своихъ стариковъ. Не существуетъ для него и чувства дружбы: во время спора съ Аркадіемъ о Пушкинѣ, онъ смотритъ на него такимъ хищнымъ взглядомъ, что товарищъ перепугался не на-шутку. Но таковъ Базаровъ только по отношенію къ слабымъ. И на самомъ дѣлѣ его суровость, хотя напускною ее называть нельзя, не мѣшаетъ ему быть довольно-таки непослѣдовательнымъ. Пусть читатель посудитъ самъ. Базаровъ презираетъ помѣщичью среду, и цѣлыя недѣли проводитъ въ усадьбѣ Кирсановыхъ, даже въ отсут-

ствіи своего друга Аркадія. Онъ не признаетъ дуэли—и дерется съ Павломъ Петровичемъ. Онъ смѣется надъ романтической любовью и требуетъ, чтобъ изъ отношеній къ женщинѣ выходилъ «толкъ»—и, тѣмъ не менѣе, не только пасуетъ передъ Одинцовой, но выноситъ изъ ея дома что-то очень похожее на разбитое сердце. О мужикѣ онъ выражается съ полнымъ пренебреженіемъ, и все-таки изъ-за этого мужика умираетъ. Позволительно усомниться, не оставалось ли у Базарова подъ черствою корою его природы кое-что изъ прежней дряблости Рудиныхъ и Лавредеккихъ. Не былъ ли онъ тѣмъ, что французы называютъ: «un roseau peint en fer». Мнѣ и въ голову не придетъ упрекнуть Тургенева за то, что онъ убилъ своего героя на порогѣ настоящей жизни. Умираютъ всякіе люди, и ранняя смерть ровно ничего не доказываетъ. Но бѣда въ томъ, что у читателя остается смутная догадка, не оказался ли бы герой «Отцовъ и Дѣтей» такимъ же неспособнымъ въ настоящей жизненной борьбѣ, какъ его предшественники изъ дворянской среды, и не все тѣ же ли слова—его гордыя отрицанія. Писаревъ утверждалъ, правда, что инья слова стоятъ дѣла, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было такъ запальчиво нападать на людей 40-хъ годовъ, у которыхъ тоже были слова умѣлыя и горячія.

Займемся теперь вопросомъ, создавшимъ уже цѣлую литературу, и тѣмъ не менѣе пока не разрѣшеннымъ,—вопросомъ о томъ, какъ относился къ Базарову самъ Тургеневъ. Разрѣшить его, казалось бы, не трудно, такъ какъ имѣется о томъ показаніе самого автора,—его извѣстная статья объ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Въ статьѣ этой Тургеневъ говоритъ, что его глубоко огорчили похвалы, раздавшіяся со стороны ненавистнаго ему лагеря, и что на имя его легла тѣнь, какъ на обличителя молодежи. Въ этомъ грѣхѣ Тургеневъ довольно-таки униженно кается передъ молодымъ поколѣніемъ, увѣряя во всеуслышаніе, что въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» не только нѣтъ сатиры на шестидесятниковъ, но что самъ авторъ во всемъ раздѣляетъ мнѣнія Базарова, за исключеніемъ развѣ его взглядовъ на искусство. Позволительно, однако, усомниться въ искренности этихъ увѣреній Тургенева, всегда

готоваго на большія уступки ради сохраненія популярности. Мнѣ сдается, что единственнымъ вполне неоспоримымъ документомъ, въ которомъ надо искать рѣшенія вопроса, долженъ служить самъ романъ.

Между тѣмъ, первоначальный его текстъ содержитъ въ себѣ одно мѣсто, въ послѣдствіи измѣненное при окончательной редакціи. Когда Базаровъ, послѣ дуэли съ Павломъ Петровичемъ, уѣзжаетъ изъ усадьбы Кирсановыхъ и, обращаясь назадъ, сердито бормочетъ: «барчуки проклятые», Тургеневъ прибавляетъ уже отъ себя: «ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостеприимства».

Въ окончательномъ текстѣ послѣдней фразы нѣтъ. И нельзя признать ея исключеніе за простую безразличную поправку. Легко догадаться, во всякомъ случаѣ, что побудило Тургенева выключить эти нѣсколько словъ, такъ недвусмысленно выражавшихъ его взглядъ на своего героя.

Но, помимо этого, даже въ теперешней редакціи «Отцовъ и Дѣтей» ясно проглядываетъ одно — одинаково отрицательный, и, пожалуй, безпристрастный взглядъ Тургенева на всѣхъ выведенныхъ имъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ, развѣ, двухъ женскихъ фигуръ, — Одинцовой и сестры ея Кати. Чтобы вполне точно выразить идею романа, надо было бы даже назвать его нѣсколько иначе, назвать — «Ни отцы ни дѣти». Въ самомъ дѣлѣ, ни слегка комичный въ своей старательной выхоленности русскій дэнди Павелъ Петровичъ Кирсановъ ни его добродушный и вялый братъ Николай Петровичъ не могутъ служить представителями лучшихъ людей поколѣнія 40-хъ годовъ, такъ какъ у обоихъ кистью сатирика, — но сатирика, правда, очень мягкаго, — отмѣчены черты, прямо вызывающія насмѣшку. Едва ли слезливая чувствительность на нѣмецкій ладъ, съ изрядной робостью въ придачу, какую выказываетъ Николай Петровичъ — даже разговаривая съ сыномъ, даже занимаясь музыкой, — выражаетъ собою типическую черту людей 40-хъ г.г., если и была въ этихъ людяхъ нѣкоторая склонность къ романтической чувствительности. Не можетъ харак-

теризовать это поколѣніе и нѣсколько карикатурная щеголеватость Павла Петровича. Для обоихъ представителей старшаго поколѣнія Тургеневъ, очевидно, подобралъ не главные, не характеристическія свойства, а черты исключительныя и, притомъ, нѣсколько смѣшныя. На ихъ частномъ примѣрѣ никакого общаго вывода насчетъ этого поколѣнія сдѣлать, такимъ образомъ, нельзя. Не даютъ основаній для приговора надъ отцами и родителями Базарова — эти вполнѣ добрые, честные, симпатичные люди, виноватые развѣ въ томъ, что они не далеко ушли въ своемъ умственномъ развитіи. И все-таки, сравнивая ихъ съ дѣтьми, невольно сочувствуешь имъ и сознаешь, что на ихъ сторонѣ и симпатіи автора. Сынъ Николая Петровича — Аркадій — по уму и характеру не стоитъ выше отца и дяди. Это одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ малыхъ, легко поддающихся чужому вліянію, которые, подчиняясь болѣе умному и энергическому товарищу, готовы выказать избытокъ юнаго задора, а потомъ, войдя въ колею обычной жизни, необыкновенно быстро стихаютъ и становятся заурядными людьми. Ихъ роль — обзавестись семейнымъ гнѣздомъ и давать контингентъ для такъ называемыхъ мѣстныхъ дѣятелей. Выше образцоваго мирового судьи или земскаго начальника имъ пойти не суждено. Другой образчикъ передовой молодежи — Ситниковъ — уже прямо никуда не годится. Остается, стало-быть, одинъ Базаровъ — этотъ ни передъ чѣмъ не робѣющій нигилистъ, какъ онъ самъ себя называетъ, только нигилистъ въ чисто умственной сферѣ, ничуть не похожій на то сонмище длинноволосыхъ юношей, которымъ онъ передалъ свою кличку. Что его умственная твердость ничуть не обезпечиваетъ его твердости въ жизни, — это читатель уже видѣлъ. Но люди бываютъ симпатичными и помимо общественной дѣятельности. Самая обыденная частная жизнь даетъ случай выказать свойства характера. И что жъ, каковы эти свойства у Базарова? Помимо несомнѣннаго ума и холодной рѣшимости мысли, что выказываетъ онъ, насколько мы узнаемъ его изъ романа Тургенева? Отсутствие деликатности по отношенію къ товарищу и къ его семьѣ, полное безсердечіе по отношенію къ родителямъ, которымъ

онъ не прощаетъ ихъ умственной отсталости, столь же полное равнодушіе къ народу, при завистливой ненависти къ высшему общественному слою, наконецъ, даже отсутствіе нравственнаго достоинства, ибо нельзя иначе назвать поведеніе челоуѣка, принимающаго гостепріимство отъ людей, которыхъ онъ не ставитъ ни въ грошъ, — все это черты мало привлекательныя и не обѣщающія въ будущемъ полезнаго дѣятеля.

Базаровъ не оставляетъ въ читателѣ отталкивающаго впечатлѣнія потому только, что умираетъ хорошо, и что мы невольно раздѣляемъ глубоко-потрясающее горе его родителей. Не о немъ мы сожалѣемъ, а о нихъ только. И, проводя своего героя черезъ очистительное искупленіе смерти, заставивъ насъ плакать надъ нимъ заодно съ его бѣднымъ отцомъ, Тургеневъ лишній разъ выказалъ свое необыкновенное мастерство.

О женскихъ фигурахъ «Отцовъ и Дѣтей» мнѣ говорить не приходится. Обѣ онѣ — и Одинцова — эта словно замороженная въ русскихъ снѣгахъ бальзаковская тридцатилѣтняя красавица, и Катя — тотъ природный дичокъ, и застѣнчивый, и лукавый, и добрый въ то же время, обѣ онѣ написаны неподобно. Но къ главной темѣ романа онѣ все-таки стоятъ какъ бы сбоку. Онѣ даютъ поводъ къ развитію дѣйствія, но не развиваютъ его сами. «Отцы и Дѣти», на ряду съ «Рудинымъ», — единственныя произведенія Тургенева, гдѣ женщинѣ отведена не первенствующая роль. И все-таки, даже въ этихъ двухъ романахъ, гдѣ всѣ лучи тургеневскаго творчества собраны надъ головой героя, женскія фигуры — и Наташа въ «Рудинѣ» и Одинцова въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», — въ концѣ концовъ, даютъ героя своею духовною силой. Правда, сила эта не въ превосходствѣ ума — Наташа вполнѣ подчиняется умственному блеску Рудина — и не въ сердцѣ тоже — Одинцова эгоистка: эта сила въ какомъ-то стихійномъ, безсознательномъ чутьѣ прямого и вѣрнаго пути, которое лучше всякаго ума, всякаго образованія и даже всякой сердечной теплоты руководитъ поступками тургеневскихъ героинь.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА РОМАНА КАЖДОЕ ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ.

Б а з а р о в ъ .

а) *Базаровъ какъ типъ, герой и характеръ.*

*) «Публикѣ не было никакого дѣла ни до Тургенева ни до его романа»,—упрекая г. Антоновича за его чисто эстетическую критику романа, говоритъ Писаревъ. — Она хотѣла знать, что такое Базаровъ, и этотъ вопросъ имѣлъ для нея самое жизненное значеніе, потому что большая часть матерей, отцовъ и сестеръ видѣли въ своихъ дѣтяхъ и братьяхъ частицы или зародыши тѣхъ типическихъ особенностей, которыя сосредоточились и воплотились съ полною силою въ фигурѣ тургеневскаго нигилиста. «Если Базаровъ—карикатура, разсуждала публика, то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни, которое вызвало эту карикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе. Если Базаровъ живой человѣкъ, то растолкуйте намъ его, мы не понимаемъ, онъ насъ пугаетъ, и пугаетъ именно потому, что мы видимъ что-то непонятное и базаровское въ чертахъ характера многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, отъ которыхъ намъ больно отрываться и съ которыми не умѣемъ свыкнуться».

Д. Писаревъ.

* * *

**) Авторъ вездѣ даетъ Базарову центральное мѣсто; вездѣ является онъ главнымъ пунктомъ, а все прочее только группируется около него, и выдаетъ только рѣзче и явственнѣе его фигуру. Все располагается такъ, чтобъ онъ производилъ впечатлѣніе силы. Изъ лицъ, близко подходящихъ

*) Д. Писаревъ. Сочиненія Д. И. Писарева.

**) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5. (Изъ статьи М. Каткова?).

къ нему, только одно какъ будто стираетъ его, одно, предъ которыми онъ пасуетъ: это — Одинцова.

«Русскій Вѣстникъ».

* * *

*) Базаровъ является истиннымъ героемъ, несмотря на то, что въ немъ нѣтъ, повидимому, ничего блестящаго и поражающаго. Съ перваго его шага къ нему приковывается вниманіе читателя, а всѣ другія лица начинаютъ вращаться около него, какъ около главнаго центра тяжести. Онъ всего меньше заинтересованъ другими лицами; за то другія лица тѣмъ больше имъ интересуются. Онъ никому не навязывается и не напрашивается. И однакоже вездѣ, гдѣ онъ является, возбуждаетъ самое сильное вниманіе, составляетъ главный предметъ чувствъ и размышленій, любви и ненависти... Подъ конецъ разсказа, когда Базаровъ гоститъ у своихъ отца и матери, онъ, очевидно, нѣсколько потерялся, послѣ всѣхъ вынесенныхъ потрясеній. Не настолько онъ потерялся, чтобы не могъ поправиться, не могъ черезъ короткое время воскреснуть въ полной силѣ; но все-таки тѣнь тоски, которая и въ самомъ началѣ лежала на этомъ желѣзномъ человѣкѣ, подъ конецъ становится гуще. Онъ теряетъ охоту заниматься, худѣетъ, начинаетъ трунить надъ мужиками уже не дружелюбно, а желчно. Отъ этого и выходитъ, что на этотъ разъ онъ и мужикъ оказываются не понимающими другъ друга. тогда какъ прежде взаимное пониманіе было до извѣстной степени возможно... Умираетъ Базаровъ совершеннымъ героемъ, и его смерть производитъ потрясающее впечатлѣніе. До самаго конца, до послѣдней вспышки сознанія онъ не измѣняетъ себѣ ни единымъ словомъ ни единымъ признакомъ малодушія. Онъ сломленъ, но не побѣжденъ. Такимъ образомъ, несмотря на короткій срокъ дѣйствія романа и несмотря на быструю смерть Базарова, онъ успѣлъ высказаться, вполне показать свою силу. Жизнь

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4.

„Отцы и Дѣти“.

не погубила его, — этого заключенія никакъ нельзя вывести изъ романа, — а пока только дала ему поводы обнаружить свою энергію. Въ глазахъ читателей Базаровъ выходитъ изъ искушенія побѣдителемъ. Всякій скажетъ, что такіе люди, какъ Базаровъ, способны много сдѣлать, что при этихъ силахъ отъ нихъ можно многого ожидать.

Н. Стреловъ.

* * *

*) Базаровъ герой; онъ существо болѣе или менѣе исключительное; онъ воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ, который болѣе или менѣе примѣшивается къ мнѣніямъ, чувствамъ, дѣйствіямъ людей, но не господствуетъ въ нихъ исключительно, и даже большею частію вовсе не живетъ въ нихъ, а только говоритъ ихъ устами. Каковъ бы ни былъ этотъ духъ, онъ не портитъ ихъ въ основаніи, но и не дѣйствуетъ въ нихъ, какъ живая сила, онъ занимаетъ только пустое мѣсто: онъ внѣдряется тамъ, гдѣ ничего нѣтъ.

«Русскій Вѣстникъ».

* * *

**) Базаровъ еще болѣе герой послѣ романа; теперь, когда на его счетъ и по поводу его возбуждено столько толковъ, столько сплетенъ, столько философскихъ недоразумѣній, сколько, пожалуй, и не нужно для смертнаго, чтобы попасть въ герои. Наши критики не даромъ такъ много изощряли свои способности къ анализу на этомъ лицѣ, а нѣкоторые даже и ограничились однимъ этимъ лицомъ. Съ Базаровымъ приходитъ новый человѣкъ въ русскую жизнь, человѣкъ крайне безцеремонный, съ своимъ уставомъ — даже въ послѣднихъ мелочахъ, съ печатью очевидной силы и съ такою нестерпимою дерзостью, какъ будто всѣ люди другого

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5 (Изъ статьи М. Каткова?).

**) „Библиотека для Чтенія“ 1862 г., № 5.

нравственнаго настроенія должны проникнуться убѣжденіемъ, что они не болѣе, какъ простыя деревянныя пѣшки. Онъ приходитъ не воровать, не грабить, не рѣзать подобныя себѣ существа, какъ полагаетъ г. Писаревъ; однако въ немъ сильно развита склонность распространять вокругъ себя боязнь. Онъ считаетъ себя Колумбомъ, открывшимъ новый міръ, хотя, въ знаніи стараго міра, его можно сбить на самыхъ пустякахъ. Можно сбить, — но ему кажется, что этому никогда не бывать; по его собственнымъ словамъ, онъ никогда еще не встрѣчалъ силы, передъ которой бы ему пришлось спасовать — обстоятельство, на которомъ воспитана вся его дерзость.

«Библиотека для Чтенія».

* * *

*) Критикъ «Времени» говоритъ, что Тургеневъ воплотилъ въ Базаровѣ строгое настроеніе ума и твердый складъ мысли. «Онъ одѣлъ этотъ умъ плотью и кровью и исполнилъ эту задачу съ удивительнымъ мастерствомъ. Базаровъ вышелъ человѣкомъ простымъ, чуждымъ всякой изломанности, и вмѣстѣ крѣпкимъ, могучимъ душою и тѣломъ. Все въ немъ необыкновенно идетъ къ его сильной натурѣ. Весьма замѣчательно, что онъ, такъ сказать, *болѣе русскій*, чѣмъ всѣ остальные лица романа. Его рѣчь отличается простотою, мѣткостью, насмѣшливостію и совершенно русскимъ складомъ. Точно также между лицами романа онъ всѣхъ легче сближается съ народомъ, всѣхъ лучше умѣетъ держать себя съ нимъ... Тургеневъ, создававшій до сихъ поръ, такъ сказать, раздвоенныя лица, напримѣръ, Гамлета Щигровскаго уѣзда, Рудина, Лаврецакаго, достигъ, наконецъ, въ Базаровѣ до типа цѣльнаго человѣка. Базаровъ есть первое сильное лицо, первый цѣльный характеръ, явившійся въ русской литературѣ изъ среды такъ называемаго образованнаго общества... Базаровъ — теоретикъ; онъ человѣкъ странный, односторонне-

рѣзкій; онъ проповѣдуетъ необыкновенныя вещи; онъ поступаетъ эксцентрически; онъ школьникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ глубокою искренностью соединяется самое грубое *ломанье*; какъ мы сказали — онъ чело­вѣкъ чуждый жизни, т.-е. онъ самъ чуждается жизни. Но подъ всѣми этими внѣшними формами льется теплая струя жизни; при всей рѣзкости и дѣланности своихъ проявленій — Базаровъ чело­вѣкъ вполне живой, не фантомъ, не выдумка, а настоящая плоть и кровь. Онъ отрицается отъ жизни, а между тѣмъ живетъ глубоко и сильно.

Н. Страховъ.

* * *

*) Тургеневскій Базаровъ не просто типъ, но и характеръ, лицо живое до мельчайшей подробности. Нигдѣ въ этомъ образѣ не обнажается сентенція, нигдѣ не проглядываетъ въ немъ отвлеченное понятіе; онъ съ ногъ до головы — живая фигура. Производимое имъ впечатлѣніе совершенно индивидуальнаго свойства, точно такое, какое мы испытываемъ при встрѣчѣ съ живымъ чело­вѣкомъ, — безотчетное чувство симпатіи или антипатіи, которое то заговоритъ громко, то притихнетъ.

«Русскій Вѣстникъ».

* * *

**) Базаровъ, по словамъ критика «Мысли» — «типъ материалиста, т.-е. типъ чисто головной, построенный чисто теоретически, изъ нѣсколькихъ философскихъ посылокъ и философской критики, съ примѣсю поверхностныхъ наблюденій, исключительно внѣшнихъ, надъ людьми новаго типа въ Россіи (типа создавашагося, какъ мы видѣли, никакъ не теоріей, а измѣненіемъ самой жизни). Этотъ Базаровъ не при-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5. (Изъ статьи М. Каткова?).

**) „Мысль“ 1880 г., № 1. Статья NN. (Л. Е. Оболенскаго).

знаеть ничего, кромѣ ощущеній, онъ слѣдуетъ только непосредственнымъ влеченіямъ: нравится ему женщина, онъ добивается «толку», не размышляя ни о послѣдствіяхъ ни о страданіяхъ другихъ людей. Не доволенъ онъ заботливостью отца, не согласенъ съ чѣмъ-либо взглядомъ, онъ рѣжетъ грубо и рѣзко все, что думаетъ и чувствуетъ, не соображая послѣдствій, въ родѣ дуэли съ Павломъ Кирсановымъ или вродѣ безмолвнаго горя старика-отца. Каждому извѣстно, что такъ дѣлать выводы отъ извѣстнаго міровоззрѣнія къ живому типу, проявляющему его міровоззрѣніе, нельзя въ художественномъ произведеніи. Люди живутъ не одной теоріей и дедуктивными выводами изъ нея, какъ думалъ Тургеневъ; они живутъ и чувствомъ и практическими соображеніями, и никакое міровоззрѣніе, какъ бы оно ни вліяло на общій складъ ихъ жизни, не въ силахъ убить въ нихъ наслѣдственныхъ фізіологическихъ инстинктовъ страданія, общенности, осторожности, — не въ силахъ ихъ сдѣлать до того идіотами, чтобы они не рассчитывали послѣдствій своихъ дѣйствій для себя и другихъ, не принимали въ соображеніе своихъ и чужихъ страданій, хотя бы то были страданія Фенички, или Николая Кирсанова, или г-жи Одинцовой, а тѣмъ болѣе стариковъ-родителей. Изъ этого вы видите, что тургеневскій Базаровъ не былъ живымъ типомъ, взятымъ изъ дѣйствительности (за исключеніемъ наружности и внѣшнихъ пріемовъ), а былъ философскою задачей, философскою полемикою, вродѣ діалоговъ Платона, съ тою только разницею, что тамъ доводились до абсурда мысли противниковъ путемъ логическаго спора, а здѣсь авторъ заставляеть противника матеріалиста не только говорить нелѣпости, но и дѣйствовать на основаніи теоріи, которую авторъ желаетъ опровергнуть, т. е. желаетъ этими словами и дѣйствіями героя доказать нелѣпость его теоріи. Нигдѣ такъ, какъ на Базаровѣ, не представляется нагляднымъ, какъ ошибочно такимъ образомъ рисовать извѣстныя жизненныя явленія. А между тѣмъ, такъ поступилъ столь большой художникъ, какъ Тургеневъ, и самъ того не замѣчая, шелъ въ этомъ случаѣ путемъ массы романовъ того

времени, въ которыхъ такимъ же теоретическимъ путемъ создались *новые люди* безъ нервовъ, безъ крови, а съ однѣми теоріями, послѣдовательно приводимыми въ жизнь, до того послѣдовательно, что даже пища, сонъ, отдыхъ, костюмъ, жесты — вытекали изъ теоріи. Это съ нимъ могло случиться только подъ вліяніемъ полемическаго жара, вызваннаго нападками на искусство, идеализмъ и пр. Онъ усмотрѣлъ въ этихъ нападкахъ не духъ времени, не простой невольный рефлексъ, какъ видимъ мы, а послѣдствія философской теоріи — послѣдствія матеріализма и новой науки, тогда какъ дѣло было совсѣмъ наоборотъ. Чтобы показать еще болѣе, какъ несостоятеленъ такой художественный приѣмъ и какъ имъ грѣшили одинаково художники 40-хъ и 60-хъ годовъ, мы докажемъ, что общія положенія или основанія философіи вовсе не составляютъ всего содержанія жизни и дѣятельности. Однимъ словомъ, ошибка въ томъ, что дѣйствія управляются привычками, эмоціями, инстинктами, унаслѣдованными нами, столько же, если не больше, чѣмъ теоретической мыслью. Если унаслѣдованныя свойства, воспитаніе, привычки развили въ человѣкѣ нѣжность, впечатлительность, чувствительность, онъ, несмотря на любую, самую узкую философію, будетъ рыдать надъ романомъ, плакать отъ музыки, трепетать отъ одной мысли, что причиняетъ кому-либо страданіе. Мы видимъ профессоровъ-химиковъ, какъ Бородинъ, сочиняющихъ симфоніи, и мы знаемъ филолога Писарева, не выносившаго звуковъ музыки и весьма сомнительно относившагося къ поэзіи. Тутъ дѣло вовсе не въ общихъ теоріяхъ и взглядахъ на міръ. Если Базаровъ не выноситъ звуковъ віолончели и серенады Шуберта, то это не потому, что онъ прочелъ «Матерію и Силу» Бюхнера, какъ думалъ Тургеневъ, а потому, что у него не было тонкаго слуха, не было впечатлительныхъ нервовъ для того, чтобы наслаждаться музыкой, или же вопросы иного рода отвлекали и поглощали вниманіе. Еще менѣе можно приписывать извѣстнымъ научнымъ или философскимъ теоріямъ причину того или иного общественнаго настроенія, какъ это, напр., дѣлаетъ Вирховъ въ нападкахъ на дарвинизмъ... Въ Базаровѣ Тургеневъ далъ

нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣрныя черты одной изъ разновидностей базаровскаго типа, притомъ черты, главнымъ образомъ внѣшнія; въ душу типа, въ его жизненныя и соціальныя причины онъ не заглянулъ и, вѣроятно, не могъ заглянуть, ибо, мысля о немъ (образами или понятіями—это здѣсь безразлично), онъ не находилъ въ своей душѣ такого запаса образовъ, который позволилъ бы ему создать синтетически цѣльный типъ. Отъ этого-то разновидность, притомъ чисто внѣшнюю, онъ возвелъ въ типъ, да еще, за неимѣніемъ живыхъ образовъ, для истолкованія этой разновидности, пустился въ теоретическія умствованія, въ дедукціи отъ матеріализма Бюхнеровъ и Молешотовъ. Понятно, что получилось явленіе весьма далекое отъ дѣйствительности, хотя, по видимому, какъ будто живое. И оно, дѣйствительно, было отчасти знакомымъ и живымъ. Нѣчто подобное по внѣшности, по приемамъ, было, да художникъ упустилъ душу, сущность этого кусочка типа, а не упустить не могъ: наблюденій было мало, заставить же свое вниманіе фиксировать искусственно на многихъ разновидностяхъ того же типа мѣшала та самоувѣренная вѣра въ художественное творчество изъ *самого себя*, которую дала старая теорія художественнаго творчества. Этимъ же объясняемъ безучастность нашихъ маститыхъ художниковъ и къ другимъ живымъ явленіямъ современной жизни...

Л. Оболенскій.

* *
* *

*) Замѣчательно, что въ многочисленныхъ спорахъ по поводу Базарова всѣ усилія полемики сосредоточивались главнымъ образомъ около вопроса: хорошъ или дуренъ, полезенъ или вреденъ такой человѣкъ; вопросъ о томъ, представляетъ ли Базаровъ дѣйствительно типическій образчикъ поколѣнія, разбирался сравнительно чрезвычайно мало. «Типичность» героя «Отцовъ и Дѣтей» была признана словно

*) К. Григорьевъ. „Дѣло“. 1884 г., № 1.

какимъ-то единогласнымъ мнѣніемъ, безъ обсуждения и голосованія.

Конечно, нужно не малое искусство, чтобы написать картину, способную произвести такой эффектъ. Но его нѣтъ никакихъ основаній приписывать глубинѣ анализа, развито-го художникомъ. Эффектъ, напротивъ, опредѣлялся отчасти даже самымъ недостаткомъ анализа. Дѣло въ томъ, что познать самого себя — самая затруднительная вещь на свѣтѣ. Думать, что какое бы то ни было поколѣніе понимаетъ себя особенно хорошо и точно, а, стало-быть, способно единодушно оцѣнить дѣйствительно художественное воспроизведе-ніе своего типа — думать это — значитъ очень сильно оши-баться. Совсѣмъ иное дѣло — внѣшніе признаки, характери-зующіе поколѣніе; они видны всѣмъ и каждому, по нимъ каждая масса отличаетъ себя отъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Вѣрное воспроизведеніе этого *внѣшняго* об-раза дѣйствительно можетъ быть оцѣнено массою и возбу-дить ея восторгъ. Такъ было и при появленіи «Отцовъ и Дѣтей». Тургеневъ развернулъ въ этомъ романѣ всю силу своего громаднаго таланта портретиста. Онъ нарисовалъ та-кой образъ, въ которомъ съ замѣчательной живостью и точ-ностью воспроизведена вся фізіономія, а не душа. Вся внѣш-ность схвачена у него превосходно, такъ что у читателя не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности изображенія. Публика невольно поддается иллюзіи: ей ка-жется, что она видитъ передъ собою живого человѣка, къ которому стоитъ только присмотрѣться, чтобы понять самую душу новаго поколѣнія. И вотъ, мы начинаемъ всматри-ваться, анализировать, не замѣчая, что находимся въ поло-женіи человѣка, который вздумалъ анатомировать картину, въ надеждѣ открыть подъ лакомъ и красками тѣ вены, ко-торыя такъ ясно просвѣчиваютъ сквозь изумительно выри-сованную кожу.

Отсутствіе настоящаго анализа, маскируемое поразительно живою внѣшностью, не могло, однако, не ощущаться до нѣкоторой степени публикой, хотя едва ли она сама со-знавала, чего именно недостаетъ въ «типѣ». Не понималъ

этого и Тургеневъ вмѣстѣ съ публикой. Неудовлетворенность читателя онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что въ романѣ нѣтъ «оцѣнки» Базарова, что значить, читателямъ прямо не сказано, хорошъ ли онъ или дуренъ. Немножко насмѣшливо Тургеневъ замѣчаетъ по этому поводу: «а что жъ дѣлать автору, если онъ самъ не знаетъ, любить ли онъ своего героя или нѣтъ, какъ это у меня и было по отношенію къ Базарову?» *). На самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, тутъ было нѣчто другое. Публика, думается мнѣ, чувствовала потребность не въ оцѣнкѣ, сдѣланной самимъ непременно авторомъ, а въ томъ, чтобы «типъ» заключалъ въ себѣ данныя, при наличности которыхъ его и его общественную роль возможно было бы оцѣнить. У Тургенева въ Базаровѣ этихъ то данныхъ именно и не хватаетъ. Публика находила въ романѣ все, что сама видѣла и знала, даже больше: она видѣла сведеннымъ все это къ одному знаменателю, въ одинъ образъ. Она видѣла у Тургенева даже нѣкоторые выводы, какъ, на примѣръ, тотъ, что новый человѣкъ принадлежитъ къ породѣ очень сильной. Все это, однако, удовлетворяло только массу читателей, но въ болѣе чуткихъ, болѣе требовательныхъ оставляло нѣкоторое недоумѣніе, а иногда даже прямо неудовольствіе. То и другое, очевидно, было вполне резонно. О недоумѣніи уже не говорю, но даже неудовольствіе вполне имѣло мѣсто по отношенію къ Тургеневу. Дѣйствительно, замѣчательно яркое внѣшнее изображеніе не допускало у читателей мысли о возможности того, чтобы авторъ былъ просто *неспособенъ* изобразить внутреннее содержаніе даннаго типа. Не замѣчая у Базарова ничего на душѣ, читатель объяснилъ самъ эту пустоту не какъ пробѣлъ въ картинѣ, а какъ одинъ изъ признаковъ типа. Въ этомъ-то смыслѣ на Тургеневѣ дѣйствительно лежитъ грѣхъ, хотя невольный. Онъ далъ человѣку 60-хъ годовъ не только кличку «нигилиста», но и наложилъ на него печать какого-то отри-

*) Цитирую на память, но смыслъ фразы, надѣюсь, воспроизвожу вполне точно.

цанія для отрицанія или, по крайней мѣрѣ, отрицанія, далеко заходящаго за предѣлы той положительной основы, которая одна дѣлаетъ отрицаніе законнымъ и полезнымъ. Когда Тургеневу говорили, указывая на пожаръ Апраксина рынка: «Посмотрите, что ваши нигилисты дѣлаютъ», художникъ могъ бы напомнить слова своего Базарова: «Я придерживаюсь отрицательнаго направленія — въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и баста!» Ну, разумѣется, если такъ, то почему публикѣ не думать, что другой Базаровъ могъ сказать: «Отрицаю Апраксинъ рынокъ — и баста!» Одна фраза стоитъ другой, и для того, чтобы понять невозможность второй въ устахъ Базарова, нужно знать то, чего не знаетъ Тургеневъ, — настоящее душевное содержаніе человѣка 60-хъ годовъ: не его мнѣніе объ устройствѣ своего мозга, а дѣйствительное устройство этого мозга.

Вотъ гдѣ видна вся недостаточность изображенія общественнаго типа тѣмъ способомъ, какимъ это дѣлаетъ Тургеневъ. Слова человѣка далеко не всегда выражаютъ его настоящее мнѣніе, и даже самыя мнѣнія вовсе еще не выражаютъ характера и чувствъ, которыми, однако, главнымъ образомъ опредѣляется поведеніе человѣка. Наконецъ, даже наблюдая поведеніе человѣка, крайне легко впасть въ самое ошибочное представленіе о его характерѣ. Руссо рассказываетъ, что онъ въ обществѣ держалъ себя, по наружности, съ презрительнымъ пренебреженіемъ къ людямъ, но именно потому, что дорожилъ ихъ мнѣніемъ, а между тѣмъ, по робости и застѣнчивости, не сумѣлъ бы держать себя свѣтскимъ человѣкомъ. Крайній пуританизмъ иногда служить признакомъ развращенной натуры, сознающей необходимость держать себя въ постоянной уздѣ; видимый цинизмъ сплошь и рядомъ прикрываетъ внутреннее цѣломудріе. Отрицаніе точно также, если оно доходитъ до фанатизма, навѣрное скрываетъ подъ собою самый пламенный, юношескій идеализмъ. Такъ бываетъ по большей части, и такъ было именно въ 60-хъ годахъ, — эпоха, по моему мнѣнію, гораздо болѣе идеалистичная, чѣмъ такъ

называемые 40 годы, полная иллюзія, доходившихъ до забвенія дѣйствительности.

Но все это, конечно, нужно понять, а для того, чтобы понять какой бы то ни было типъ—нужно съ нимъ прежде всего глубоко сжиться. Истолкователей «трехъ поколѣній» вообще не бываетъ поэтому на свѣтѣ. Гораздо легче понять цѣлую сотню просто человѣческихъ психологическихъ моментовъ, чѣмъ одинъ «историческій» типъ—это сложнѣйшее явленіе человѣческой психологіи. Тургеневъ могъ «истолковать» три поколѣнія только потому, что не истолковалъ на самомъ дѣлѣ ни одного, а рисовалъ лишь картину чисто внѣшняго вида этихъ поколѣній. Отъ этого, къ слову сказать, происходитъ и неопредѣленность отношенія художника къ изображаемымъ типамъ. То, что мы понимаемъ, мы не можемъ не оцѣнивать: оцѣнка слагается въ душѣ даже противъ нашего желанія, правильная или неправильная—это все равно. Тургеневъ не можетъ опредѣлить, любить ли онъ Базарова, именно потому, что въ Базаровѣ не видитъ самаго главнаго, на основаніи чего люди любятъ или ненавидятъ. Точно также и мы теперь не можемъ сказать, любимъ ли Базарова, и если Писаревъ заявлялъ къ нему свои симпатіи, то въ сущности потому, что говорилъ вовсе не о томъ лицѣ, которое фигурируетъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Онъ рисовалъ тургеневскаго Базарова самъ, по своему вкусу, кое-что прибавилъ, кое-что выкинулъ, объявилъ, что такія-то слова или поступки не должно принимать въ счетъ и т. д. Такъ, напримѣръ, отношеніе Базарова къ роднымъ онъ объяснилъ совершенно случайными причинами, и твердо вѣрилъ, что будь отцомъ Базарова Николай Кирсановъ—они бы прекрасно поладили между собой; точно также отношеніе Базарова къ разнымъ «олухамъ», которые ему «нужны», потому что «не богамъ же горшки обжигать»,—Писаревъ опять объяснилъ тѣмъ, что мы видимъ Базарова, такъ сказать, въ непріятельскомъ лагерѣ, а не между его настоящими товарищами, къ которымъ, дескать, онъ относится, конечно, иначе. Такимъ образомъ, Писаревъ постоянно имѣлъ въ виду не Базарова

въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», а какого-то другого, находящагося въ иной обстановкѣ, иначе относящагося къ людямъ и т. д. Съ своей стороны, г. Антоновичъ, напримѣръ, для того чтобы отнестись къ Базарову отрицательно, долженъ былъ ввести въ свое представленіе о немъ нѣчто такое, чего у Тургенева вовсе нѣтъ (обвиненіе, напримѣръ, Базарова въ развращенности натуры). Но если братъ Базарова просто, безъ передѣлокъ, то его нельзя ни любить ни порицать по той простой причинѣ, что онъ намъ мало знакомъ. Вы съ нимъ встрѣчаетесь все будто въ «гостяхъ», и о самыхъ существенныхъ сторонахъ его внутренняго содержанія просто не можете составить опредѣленнаго понятія.

И что, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ замѣтить въ Базаровѣ? Прежде всего, конечно, бросается въ глаза его «отрицаніе». Но ясно ли въ Базаровѣ даже оно? Вѣдь, отрицаніе, отрицанію рознь. Отрицаеть, напримѣръ, и Мефистофель, и Неронъ, и Калигула, и даже Пигасовъ. Для того, чтобы понять отрицаніе, мы должны видѣть тѣ чувства, симпатіи, желанія, которыя лежатъ въ его основѣ. Въ этомъ отношеніи, однако, Базаровъ даетъ намъ весьма противорѣчивыя показанія. Одинъ разъ онъ заявляетъ, напримѣръ: «Мы дѣйствуемъ въ силу того, что считаемъ *полезнымъ*; въ настоящее время всего полезнѣе отрицаніе: мы отрицаемъ». И такъ, значитъ, въ основѣ отрицанія лежитъ все-таки забота объ общественной пользѣ. Но не подумайте, что вы можете успокоиться на такомъ выводѣ: другой разъ, да еще въ самомъ интимномъ дружескомъ разговорѣ, Базаровъ заявляетъ уже совершенно иное! «Мнѣ *пріятно* отрицать, говоритъ онъ, — мой мозгъ такъ устроенъ — и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія. Это все едино». Извольте же тутъ разбираться. Теперь ему уже «пріятно отрицать» — и баста! И если бы еще Базаровъ хоть сказалъ, что ему пріятно быть полезнымъ, — это другое дѣло. Но ему пріятно именно «отрицать». Отрицаніе, стало-быть,

является чѣмъ-то само для себя существующимъ, само себя удовлетворяющимъ...

Нѣтъ спора, что докторъ, съ котораго Тургеневъ писалъ своего Базарова, могъ, конечно, сказать обѣ эти фразы. Но нельзя же ограничить роль «истолкователя» простымъ записываніемъ фразъ своего натурщика. Долженъ же истолкователь показать читателямъ, какимъ образомъ эти видимыя противорѣчія приходятъ къ единству въ головѣ говорящаго и въ его натурѣ вообще. Можемъ ли мы удовлетвориться обрывками мыслей, фразами, выхваченными изъ разговора, случайными поступками среди случайной обстановки? Базаровъ, напримѣръ, гордится тѣмъ, что онъ «самоломанный». На какомъ, спрашивается, основаніи? Человѣкъ не можетъ ломать себя безъ какой-нибудь идеи, безъ какого-нибудь побужденія, болѣе сильнаго, чѣмъ тѣ непосредственныя влеченія организма, которыя онъ въ себѣ «ломаетъ». Что же заставляетъ Базарова ломать себя? Что заставляетъ его также имѣть какое-то дѣло? Ни одного изъ этихъ и подобныхъ вопросовъ авторъ намъ не объясняетъ и не даетъ возможности рѣшить ихъ даже на основаніи тѣхъ фактовъ изъ жизни Базарова, которые сообщаетъ въ романѣ; потому-то не только образъ мыслей, но и самый характеръ его героя остается очень темнымъ. Тургеневъ, повидимому, склоненъ думать, что Базаровъ — натура по существу эгоистичная, жесткая, и многіе факты подтверждаютъ это мнѣніе. Отношеніе къ отцу и матери, отношеніе къ «друзьямъ», мелкіе случаи, въ родѣ пассажа съ Өеничкой — все это говоритъ въ пользу предположенія, что Базаровъ привыкъ думать только о себѣ, о своемъ удобствѣ и удовольствіи. Любовь къ Одинцовой кажется въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ диссонансомъ. Но Одинцова такъ хороша собой, такъ крупна, что можетъ возбудить къ себѣ сильное чувство даже въ очень сухой и эгоистической натурѣ; сверхъ того, Одинцова сама — колоссальная эгоистка, и эта сторона ея характера скорѣе должна бы отогнать человѣка, отличающагося противоположными свойствами. Стало быть, любовь эта вообще ничего не можетъ характеризо-

вать въ Базаровѣ, кромѣ его силы. Не характеризуетъ его также и «дѣло», которому онъ служить. Тургеневъ такъ старательно изобразилъ сомнѣніе Базарова и его любовь властвовать, что мечтанія о дѣлѣ могутъ быть объяснены простымъ честолюбіемъ, тѣмъ болѣе, что у Базарова иногда попадаются пресомнительныя размышленія. Однажды Аркадій замѣтилъ, что мы обязаны стараться о благосостояніи крестьянина. «А я, — отвѣчаетъ ему пріятель, — я возненавидѣлъ этого самаго мужика, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня будетъ лопухъ расти; ну, а дальше?» Особенно большой любви къ человѣчеству, согласитесь, эти размышленія и вопросы не показываютъ. Конечно, по обстоятельствамъ дѣла, они могли быть результатомъ случайнаго настроенія, какъ это и утверждаетъ Писаревъ. Но странно было бы со стороны автора угощать читателя «случайными» чертами, оставляя въ тѣни «постоянныя». Это вовсе не въ манерѣ Тургенева и просто-таки ниже его. Если же эта черта не случайная, то какъ же тогда понимать Базарова? Нельзя же порѣшиться на томъ, что это сильная эгоистическая натура, очень честолюбивая и, сверхъ того, озлобленная?.. Я забылъ сказать, что эту послѣднюю черту Тургеневъ вырисовываетъ также очень старательно, и она приходится совсѣмъ кстати при нашихъ предположеніяхъ. «Въ тебѣ, говоритъ Базаровъ Аркадію, — нѣтъ ни дерзости ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится... Вы не деретесь, и уже воображаете себя молодцами, а мы — драться хотимъ... Ты невольно любишься собой, тебѣ пріятно самого себя бранить, а намъ это скучно — намъ другихъ подавай, намъ другихъ ломать надо». Черта яркая, окончательно дополняющая образъ отрицателя и разрушителя, но остановиться на такомъ опредѣленіи Базарова тоже трудно. Въ романѣ отличены черты, не допускающія этого. Такъ, примѣръ, авторъ показываетъ, что Базаровъ легко возбуждаетъ къ себѣ симпатію большинства окружающихъ.

Не успѣваетъ онъ пріѣхать къ Кирсановымъ, какъ вся прислуга къ нему привязывается; Аркадій его любитъ тоже всѣми маленькими силами души. Эта способность возбуждать привязанность вовсе не свойственна натурамъ сухимъ. Потомъ, напр., умирая, Базаровъ нѣсколько разъ вспоминаетъ отца и мать и будто хочетъ ихъ утѣшить чѣмъ-нибудь, соглашаясь позвать къ себѣ священника. Онъ въ полузабытѣи говоритъ о своихъ планахъ что-нибудь сдѣлать для Россіи, которой онъ «нуженъ». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ придаетъ своему герою еще одну черточку, очень характерную: онъ немножко фаталистъ, въ немъ живетъ какая-то увѣренность, что онъ не можетъ умереть, не исполнивъ нѣкоторой общественной миссіи. Мысль — «не умру» — съ такой ясностью подымается передъ нимъ во время дуэли, что онъ не хочетъ даже оставить на всякій случай записки къ отцу. А, вѣдь, Павелъ Кирсановъ хотѣлъ его непременно убить и имѣлъ право на два выстрѣла. Когда Базаровъ чувствуетъ приближеніе смерти, это сознание его какъ будто удивляетъ: какимъ образомъ могло случиться, что онъ умретъ? «Вотъ, говорили, нуженъ Россіи... видно, не нуженъ». Онъ, изволите видѣть, былъ увѣренъ, что не умретъ, потому что нуженъ Россіи, и когда сталъ умирать, то заключилъ отсюда, что, стало быть, былъ не нуженъ. Когда мысль о своей жизни такъ тѣсно слилась въ человѣкѣ съ представленіемъ объ общественной миссіи—можно съ увѣренностію сказать, что передъ нами—не эгоистъ по натурѣ. Эта черта скорѣе фанатика идеи...

Вообще, если у насъ когда-нибудь появится настоящая критика, изъ всѣхъ Тургеневскихъ типовъ—Базаровъ будетъ, конечно, первый низведенъ съ пьедестала, на который его всталила пристрастная и тенденціозная критика настоящей эпохи. Базаровъ—это именно чудо искусства: это можно видѣть по той непобѣдимой иллюзіи, въ какую онъ способенъ приводить сотни тысячъ людей. Но вдумайтесь въ него, — и вы увидите, что онъ прежде всего не есть какое бы ни было «истолкованіе». Онъ воспроизво-

дить передъ вами съ неподражаемой живостью внѣшнія, знакомыя черты человѣка 60-хъ годовъ, но не объясняетъ его и даже не даетъ никакихъ данныхъ для объясненія. Тамъ же, гдѣ художникъ будто пытается дать объясненіе, онъ лишь повторяетъ ходячую банальную мысль времени, неспособнаго понять самого себя. Тургеневъ выразилъ мысль общества, наблюдающаго новый типъ, попытался связать эту фальшивую оцѣнку съ дѣйствительными чертами людей 60-хъ годовъ, и этимъ ограничивается все «истолкованіе».

К. Григорьевъ.

* * *

*) Обратимся къ личности Базарова. Кто такой этотъ человѣкъ? Онъ — нигилистъ, находимъ мы отвѣтъ въ романѣ. Но это слово «нигилистъ», нѣкогда ясное и понятное, теперь стало очень неопредѣленнымъ. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, его, или лучше — выражаемое имъ понятіе стали смѣшивать и отождествлять съ понятіями: матерьялистъ, социалистъ, даже революціонеръ и заговорщикъ. Но здѣсь простое недоразумѣніе, и нигилизмъ означаетъ совсѣмъ другое; это слово имѣетъ свой собственный смыслъ.

Базаровъ — это сильная, трезвенная личность, опирающаяся на себя, свободная или желающая быть свободной отъ всего, что можетъ спутать и завлечь человѣка, закружить его и лишить воли и самообладанія.

Аркадій Кирсановъ хочетъ расположить Базарова, если не къ сочувственному, такъ къ снисходительному взгляду на Павла Петровича.

„Да вспомни его воспитаніе, время, въ которомъ онъ жилъ (говоритъ Аркадій).

— Воспитаніе? подхватилъ Базаровъ. Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ, — ну, хоть, какъ я, напримѣръ... А что касается

*) А. Незеленовъ. „Тургеневъ въ его произведеніяхъ“. Спб. 1885 г.

до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше зависить отъ меня. Нѣтъ, братъ, это все распущенность, пустота!“

Въ этихъ словахъ—весь Базаровъ, съ его жаждою свободы для человѣческой личности, съ его вѣрою въ могущество человѣческаго духа, въ возможность его независимости отъ условій мѣста и времени. Передъ нами идеалистъ, свободный и сильный въ своемъ сознаніи, а не грубый матерьялистъ.

Аркадій Кирсановъ такъ опредѣляетъ Базарова, и съ его опредѣленіемъ соглашаются и отецъ его, Николай Петровичъ, и дядя, Павелъ Петровичъ:

„Нигилистъ—это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ“.

Но это опредѣленіе вполнѣ неточно, и потому невѣрно. Это опредѣленіе скептика, а не Базарова. Основное начало, во имя котораго живетъ этотъ послѣдній, совсѣмъ иное.

„Въ передѣлѣ была, братецъ ты мой, нашего хлѣба покушала“,

говорить Аркадію Базаровъ про Одинцову, про которую Тургеневъ выразился, что эта «молодая женщина уже успѣла перечувствовать и передумать многое».—Базаровъ пережилъ больше, чѣмъ Одинцова, и многое извѣдалъ въ жизни. Онъ видѣлъ и знаетъ, какъ закруживаешь человѣка то, что Павелъ Петровичъ Кирсановъ называетъ «принципами» (и что Апол. Григорьевъ гораздо точнѣ называлъ «жизненными силами», или «вѣяніями»), и онъ захотѣлъ свободы отъ этихъ «вѣяній», господства человѣческой личности надъ ними.

Базаровъ какъ будто пережилъ то, что мы видѣли въ предшествовавшихъ «Отцамъ и Дѣтямъ» произведеніяхъ Тургенева. Мы видѣли, какъ начало романтическое, которому въ разныхъ видахъ его поддались Веретевъ и Яковъ Пасынковъ, подорвало ихъ жизнь. Мы видѣли, какъ сдѣлало несостоятельнымъ Рудина (при всей громадности его духовныхъ силъ) отвлеченно-умственное, философское, обоб-

щающее начало, которому онъ безусловно отдался во власть. Мы были свидѣтелями, какъ тщетно боролись въ Лаврецкомъ великія жизненныя силы: начало народное, начало смиренія—съ одной стороны, скептицизмъ и романтизмъ—съ другой.—Базаровъ хочетъ избѣгнуть ошибокъ своихъ предшественниковъ, и вотъ — онъ отрицаетъ всѣ эти «вѣянія», спутавшія ихъ и закружившія, или—лучше сказать—онъ борется съ этими вѣяніями, потому что они живутъ въ его собственной душѣ, онъ ихъ знаетъ, онъ ихъ испыталъ. Онъ, сознавая слабыя стороны ихъ, хочетъ противопоставить имъ силу своей личности и ей подчинить ихъ.

„Я уже въ клиникѣ замѣтилъ (говоритъ онъ однажды Аркадію) кто злится на свою боль—тотъ непременно ее побѣдитъ“.

Базаровъ отрицаетъ все, въ чемъ онъ видитъ хотя-бы тѣнь стѣсненія личности, отрицаетъ съ энтузіазмомъ страстно вѣрующаго въ свою силу и въ правду своего положенія человѣка, съ энтузіазмомъ идеалиста, неудовлетворяющагося ничѣмъ, что не есть, по его мнѣнію, абсолютная истина.

Такъ, онъ не хочетъ признавать ни умственныхъ ни нравственныхъ обобщеній:

„что такое наука—наука вообще? (говоритъ онъ Павлу Петровичу), Есть науки, какъ есть ремесла, знанія; а наука вообще не существуетъ вовсе“.

„Надо быть справедливымъ. Евгенийъ (замѣчаетъ ему въ другой разъ Аркадій, заступаясь за дядю).

— Это изъ чего слѣдуетъ?“

возражаетъ онъ, отвергая принципъ справедливости, какъ нравственное обобщеніе. На томъ-же основаніи отвергаетъ онъ и искусство.

Романтическое чувство, рыцарское обожаніе, преклоненіе передъ любимымъ существомъ — вызываетъ въ Базаровѣ насмѣшку, приводитъ его въ негодованіе.

„Я все-таки скажу (заявляетъ онъ своему другу Аркадію), что человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви (онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ Павла Петровича), и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, такой человѣкъ—не мужчина“.

Въ другой разъ онъ говоритъ уже про себя, когда ѣдетъ съ Аркадіемъ отъ Одинцовой:

„Лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца. Это все... Базаровъ чуть было не произнесъ своего любимаго слова „романтизмъ“, да удержался, и сказалъ: „вздоръ“.

Замѣчательно, что онъ подкрѣпляетъ здѣсь свое мнѣніе ссылкой на народъ, на его взгляды:

„Вѣдь, вотъ ты, прибавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему на козлахъ мужику,—ты, умница, есть у тебя жена?

Мужикъ показалъ обоимъ пріятелямъ свое плоское и подслѣповатое лицо:

Жена-то? Есть. Какъ не быть женѣ.

— Ты ее бьешь?

— Жену-то? Всяко случается. Безъ причины не бьемъ.

— И прекрасно. Ну, а она тебя бьетъ?

— Мужикъ задергалъ возжами... Онъ видимо обидѣлся.

— Слышишь, Аркадій Николаевичъ! (заключилъ Базаровъ). А насъ съ вами прибили... вотъ оно что значитъ быть образованными людьми“.

Отвергая романтизмъ, Базаровъ поэтому самому и говорить Одинцовой, въ свой послѣдній пріѣздъ къ ней, что— «любовь... вѣдь, это чувство напускное». Ему еще кажется тогда, что онъ вполне вырвалъ изъ своего сердца овладѣвшую-было имъ любовь.

А. Незеленовъ.

* * *

*) На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ и неожиданнымъ сопоставленіе воинственной фигуры нигилиста съ мечтательной, религіозно-восторженной, молчаливой дѣвушкой (Лизой изъ «Дворянскаго Гнѣзда»). Но внѣшніе контрасты не должны смущать насъ. Сущность нравственной роли героя и героини тождественна. Оба они воплощенные отрицанія стараго порядка, только сфера, размахъ и нѣко-

*) Ив. Ивановъ. „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб. 1896 г.

торыя исходные мотивы ихъ отрицанія неодинаковы. Но они одной семьи, одной общественной полосы, и если Лиза по своимъ настроеніямъ примыкаетъ къ Лермонтовской поэзіи,— по смыслу своего положенія среди стараго поколѣнія—она прямая предшественница Базарова.

Лиза не объясняетъ намъ въ точности, противъ чего собственно она возстаетъ. У нея нѣтъ ничего общаго съ отцами, никто изъ нихъ не знаетъ ея думъ и настроеній, она до такой степени привыкла къ одиночеству, что ей «стыдно» даже дружескихъ бесѣдъ съ Лаврецкимъ: «точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату». Очевидно, это полнѣйшій разладъ съ «отцами», но смыслъ его мы узнаемъ только изъ поступковъ Лизы и мимолетныхъ замѣчаній автора объ ея впечатлѣніяхъ.

Базаровъ дѣйствуетъ совершенно иначе.

Онъ открыто и ясно опредѣляетъ причины своей войны съ «отцами», и отцы на этотъ разъ отлично понимаютъ, противъ чего идетъ мятежный «сынъ».

Мы указывали на пристрастіе Базарова къ понятію «романтизмъ»: онъ жесточайшій врагъ «романтизма»—въ этомъ общій смыслъ его отрицанія, и здѣсь русскій герой невольно заставляетъ вспомнить явленія европейской мысли, современныя его нигилизму.

На Западѣ, въ половинѣ столѣтія, также возгорѣлась жестокая война положительнаго научнаго міросозерцанія съ теоретическимъ идеализмомъ, и одновременно и въ зависимости отъ этой войны произошла междуусобица натуралистовъ съ романтиками.

На Западѣ также предали поношенію все романтическое, все, что не строгій разумъ и не опытная наука, всѣ идеи, не совпадающія съ фактами.

Въ политической жизни возникновеніе второй имперіи нанесло смертельный ударъ идеалистамъ и пророкамъ общественной просвѣщенной свободы. Въ области научныхъ изслѣдованій развивалась блестящая дѣятельность натуралистовъ, въ родѣ Клода Бернара, Дарвина и германскихъ положительныхъ философовъ. Казалось, наука будто нарочно

давала оружіе противъ всякой идеологіи. Наполеоновская власть *фактически* доказывала—по крайней мѣрѣ, для современниковъ декабрьскаго переворота—бесплодность самыхъ благородныхъ общественныхъ стремленій. Естествоиспытатели представляли, съ своей стороны, тѣму фактовъ, повидимому, подрывавшихъ всѣ основы идеальнаго міросозерцанія, именно своимъ отрицательнымъ смысломъ производившихъ громадное впечатлѣніе на большую публику. И если Дарвинъ остерегался сдѣлать рѣшительный выводъ насчетъ происхожденія человѣка, его популяризаторы и читатели не преминули досказать недосказанное, и прямо объявили человѣка потомкомъ обезьяны.

Это было скорѣе беллетристическое настроеніе, чѣмъ научная идея, но затѣмъ и существуютъ у гениальныхъ философовъ и ученыхъ преданные и отважные послѣдователи, чтобы быть «болѣе роялистами, чѣмъ самъ король».

Въ результатѣ именно беллетристика завладѣла моднымъ теченіемъ, и Золя прямо объявилъ, что его школа не что иное, какъ принципы Клода Бернара въ области искусства,—и, слѣдовательно, — «война науки противъ идеала, противъ невѣдомаго», т.-е., по толкованію самого же Золя, противъ «романтизма».

Это значило — прежнія поэтическія и возвышенныя представленія о человѣкѣ, его чувствахъ и стремленіяхъ свести на почву фізіологіи, — и натурализмъ до сихъ поръ съ неослабной энергіей выполняетъ свою задачу.

Мы видимъ, сколько общаго у Базарова съ западными гонителями «идеала» и «невѣдомаго». Онъ можетъ быть названъ русскимъ натуралистомъ, такъ какъ у него тотъ же врагъ и то же оружіе, что у западныхъ литературныхъ учениковъ положительной науки.

Но русскій романтизмъ не вполне совпадаетъ съ европейскимъ. Идеализація чувства любви, склонность къ выспренной реторикѣ, поэтическая мечтательность—все это одинаково свойственно и русскимъ и западнымъ романтикамъ. Но есть одна существенная разница: нашъ романтизмъ исключительно аристократическое явленіе. Наши

романтики — «совершенные джентльмены», ихъ эстетика и идеализмъ выросли на крѣпостничествѣ.

Въ то время, когда глава французскаго романтизма — Викторъ Гюго — лучшіе плоды своего вдохновенія посвящалъ защитѣ народа и его правъ, выясненію его душевныхъ доблестей и его нравственной энергіи, русскіе риторы и прекраснодушные мечтатели пребывали въ области идиллическаго патріархальнаго наслажденія своими отеческими чувствами къ интересному незнакомцу — «сѣрому мужику», «меньшому брату», «кормильцу земли русской». Въ то время, когда французскій романтикъ являлся однимъ изъ самыхъ мужественныхъ гонителей Наполеона III и неустаннымъ поэтомъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», — высокія чувства русскихъ романтиковъ вполне удовлетворялись художественными стихами любимаго поэта или шумомъ застольныхъ пріятельскихъ рѣчей.

Война Базарова съ романтиками, слѣдовательно, должна усложниться элементомъ, неизвѣстнымъ западному натурализму. Въ протестѣ Базарова противъ эстетики, любовныхъ чувствительностей, мечтательныхъ восторговъ предъ природой нѣтъ ничего оригинальнаго, типично-русскаго. Всѣ выходки въ этомъ направленіи Базаровъ могъ заимствовать у тѣхъ же нѣмецкихъ естествоиспытателей, которыхъ онъ такъ уважаетъ.

Но протестъ противъ аристократизма — исключительное достояніе Базарова. Тамъ онъ только теоретикъ, ученый, здѣсь онъ представитель извѣстной общественной программы, защитникъ новаго демократическаго строя.

На Западѣ только въ исключительныхъ случаяхъ защитники идеала, *невѣдомаго*, т.-е., по возрѣніямъ натуралистовъ, «романтики», видѣли своихъ враговъ въ лицѣ демократіи. Такое положеніе занялъ, между прочимъ, Ренанъ, вызвавшій своимъ идеализмомъ жестокій отпоръ со стороны Золя. Прославленный историкъ еврейскаго народа носилъ въ себѣ много существенныхъ психологическихъ чертъ нашихъ «отцовъ» — эстетиковъ и аристократовъ. Это онъ, философъ и ученый, въ ученой книгѣ о Маркѣ Авреліи про-

славиль лирической рѣчью женскую красоту и особенно модный костюмъ современнаго парижанина. Это онъ красивую и «художественно» одѣтую женщину провозгласилъ «однимъ изъ лучшихъ проявленій божества», даже если она и лишена «ума, талантовъ и серьезныхъ добродѣтелей». Наконецъ, тотъ же Ренанъ великой исторической эпохой провозгласилъ время, когда женскіе туалеты отличаются особеннымъ изяществомъ.

Развѣ нашъ Павелъ Кирсановъ не подписался бы подъ такую философіей исторіи?

Еще краснорѣчивѣе общественныя идеи Ренана. Онѣ раскрыты въ драмѣ *Калибанъ*, надѣлавшей, нѣсколько лѣтъ назадъ, много шума. Главный герой—представитель демократіи, и по смыслу Ренана, долженъ воплощать въ себѣ, ни болѣе ни менѣе, какъ беспощадную вражду противъ всѣхъ высшихъ завоеваній цивилизаціи.

Калибанъ—дикарь въ душѣ; отвратителенъ извнѣ, почти животное. «Проклинать—моя натура», говоритъ онъ. Музыка и поэзія не производятъ на него никакого впечатлѣнія, театры онъ предаетъ уничтоженію, книги считаетъ зломъ для народа. Онъ—фанатикъ грубой дѣйствительности и насущной пользы. Все идеальное и художественное для него не существуетъ. Преданія старины—пустяки и басни. Онъ признаетъ только то, что можетъ осязать собственными руками и изъ чего можетъ извлечь непосредственную выгоду для своего матеріальнаго существованія. Калибанъ не понимаетъ даже физической красоты...

Вы видите,—если бы потребовалось обозвать *совершеннымъ нигилистомъ* какое-либо созданіе западной мысли и литературы,—ренановскій Калибанъ какъ нельзя болѣе подходилъ бы подъ это наименованіе. Припомните бесѣды Павла Кирсанова съ Базаровымъ, отзвы «совершеннаго джентльмена» о нигилистѣ и вообще о нигилизмѣ,—предъ вами во всей полнотѣ воскреснетъ образъ французскаго демократа-дикаря, разрушителя, — вплоть до ссылки на «грубую монгольскую силу», рѣшительнѣйшую характеристику нигилизма въ устахъ Кирсанова.

А похвальное слово того же «джентльмена» въ честь «представителя цивилизаціи», «последняго пачкуна, и *barbouilleur*, тапёра, которому даютъ пять копеекъ за вечеръ», — это тѣ же рѣчи изъ ренановской драмы о кабинетномъ ученомъ, большомъ искусникѣ устраивать придворныя волшебныя празднества, объ артистѣ — веселомъ музыкантѣ и церемоніймейстерѣ. Наконецъ, княгиня Р., на всю жизнь загнипнотизировавшая Павла Кирсанова, навѣрное вполнѣ присоединилась бы къ мнѣнію ренановскихъ героинь: «нравственный долгъ женщины — быть красивою», а самъ Павелъ Кирсановъ душевно одобрилъ бы любимый афоризмъ ихъ кавалеровъ: «много думать — заболить голова».

Европейской литературѣ, слѣдовательно, не чужда идея о борьбѣ демократа-отрицателя съ аристократическимъ старымъ обществомъ. Но у Ренана эта идея воплощена въ фантастическомъ образѣ, преувеличенномъ, даже карикатурномъ: — необходимое слѣдствіе глубокаго личнаго отвращенія автора къ современной демократіи. *Калибанъ* — скорѣе журнальный партійный памфлетъ на новую общественную и политическую силу, чѣмъ литературное произведеніе историка и мыслителя. Въ такой формѣ Павелъ Кирсановъ могъ бы изобразить Базарова, если бы счелъ возможнымъ снизить до литературы.

Совершенно иное положеніе русскаго воителя противъ романтиковъ и аристократовъ. И оно объясняется прежде всего отношеніемъ самого автора къ вопросамъ борьбы. А этотъ авторъ, въ статьѣ по поводу «*Отцовъ и Дѣтей*», говоря о своемъ «нигилистѣ», открыто заявилъ: «за исключеніемъ возрѣній на художество — я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія».

Подобное заявленіе на первый взглядъ можетъ показаться въ высшей степени смѣлымъ и во всѣхъ отношеніяхъ рискованнымъ. Такъ прочно утвердился взглядъ на Базарова, какъ на разрушительную монгольскую силу, безпринципную, почти бессмысленную. Стоитъ произнести одно слово, — *нигилистъ*, — и всякій спокойный, безпристрастный раз-

говоръ о Базаровѣ становится невысказаннымъ. Слова, разъ вызвавшія сильное впечатлѣніе, переживаютъ не только сущность понятія, ими выражаемаго, но надолго поддерживаютъ непоколебимо самыя смутныя представленія и самыя ложныя идеи. Слово *нигилистъ* съ самаго начала, мы видѣли, имѣло весьма странную судьбу, превратилось въ своего рода нравственное и общественное клеймо. Подобная участь въ прошломъ вѣкѣ выпала, на примѣръ, на долю *вольтерьянцевъ*. Это были патентованные скептики и атеисты среди современнаго общества, часто судившаго о Вольтерѣ по наслышкѣ, и въ результатѣ даже въ наши дни далеко не для всѣхъ легко усвоить истину, что Вольтеръ отнюдь не безбожникъ и матеріалистъ, и причина — въ традиціонномъ представленіи о русскомъ вольтеріанствѣ.

Та же исторія съ нигилизмомъ Базарова.

По мнѣнію иѣкоторыхъ, это Асмодей и поджигатель, а Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, классическій авторъ русской литературы, въ недалекомъ будущемъ ожидающій себѣ все-россійскаго памятника, не переставалъ заявлять о своемъ искреннѣйшемъ сочувствіи личности Базарова и «почти всѣмъ его убѣжденіямъ».

Какъ же разрѣшить эту дилемму?

Разрѣшается она совершенно просто: намъ требуется только отрѣшиться отъ предвзятыхъ, такъ сказать, наследственныхъ взглядовъ на вопросъ, а главное необходима полная свобода отъ воображаемаго ужаса, окутывающаго будто ядовитымъ туманомъ злосчастный эпитетъ — *нигилистъ*.

Мы только что указали *идейныя* родовыя черты базаровскаго типа. Ихъ отнюдь не слѣдуетъ считать исключительнымъ продуктомъ русской почвы. Базаровъ, при всей своей личной и національной оригинальности, одно изъ знаменій двухъ господствующихъ теченій нашего вѣка — *опытной науки* и *демократическаго принципа*, естествознанія и народничества: послѣднее понятіе мы должны принимать здѣсь въ самомъ широкомъ значеніи, не въ смыслѣ извѣстнаго литературнаго направленія. Изъ этихъ двухъ источниковъ берутъ начало всѣ идеи и сочувствія тургеневскаго героя. Но это не

значить, будто только современныя теоріи и вызвали къ жизни Базарова. Органическая сила типа заключается въ его *натурѣ*, нигилистической *per se*, независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній. Чисто-теоретическій, искусственно сложившійся нигилистъ — Аркадій. Базаровъ изъ области науки беретъ только *оружіе* для защиты своихъ мыслей и вкусовъ, воспитанныхъ въ немъ всей его жизнью, сросшихся съ его плотью и кровью...

Базаровъ, въ своемъ презрѣніи къ «аристократикамъ» — своего рода Калибанъ, но у него глубокое уваженіе къ наукѣ сливается съ демократическими чувствами. Это — Калибанъ, вооруженный всѣми средствами современнаго опыта, знанія, отнюдь не стихійный дикарь — разрушитель.

Такое сліяніе натурализма съ демократизмомъ объясняется личной судьбой и общественнымъ положеніемъ русскаго героя. У него оба протеста — и во имя положительнаго знанія и во имя демократизма — неотъемлемыя свойства его нравственнаго міра.

Тургеневъ разсказалъ, что онъ встрѣтилъ прототипъ Базарова въ лицѣ провинціальнаго врача, и наблюденія надъ реальной личностью вызвали у него идею романа. Этотъ реализмъ цѣликомъ перешелъ въ романъ.

Если бы Базаровъ и не читалъ нѣмецкихъ книжекъ, онъ навѣрное проявлялъ бы, только безъ научныхъ соображеній, тѣ же нигилистическія наклонности. Онъ презираетъ Пушкина не потому, что такъ велитъ естествознаніе, а потому, что Пушкинъ вообще не входитъ въ его душу, развившуюся внѣ всякихъ эстетическихъ вліяній и созерцаній, среди трудовыхъ прозаическихъ будней. Что касается демократизма, онъ логическое слѣдствіе происхожденія Базарова и всей его жизни.

Мы видимъ, слѣдовательно, въ нигилизмѣ Базарова нѣтъ ничего таинственнаго и двусмысленнаго. Это просто отрицаніе аристократической культуры, это русскій натурализмъ, по самому характеру русскихъ «романтиковъ-отцовъ», переходящій изъ области художественныхъ и научныхъ идей въ область общественныхъ отношеній.

Это *основныя принципы* базаровскаго отрицанія.

Но *частности* едва ли не важнѣе основъ.

Базаровъ на каждомъ шагу вынужденъ вести ожесточенную борьбу съ современными порядками. Онъ не даромъ гордится, что самъ проложилъ себѣ дорогу, всѣмъ обязанъ только самому себѣ. Очевидно, пережита школа, необыкновенно серьезная, спартанская, воспитывающая въ человѣкѣ два качества—нравственную силу и непоколебимую самоувѣренность.

Базаровъ все время чувствуетъ себя выше другихъ, и даже не скрываетъ этого. Естественно,—протестъ и самозащита бросаютъ его въ крайности, часто въ высшей степени опрометчивыя и нелѣпыя. Чѣмъ навязчивѣй сопротивленіе, тѣмъ рѣшительнѣе отпоръ, и въ жару полемики Базаровъ, дѣйствительно, можетъ «валить и себя по ногамъ», какъ онъ самъ выражается. Жизненная борьба изъ крѣпкихъ натуръ часто вырабатываетъ деспотовъ,—именно таковъ Базаровъ.

Онъ съ презрѣніемъ смотритъ на все, способное на уступки или на оговорки. Прямолинейность и практическая сила на его взглядъ достойнѣйшія добродѣтели. Онъ и Одинцовой начинаетъ интересоваться не только потому, что у нея «богатое тѣло»: онъ не перестаетъ повторять, что она «баба съ мозгомъ», «видала виды», «тертый колачъ». Это все его—базаровскія доблести.

А при такихъ доблестяхъ мыслима только роль героя и побѣдителя. Ничто Базарова такъ сильно не раздражаетъ, какъ малѣйшее отклоненіе его воли съ обычнаго пути. Онъ готовъ тогда сорвать злость на первомъ встрѣчномъ: это по истинѣ демоническая гордость.

И она оказываетъ громадное вліяніе на идеи Базарова, поднимаетъ его нигилизмъ на невѣроятную высоту, толкаетъ отрицателя на такія истины, какія лучше всего можно охарактеризовать его же словами: *противоположныя общія мѣста*.

Въ результатѣ—оба протеста научно-нравственный и общественный переходятъ границы здраваго смысла и пре-

вращаютъ величайшаго гонителя романтизма въ самаго фантастическаго романтика, своего рода берсеркера.

Базарову мало быть натуралистомъ въ воззрѣнiяхъ на любовь, вообще на человѣческую нравственную жизнь, — онъ отрицаетъ самую возможность любви, обзываетъ ее «белибердой», непростительной дурью», отвергаетъ отвлеченные принципы, честность признаетъ ощущенiемъ, боится на каждомъ шагѣ впасть въ сыновнее сердечное настроенiе съ своими искреннелюбимыми родителями. Аркадiй вполне слѣдуетъ этой системѣ, усиливаясь скрыть свое любовное увлеченiе: «не даромъ же онъ былъ нигилистъ», замѣчаетъ авторъ.

Но эта игра не безусловный признакъ нигилизма, скорѣе болѣзненный придатокъ къ нигилизму, жалкое ослѣпленiе, а часто и насильственное, даже мучительное притворство, хотя оно и беретъ начало въ гордости и самоувѣренности. Смыслъ подобнаго нигилизма совершенно ясенъ изъ самаго романа.

Базаровъ, напримѣръ, почувствовалъ, что сконфузился передъ Одинцовой... Немедленно гнѣвъ на себя:

«Вотъ тебѣ разъ! — бабы испугался»...

А затѣмъ утрированно-нигилистическая поза: «развалясь въ креслѣ, заговорилъ преувеличенно развязно».

Та же самая искусственная театральная самоувѣренность и небрежность въ критическiя минуты, — все равно съ Одинцовой, съ братьями Кирсановыми, съ родителями.

Критикамъ, умѣвшимъ только читать напечатанныя фразы, ничего не стоило увидѣть въ Базаровѣ чудовище, дьявола, но Писаревъ справедливо распозналъ въ этихъ моментахъ трагизмъ базаровской природы. И этотъ трагизмъ тѣмъ глубже, что Базарову жестоко приходится расплачиваться за свои *противоположныя общiя мнѣста*. Теоретическiй нигилизмъ искупается страстью къ Одинцовой.

Мы видѣли, — это отнюдь не одно физиологическое влеченiе къ красивой особи: Одинцова, какъ человѣкъ, импонируетъ Базарову — своимъ практическимъ умомъ, энергiей, самообладанiемъ, вообще нравственными силами, необычными у женщины. Одинцова «нашего хлѣба покушала»,

говорить Базаровъ-плебей, и сама Одинцова настаиваетъ на своемъ плебействѣ. Это — *сильная натура*, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе самоувѣренная и закаленная, чѣмъ базаровскій нигилизмъ. Базаровъ *долженъ* полюбить *такую* женщину: здѣсь сила одолеваетъ силу, эта любовь результатъ борьбы двухъ однородныхъ организацій, и Одинцова сильнѣе Базарова холодомъ своего темперамента, спокойствіемъ своей крови.

Въ лицѣ Одинцовой торжествуетъ собственно не любовь, а нѣчто гораздо большее, — природа, собственная базаровская природа, та самая «сильная, тяжелая страсть», которая вынесла его на поверхность плебейскаго моря. Сцена Базарова съ Одинцовой не унижаетъ героя, какъ это казалось Писареву, напротивъ, даетъ послѣдній ударъ кисти всей могучей фигурѣ. Безъ этой сцены Базаровъ былъ бы «общее мѣсто» грубости и животной тупости. Исторія съ Одинцовой раскрываетъ въ немъ человѣка, юношу, истомленнаго одиночествомъ, таящаго въ себѣ такое богатство и энергію чувства, какія и не снились подневольному, напряженному нигилисту Аркадію.

Это одна жертва — за отвлеченный фанатическій нигилизмъ.

И жертва — совершенно законная, справедливая съ самой строгой точки зрѣнія обожаемаго Базаровымъ естествознанія.

Базаровъ на основаніи своей науки дѣлаетъ выводы *меньше всего научные*, а такіе же *беллетристическіе*, какіе дѣлалъ какой-нибудь литераторъ-натуралистъ на Западѣ. Это результаты ученическаго популярнаго увлеченія. Базарову, кромѣ того, по натурѣ, особенно свойственны рѣзкія и крайніе пути, — и онъ незамѣтно для себя со своимъ *научнымъ отрицаніемъ* превращается въ самаго наивнаго Донъ-Кихота, ведущаго войну съ неизмѣнными законами природы.

По его мнѣнію, природа только мастерская, въ ней нѣтъ ни красоты, ни любви, ни романтизма, ни эстетики, ни тайны, ни идеала. Такъ могъ разсуждать Золя, но настоящій знатокъ природы, въ родѣ, на примѣръ, Дарвина, немедленно

представилъ бы самыя убѣдительныя возраженія и, ни на юту не отступая отъ точныхъ научныхъ наблюденій, развернулъ бы предъ необдуманно «положительными» скептиками необозримую картину художественныхъ красотъ и романтическихъ эпизодовъ. Именно эта дарвиновская картина и бросаетъ истинный свѣтъ на базаровскую исторію съ Одиновой, столь, повидимому, неожиданную и обидную.

Въ книгахъ Дарвина предъ нами множество настоящихъ художественныхъ произведеній, — драмъ, романовъ, идиллій изъ жизни животныхъ. И какъ задушевно, часто восторженны эти рассказы! Дарвинъ-сынъ передаетъ, какъ онъ и отецъ смѣялись разъ надъ одной страницей въ ученомъ сочиненіи отца. Страница оказалась въ необыкновенно лирическомъ тонѣ, не особенно умѣстномъ въ данномъ случаѣ. Дарвинъ замѣтилъ лиризмъ уже послѣ того, какъ книга была напечатана. Описаніе, очевидно, вылилось у него въ порывѣ искренняго восторга предъ красотой естественныхъ явленій. Геніальный естествоиспытатель въ эту минуту явился истиннымъ художникомъ.

И какъ было не притти въ восторгъ, когда автору приходилось рассказывать такія, напримѣръ, исторіи: птичка, утрачивая свою пару, умираетъ отъ тоски, обезьяна-мать падаетъ подъ выстрѣлами, до конца прикрывая своимъ тѣломъ свое дѣтище, птицы кормятъ своихъ слѣпыхъ стариковъ, обезьяны окружаютъ родильницу, поздравляютъ ее, ласкаютъ ея ребенка... И нѣтъ конца подобнымъ сценамъ!..

Когда одну изъ такихъ исторій услышалъ Гёте — задолго до книги Дарвина, — онъ воскликнулъ: «Кто слышитъ это и не вѣруетъ въ Бога, тому не помогутъ ни Моисей ни пророки. Вотъ что я зову вездѣсущіемъ Божіимъ. Онъ всюду распространяетъ и насаждаетъ частицы Своей безкопечной любви, и еще въ животномъ проявляется въ видѣ почки то, что въ благородномъ человѣкѣ распускается какъ цвѣтокъ».

Это — по поводу семейныхъ добродѣтелей.

Не меньше и общественныя. Ученый видѣлъ общину муравьевъ, прямо влюбленныхъ другъ въ друга: они непрерывно подносили другъ другу пищу, ласкали усиками

и переносили другъ друга съ мѣста на мѣсто. А въ случаѣ опасности, всѣ эти едва замѣтныя твари превращаются въ героевъ: муравья можно разрѣзать пополамъ, и, тѣмъ не менѣе, обѣ половины не перестанутъ защищать свое отечество. Дарвинъ неоднократно повторялъ исторію обезьяны, самоотверженно спасшей юнаго члена стаи почти изъ пасти собаки.

Это — факты любви, мужества, самопожертвованія. А сколько рядомъ съ ними чувства красоты и поэзіи!

Припомните описаніе гнѣздъ колибри; это — истинныя чудеса эстетическаго вкуса. А магическое дѣйствіе соловьиной пѣсни на птицъ. А этотъ снѣгирь, выучившій нѣмецкій вальсъ и собирающій вокругъ себя стаю внимательнѣйшихъ слушательницъ—коноплянокъ и канареекъ! Что заставляетъ этихъ созданій увлекаться пѣніемъ до разрыва въ легкихъ и падать мертвыми съ трелью на устахъ? Птицеловамъ извѣстно, какую громадную власть приобрѣтаютъ птицы надъ своими товарищами искуснымъ пѣніемъ. Въ чемъ таится эта власть?

Итакъ, въ самой природѣ заключены источники всего, что признаемъ мы идеальнымъ и прекраснымъ.

Для Базарова этой неопровержимой истины не существуетъ,—и онъ въ порывѣ нигилистическаго правовѣрія могъ бы даже поднять руку на величайшія произведенія дорогой ему естественнаго научной мысли, свободной отъ партійнаго фанатизма и полемическихъ стремленій.

Дарвинъ въ своей книгѣ счелъ возможнымъ поставить рядомъ Ньютона и Шекспира, какъ равноправныя свидѣтельства объ изумительной силѣ человѣческаго духа. Базаровъ, столь презирающій Пушкина, несомнѣнно вычеркнулъ бы Шекспира,—и одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво указалъ бы на различіе дѣйствительно-научнаго мышленія и нравственной тенденціи на почвѣ науки, естествознанія и натурализма, и опредѣлилъ бы грѣхъ Базарова предъ лицомъ самой *человѣческой природы*.

Но Базаровъ, кромѣ того, *сословный* нигилистъ. И здѣсь онъ не умѣетъ остановиться на границахъ хладнокровнаго

разчета. Павелъ Кирсановъ непрестанно раздражаетъ его плебейскіе инстинкты и вызываетъ его оппозицію. Базаровъ отвергаетъ опрятный туалетъ, вѣжливость въ обращеніи. Въ воинственномъ задорѣ онъ забываетъ, что можно быть и плебеемъ-джентльменомъ и даже давать уроки джентльменства кровнымъ аристократамъ, прежде всего тому же Павлу Кирсанову. Но Базаровъ—боевая натура, и видимъ мы его въ самый разгаръ борьбы и, притомъ, «одного въ полѣ воина» при такихъ условіяхъ, чѣмъ шире размахъ, тѣмъ больше утѣшенія герою.

Такъ, принцъ Гамлетъ пускается на самыя дикія выходы именно въ присутствіи тѣхъ, кто его считаетъ помѣшаннымъ. Базаровъ не только демократъ, но и грубый, надменный плебей съ тѣми, для кого онъ созданіе низшей породы. Съ Одинцовой, на примѣръ, Базаровъ не кичится своимъ демократизмомъ,—зато Павла Кирсанова онъ прямо изводитъ своими приемами.

Но сплошное математически-прямолинейное отрицаніе всѣхъ предразсудковъ аристократической цивилизаціи также ставитъ Базарова въ траги-комическое положеніе. Ему волей-неволей приходится драться на дуэли. Нельзя, слѣдовательно, смотрѣть на какія бы то ни было общественныя условія, какъ на случайный внѣшній налетъ: подулъ — и нѣтъ ничего. Всякое общество такой же продуктъ природы и исторіи, какъ и человѣческой организмъ, — и Базарову одинаково было непозволительно возставать противъ самыхъ естественныхъ явленій личной жизни человѣка, въ родѣ любви, и провозглашать nihil namѣсто вѣковыхъ преданій, какова бы ни была ихъ нравственная цѣнность.

Здѣсь, снова повторяемъ, нигилизмъ переходилъ въ самый необузданный романтизмъ, въ родѣ фантазій Руссо насчетъ естественнаго человѣка, упразднялъ идею прогресса, шель, слѣдовательно, противъ разумной, цѣлесообразной борьбы постепенно развивающейся свободной мысли съ преданіями, утрачивающими жизненный смыслъ. Это грѣхъ противъ *человѣческой исторіи*.

И Базаровъ жестоко расплатился за всѣ свои ослѣпленія

Конецъ его, т. е. дни, предшествующіе смерти, носятъ совершенно романтическій характеръ. Базаровъ впадаетъ въ пессимизмъ, разочарованіе, равнодушіе, пускается даже въ резонерство и болтовню, столь ненавистныя ему раньше. болѣе чѣмъ когда-либо сыплетъ противоположными общими мѣстами, имъ безпрестанно овладѣваетъ чувство безпредметной злобы. Ясно, человѣкъ взялъ слишкомъ высокій тонъ, и оборвался. Предъ нами въ сущности нравственная агонія, и настоящая смерть постигаетъ героя необыкновенно кстати: онъ буквально не знаетъ, куда дѣвать себя, и не видитъ смысла въ дальнѣйшей жизненной комедіи.

Только пристрастная близорукость могла видѣть тенденціозное вмѣшательство автора въ судьбу Базарова. Каждый моментъ этой судьбы — логическое слѣдствіе основныхъ мотивовъ жизни и личности тургеневскаго героя. Трудно даже указать романъ, столь послѣдовательно обнаруживающій звенья единой психологической цѣпи.

Базаровъ сошелъ со сцены, не доживъ до практической общественной дѣятельности. Лиза ушла въ монастырь, едва заглянувъ въ дѣйствительность. Оба они явились на сцену съ отрицаніемъ нравственныхъ основъ, на которыхъ строилось благополучіе «отцовъ». Несмотря на несходство мотивовъ протеста, у героя и героини общія цѣли: остановить стихійное теченіе барской эгоистической жизни, указать мечтательнымъ сибаритамъ и наивнымъ добрякамъ безцѣльность и бессодержательность ихъ существованія, отсутствіе въ ихъ суетнѣ опредѣленныхъ принциповъ и сознанія нравственнаго долга.

Лиза не могла вести активной борьбы: она своей личностью свидѣтельствовала о новыхъ идеалахъ, являлась воплощенной совѣстью для старшаго поколѣнія. Базаровъ, напротивъ, готовъ на какую угодно схватку съ ненавистными романтиками. Но самая эта готовность и горячность борьбы доказывали, что протестъ противъ русскаго романтизма переживалъ еще свой медовый мѣсяцъ, свой юношескій, также романтическій, періодъ, — и мы должны строго отличить случайныя увлеченія, вспышки, крайности, однимъ словомъ, все

частное отъ общаго смысла базаровскаго разлада съ отцами. Базаровъ отъ начала до конца остается въ пылу сраженія, подобно Чацкому, и, подобно ему, безпрестанно обуревается полемическимъ задоромъ. Въ такіе моменты много говорится, во многое вѣрится, но весьма немногое осуществляется. Да, Базаровъ, при всемъ своемъ нигилизмѣ, одинъ изъ самыхъ вѣрующихъ идеалистовъ въ русскомъ духѣ. Кто какъ не русскій идеалистъ можетъ вообразить, что нѣсколькими крѣпкими словами можно уничтожить сердечныя страсти и смести съ лица земли общественныя предразсудки!..

Но какъ ни печальна участь Лизы, какъ ни опрометчивъ нигилизмъ Базарова, положительное значеніе этихъ типовъ совершенно ясно. Даже въ романахъ ихъ появленіе не проходитъ безслѣднымъ. Взвѣсьте, сколько новыхъ чувствъ пробудила Лиза въ сердцѣ Лаврецакаго, какимъ свѣтомъ нравственнаго подвига и глубокаго сочувствія къ грядущимъ поколѣніямъ озарила его послѣдніе годы. А въ другомъ романѣ даже «галки»—Катя и Аркадій пьютъ «въ память Базарова».

Не тотъ только добрый сѣятель, кто сѣетъ сѣмена, но и тотъ, кто разрыхляетъ почву для нихъ. И это дѣло было выполнено нашими героями. Предъ ними блѣднѣли и отступали вспять идеалы старой жизни, другимъ, болѣе сильнымъ и болѣе осмотрительнымъ, предстояло создать новые. Въ «нигилизмѣ» Базарову *по существу* сказалось самое естественное и неизбѣжное развитіе русской нравственной и общественной мысли: протестъ противъ бесплоднаго прекраснодушія и безвольной мечтательности, противъ привилегированнаго аристократизма и опоэтизированнаго тунеядства. Въ лицѣ Базарова на сцену выступили—личная мысль и личная воля, онъ прямой потомокъ Чацкихъ и—насколько вопросъ касается тургеневскаго романа и его героя—наименованіе *нигилистъ*, какъ нѣчто ужасное и преступное, такая же бессмыслица, какъ слово *карбонарій*, которымъ Фамусовы обзывали современныхъ имъ «дѣтей».

И. Ивановъ.

*) Въ числѣ мужскихъ фигуръ у Тургенева есть нѣсколько такихъ, къ которымъ авторъ относится съ явной симпатіей, доходящей порою до своего рода «влюбленности». Вотъ именно эти то образы и оказываются въ большей или меньшей степени противоположными самому Тургеневу. Изъ нихъ на первомъ планѣ нужно поставить Базарова («Отцы и Дѣти») и Соломина («Новь»).

Извѣстно, что къ Базарову Тургеневъ чувствовалъ «влеченіе, родъ недуга» **). Вспомнимъ, на примѣръ, слѣдующія мѣста изъ писемъ: «Вы (пишетъ Тургеневъ г-жѣ Ф--вой, 1874 г.) повторяете этотъ... извините безцеремонность выраженія—безсмысленный упрекъ! Базаровъ, это мое любимое дѣтище, изъ-за котораго я разсорился съ Катковымъ, на котораго я потратилъ всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи краски, Базаровъ,—этотъ умница—этотъ герой—кариатура?!?»...

«Не удивляюсь (пишетъ Тургеневъ Салтыкову, 1876 г.), что Базаровъ остался для многихъ загадкой; я самъ не могу хорошенько себѣ представить, какъ я его написалъ. Тутъ былъ—не смѣйтесь, пожалуйста,—какой-то фатумъ, что-то сильнѣе самого автора, что-то независимое отъ него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ тогда не было; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня выходило... Скажите, по совѣсти, развѣ кому нибудь можетъ быть обидно сравненіе его съ Базаровымъ? Не сами-ли вы замѣчаете, что это самая симпатичная изъ всѣхъ моихъ фигуръ?...»

Симпатія или скорѣе любовь Тургенева къ Базарову сказывается во многихъ мѣстахъ романа. Его наружность, манера, обхожденіе, душевныя состоянія и т. д. изображаются такъ, что читатель чувствуетъ, какъ этотъ человѣкъ нра-

*) Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. Слб. 1904 г.

**) Такъ самъ онъ выражается въ письмѣ къ Герцену отъ 28 апрѣля 1862 г. „... при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ къ нему „влеченіе, родъ недуга“, — такъ что Катковъ на первыхъ порахъ ужаснулся и увидалъ въ немъ апофеозу Современника“...

вится Тургеневу. При первомъ же появленіи Базарова, читателю невольно навязывается мысль, что это любимецъ автора и человѣкъ необыкновенный. Его наружность тщательно описана: «длинное и худое лицо съ широкимъ лбомъ... и т. д. — оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и умъ». Въ отношеніяхъ Базарова къ Павлу Петровичу и Аркадію (не говоря уже о Кукшиной и Ситниковѣ) Тургеневъ какъ бы нарочито желаетъ показать превосходство своего героя, значительность и своеобразность его душевнаго содержанія, выставляя на видъ его спокойствіе, уваженіе къ самому себѣ, и самъ невольно любуясь имъ. Вспомнимъ хотя бы сцену объясненія съ Павломъ Петровичемъ (вызовъ на дуэль, гл. XXIV), сцену дуэли, бесѣды съ Аркадіемъ, смерть Базарова и мн. др., — вездѣ Базаровъ является то «умницею», то «героемъ», и нигдѣ не показанъ съ той повседневно-пошлой стороны, которая есть у всякаго, даже самаго необыкновеннаго человѣка.

Отмѣтимъ еще двѣ-три черты, какъ бы вскользь брошенныя. «Однажды онъ, гуляя съ ней (Одинцовой) по саду, внезапно промолвилъ угрюмымъ голосомъ, что намѣренъ скоро уѣхать въ деревню къ отцу... Она поблѣднѣла... Базаровъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ не съ мыслью испытать ее, посмотрѣть, что изъ этой выйдетъ: онъ никогда не «сочинялъ»... (гл. XVII). И въ самомъ дѣлѣ: Базаровъ—какимъ мы его знаемъ на всемъ протяженіи романа—это натура глубокоправдивая: всѣ его поступки, всѣ его слова, серьезные или шутивыя, — одинаково являются подлиннымъ выраженіемъ его личности. Онъ никогда не симулируетъ, не прикидывается, даже прямо не въ силахъ надѣть маску и изобразить то, чего не чувствуетъ (какъ, напр., въ отношеніяхъ къ отцу и матери, которымъ онъ и хотѣлъ бы показать больше нѣжности, чтобы утѣшить стариковъ—да не можетъ: нѣтъ ея у него). Описывая сцену у Одинцовой (въ городѣ), когда Базаровъ и Аркадій въ первый разъ пришли къ ней съ визитомъ, и Базаровъ, желая скрыть свое смущеніе, сталъ «ломаться» и говорить съ преувеличенной развязностью, Тургеневъ заставляетъ Одинцову отлично понять, что подъ

этой обманчивой манерою скрывается натура, которой именно-то и чуждо всякое «ломаніе», что Базаровъ — человѣкъ, неумѣющій «напускать» на себя. Заставляя Одинцову понимать это, Тургеневъ хочетъ, чтобы и читатель такъ понималъ и не перетолковалъ бы поведенія Базарова въ какомъ нибудь пошломъ смыслѣ. «Одно пошлое ее (Одинцову) отталкивало, а въ пошлости никто бы не упрекнулъ Базарова».

Этотъ человѣкъ, столь симпатичный Тургеневу, изображенный съ такой любовью, почти пристрастной, представляетъ собою натуру, прямо противоположную натурѣ самаго Тургенева. Базаровъ, какъ извѣстно, человѣкъ необычайно сильной воли, желѣзнаго характера. Съ этой стороны онъ служитъ настоящимъ контрастомъ Тургеневу, и, повидимому, здѣсь-то и нужно искать объясненія того невольнаго влеченія, которое сразу почувствовалъ нашъ художникъ къ лицу, послужившему «оригиналомъ» Базарова, и потомъ — къ его художественному воспроизведенію, герою «Отцовъ и Дѣтей». Напомню читателю извѣстное мѣсто въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», гдѣ Тургеневъ говоритъ: «...въ основаніе главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинціального врача... Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и въ то же время не совсѣмъ ясно...» (X, 101). Въ этуодѣ о Базаровѣ *) я, цитируя это мѣсто, высказалъ между прочимъ соображеніе, что едва ли «молодой провинціальный врачъ» могъ поразить воображеніе Тургенева однимъ лишь содержаніемъ и рѣзкостью своихъ отрицательныхъ идей: онъ долженъ былъ импонировать чѣмъ-нибудь другимъ. Очевидно, это былъ человѣкъ базаровскаго закала, — сильный, властный, содержательный, умный, злой. Тургеневъ не принадлежалъ, конечно, къ числу людей, которыхъ можно уди-

*) „Харьковск. Губ. Вѣдом.“ (подъ ред. А. Я. Ефимовича) 1894 г.

вить и плѣнить «новыми словами», рѣзкостью сужденій, смѣлостью взглядовъ. Его всегда интересовала прежде всего личность, натура человѣка, его внутреннее содержаніе, и самые удивительные «взгляды», самыя новыя и смѣлыя слова, высказанныя человѣкомъ пустымъ, ничтожнымъ, бездарнымъ, не производили на Тургенева ровно никакого впечатлѣнія (кромѣ, развѣ, совершенно отрицательнаго, см., напр., письмо къ г-жѣ Ф—ой, «Письма», № 190).

Въ «молодомъ провинціальномъ врачѣ» Тургеневъ прозрѣвалъ присутствіе какой-то необыкновенной силы, быть можетъ,—недоброй, но дѣйствующей обязательно на такія натуры, какъ тургеневская. Въ основѣ этой силы лежала необычайная крѣпость воли, какъ задерживающей, такъ и дѣятельной. Вспомнимъ здѣсь тѣ мѣста въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», гдѣ съ особой яркостью выставлена на видъ эта сторона у Базарова. Вотъ, напр., страница, изображающая отношеніе Базарова къ своему собственному чувству, внушенному Одинцовою. Это чувство его «мучило и бѣсило», и отъ него «онъ тотчасъ отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бранью, если бы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что въ немъ происходило... Онъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшіяся вѣтки и браня въ полголоса ее и себя... Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода «постыдныхъ» мысляхъ, точно бѣсъ его дразнилъ. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженіи ея лица проявлялось что-то особенное, что можетъ-быть... Но тутъ онъ обыкновенно топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ» (XVII).

Прочитавъ эти выдержки отдѣльно, читатель, незнакомый съ личностью Базарова, могъ-бы пожалуй подумать, что дѣло идетъ объ аскетѣ, смущаемомъ бѣсовскими наважденіями, для борьбы съ которыми онъ пускаетъ въ ходъ всю силу своей задерживающей воли.

Но аскету, фанатику «личной святости», сравнительно нетрудно бороться со своими страстями и разными соблазнами:

въ его распоряженіи излюбленная идея, которой подчинена вся его личность; вся духовная жизнь стянута у него къ одному пункту, гдѣ движущею силою являются обаяніе религіознаго экстаза, чувство самоуслажденія своими собственными подвигами, вѣра въ загробное воздаяніе, чары молитвеннаго умиленія. Все это — страстныя состоянія души, которыя сами по себѣ дѣйствуютъ подавляющимъ и даже уничтожающимъ образомъ на другія страсти или чувства, напр., на любовь, какъ чувственную, такъ и идеальную, на увлеченіе земными благами, славой, честолюбіемъ и т. д. Такому человѣку, знающему «одной лишь думы власть», какъ и всякому человѣку, одержимому идеею, сравнительно не такъ уже трудно орудовать аппаратомъ задерживающей воли. Другое дѣло — Базаровъ. У него нѣтъ тѣхъ высшихъ страстей, религіозныхъ или иныхъ, которыя однимъ фактомъ своей наличности укрѣпляютъ волю, устраняя или парализуя дѣйствіе низшихъ страстей. Что касается спеціально любви къ женщинѣ, то, какъ мы знаемъ, Базаровъ въ этомъ отношеніи — циникъ, и не признаетъ въ любви ничего чистаго, идеальнаго. «Нравится тебѣ женщина — говариваль онъ — старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись, земля не клиномъ сошлась» (XVII). Къ самой Одинцовой онъ подходилъ съ мыслями нечистыми. «Но онъ скоро понялъ, что съ ней «не добьешься толку», «а отвернуться отъ нея онъ, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ» (XVII). Это изумленіе и также то негодованіе, съ которымъ онъ «сознаваль романтика въ самомъ себѣ», и потомъ страшная внутренняя борьба и ломка, описанныя въ вышешприведенной выдержкѣ и въ сущности длянціяся до конца романа, свидѣтельствуютъ намъ, что въ душѣ этого человѣка есть нѣчто положительное, во имя чего оно борется съ возникшею страстью, но что въ то же время это нѣчто, каково бы оно ни было, не даетъ для воли той опоры, какую даютъ ей излюбленные страсти аскета, фанатика, вообще человѣка, одержимаго идеей. Рядомъ цитатъ можно показать (я это сдѣлалъ въ этюдѣ о Базаровѣ), что «нигилистъ», радикаль — отрицатель, демократъ-Базаровъ не принадлежитъ

однако къ числу фанатиковъ идеи, — въ немъ нѣтъ и тѣни фанатическаго, некритическаго отношенія къ своимъ воззрѣнιάмъ, направленію, дѣлу. Если-бы таковое у него было, и его идеи захватили бы его цѣликомъ, внутренняя борьба не обошлась бы ему такъ дорого. Противъ новой страсти выступила бы старая; онъ не былъ бы такъ безоруженъ въ борьбѣ со страстью къ Одинцовой и съ тѣмъ вмѣстѣ не придавалъ бы, конечно, такой важности, такого трагическаго значенія тому обыкновенному и неизбѣжному, какъ корь, душевному заболѣванію, которое называется влюбленностью. Вотъ тутъ-то и возникаютъ вопросы: откуда это негодование, это возмущеніе, эта борьба? Во имя чего ведется она? Что именно, какое сокровище, оберегаетъ въ себѣ Базаровъ, борясь со своимъ чувствомъ къ Одинцовой? Почему, наконецъ, эта любовь и борьба такъ трагичны?

За отвѣтами ходить недалеко. Не только въ исторіи этой любви, но и во всемъ, что мы знаемъ о Базаровѣ, на всемъ протяженіи романа, отчетливо сказывается одна капитальная черта, придающая особую значительность и высокій интересъ фигурѣ героя и въ то же время чрезвычайно важная для правильнаго пониманія той любви, какую питалъ Тургеневъ къ этому своему «дѣтищу». Эта черта и есть та «внутренняя свобода», о которой мы говорили выше, цитируя совѣты Тургенева молодымъ беллетристамъ. Базаровъ — человѣкъ внутренне свободный не хуже самого Тургенева. Во всемъ противоположенъ онъ своему автору — и характеромъ, и складомъ ума, сухого, дѣловаго, положительнаго, и своимъ отношеніемъ къ искусству и поэзіи, которыхъ онъ органически не понимаетъ, и укладомъ воли, — въ одномъ только пунктѣ Тургеневъ и Базаровъ сходятся — въ способности къ внутренней свободѣ. Послѣдняя и есть то сокровище, которое такъ ревниво оберегаетъ Базаровъ и ради котораго онъ такъ возмущается противъ чувства къ Одинцовой.

Во избѣжаніе недоразумѣній, здѣсь слѣдуетъ пояснить, что собственно понимаю я подъ внутренней свободой.

Она не есть нѣчто отрицательное, она—не отсутствіе идей, не безпринципность; она также—не отсутствіе высшихъ чувствъ (напр., чувства долга); она не есть даже отсутствіе страстей. Можно быть адептомъ идеи, чуждымъ оппортунизма, можно руководиться чувствомъ долга, быть доступнымъ увлеченіямъ и страстямъ—и въ то же время оставаться внутренно свободнымъ. Для этого необходимо, кромѣ идей, принциповъ, чувства долга, страстей, обладать еще нѣкоторымъ положительнымъ душевнымъ даромъ. О природѣ этого дара можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ примѣрамъ:

Пироговъ былъ человѣкъ глубоко-религіозный, вѣрующій, христіанинъ, но онъ былъ чуждъ всякаго фанатизма, и въ дѣлѣ религіи, какъ и во всемъ, руководился духомъ широкой гуманности, терпимости, человѣколюбія: онъ былъ въ религіи, какъ и во всемъ, внутренно свободенъ. А вотъ, напр., протопопъ Аввакумъ—такъ тотъ внутренней свободой не обладалъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Пироговъ былъ послѣдователенъ и принципіаленъ не меньше протопопа Аввакума,—только на другой ладъ. Первый былъ человѣкъ идеи, второй былъ ея рабъ мученикъ. Кантъ, всю жизнь работавшій въ тиши кабинета съ самоотверженіемъ отшельника и, какъ извѣстно, отличавшійся необыкновеннымъ богатствомъ идей философскихъ, научныхъ и нравственныхъ, былъ человѣкъ внутренно свободный: онъ въ своихъ изысканіяхъ, построеніяхъ, жизни—руководился не буквою, не догмою системы, а критикой, духомъ изслѣдованія и—въ связи съ этимъ—былъ широкъ и гуманенъ. За то же онъ и создалъ критическую философію, ознаменовавшую наступленіе новой эры въ исторіи мысли, и его имя стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ,—о чемъ, впрочемъ, онъ совсѣмъ не заботился. Другое дѣло, напр., Шопенгауэръ: этотъ геніальный мыслитель создалъ еще въ молодости догматическую систему и такъ и остался на всю жизнь, до глубокой старости, очарованнымъ этимъ своимъ произведеніемъ, и воображалъ, что исторія мысли дѣлится отъ Платона до Шопенгауэра и отъ Шопенгауэра впредь, да кромѣ того всегда былъ подъ властью

своего дурного характера и страстей: онъ не былъ внутренно свободенъ. Къ числу мыслителей геніальныхъ, но не свободныхъ относится и Огюсть Контъ, который и въ позитивизмъ и въ особенности въ контизмъ былъ догматикомъ, да еще проникнутымъ духомъ католической авторитарности, и, кромѣ того, находился подъ давленіемъ *idée fixe* своего призванія. Въ сферѣ политики, общественной дѣятельности и борьбы образцомъ дѣятеля внутренно свободнаго, но стойкаго и неприклоннаго, является Гладстонъ. Таковымъ же представляется мнѣ и Бебель: принадлежность къ опредѣленной партіи не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ широкихъ общечеловѣческихъ идей и дѣятелемъ, чуждымъ узкой шаблонности доктрины. Замѣтный даръ свободы духа мы видимъ у Гете *) и Пушкина, и только, по недоразумѣнію или въ силу запальчивости, можно было смѣшивать этотъ чудный даръ съ индифферентизмомъ или безпринципностью. Таковъ же былъ и Тургеневъ.

Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ можно видѣть, что внутренняя свобода есть такая «идейность», которой чужды фанатизмъ, догматизмъ, шаблонъ, доктринерство, исключительность и т. п., и которая просвѣтлена духомъ критики, изслѣдованія, терпимости, гуманности. Если человѣкъ идеи не теряетъ способности выслушивать другихъ, понимать и оцѣнивать инья точки зрѣнія, инья убѣжденія; если его излюбленная идея, система, программа, страсть, вѣра не являются въ видѣ завѣсы, заслоняющей отъ его глазъ дѣйствительность, подлиннаго человѣка и человѣчество; если онъ сознаетъ и чувствуетъ, что, положимъ, его («я») и его идеи — это нѣчто превосходное, ну, а все-таки эта дѣйствительность, этотъ громадный міръ, это человѣчество сами по себѣ подлежатъ объективному изученію, пониманію и любви (да, кромѣ того, отлично могутъ обойтись безъ него и его идей), — то такой человѣкъ имѣетъ шансы возвыситься до той

*) Гете по натурѣ былъ далеко не „свободенъ внутренно“, но онъ добивался внутренней свободы и достигъ ея во вторую половину своей жизни. Объ этомъ см. въ моей статьѣ „Геній Гете“ („Вопросы психологіи творчества“. Спб. 1902).

высоты душевнаго подъема, которая и есть внутренняя свобода духа.

Само собою разумѣется, внутренняя свобода, какъ и все на свѣтѣ вообще и въ психикѣ человѣка въ особенности, можетъ быть только относительной. Немыслимъ такой геній, который обладалъ бы безусловной свободой духа. И Пироговъ, и Кантъ, и Гладстонъ, и самъ Гете—представляются внутренне свободными только относительно,— ихъ духъ, ихъ воля, ихъ умъ далеко не такъ связаны, какъ у натуръ другого рода (Шопенгауэръ, Контъ, Толстой). Они свободны во многомъ, въ чемъ другіе связаны; они вообще свободнѣе другихъ. Но у каждаго изъ нихъ найдутся свои слабыя стороны, такія черты характера, темперамента, ума, которыхъ дѣйствіе ограничиваетъ ихъ внутреннюю свободу въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ.

Обращаясь къ Базарову, мы скажемъ таѣ:

Это человѣкъ, который имѣетъ много шансовъ стать внутренне-свободнымъ, но по молодости лѣтъ, по недостатку жизненнаго опыта, онъ далеко еще не осуществилъ этой свободы и не оправдалъ своихъ правъ на нее. Видно только, что, не умри Базаровъ такъ рано, онъ сумѣлъ бы ихъ оправдать. Задатки внутренней свободы въ немъ основаны на свойствахъ его большого ума и на необычайной силѣ воли. Объ этой послѣдней мы говорили выше. Что же касается ума, то всякій, прочитавшій и понявшій «Отцы и Дѣти», отлично знаетъ, какъ уменъ Базаровъ. Было бы излишне распространяться на эту тему и доказывать цитатами, что у Базарова сильный аналитическій и критическій умъ, нѣсколько сухой и холодный, не чуждый ироніи и скептицизма, «научно дѣловой». Такія свойства ума много содѣйствуютъ освобожденію духа. Если не во всѣхъ сферахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ области идей, идеаловъ, общественныхъ стремленій такой умъ всегда предохранитъ человѣка отъ узкости, односторонности, фанатизма, не позволитъ ему стать рабомъ идеи, мономаномъ. И въ самомъ дѣлѣ, Базаровъ обращается со своими идеями совершенно свободно, и самый «нигилизмъ», отрицаніе «принциповъ» и авторитетовъ, въ

существованіи дѣла, являются у него только своеобразнымъ, юношески-незрѣлымъ, непродуманнымъ выраженіемъ этой внутренней свободы. Несомнѣнно, съ годами и опытомъ такой способъ выраженія свободы замѣнился бы у него другимъ — болѣе зрѣлымъ, болѣе совершеннымъ ея проявленіемъ. Вполнѣ созрѣвшій, обогащенный опытомъ жизни, расширившій кругъ своихъ идей, Базаровъ уже не станетъ утверждать, что, напр., «порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣй всякаго поэта», что «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ», что принципы нѣтъ, а есть только ощущенія» и т. д. Чтобы правильно понять Базарова, къ этому нигилизму его нужно относиться такъ, какъ отнесся къ нему самъ Тургеневъ, — благодушно, безъ той горячности, какую проявляетъ Павелъ Петровичъ Кирсановъ. Тургеневъ ясно показалъ намъ неумѣстность этой горячности, и далъ понять, что — не будь ея — самъ Базаровъ выразался бы не такъ рѣзко. Лично Тургеневу было крайне несимпатично отрицаніе искусства, авторитетовъ, глумленіе надъ Рафаэлемъ и Пушкинымъ и т. д., но онъ умѣлъ глубоко проникать взоромъ художника и мыслителя въ душевное нутро людей, умѣлъ взвѣшивать и оцѣнивать ихъ внутреннее содержаніе, чего не умѣетъ Павелъ Петровичъ. Послѣдній органически неспособенъ понять Базарова — какъ натуру, умъ, характеръ, и, въ своей оцѣнкѣ человѣка, держится на поверхности, не идетъ дальше «взглядовъ», словъ, случайныхъ проявленій личности. Не нравятся ему эти слова и проявленія, — и онъ отворачивается отъ человѣка, выноситъ ему безапелляціонный приговоръ. Ему и въ голову не приходитъ простая мысль, что есть, вѣдь, въ человѣкѣ нѣчто болѣе существенное, чѣмъ слова и «взгляды», нѣчто глубже лежащее, есть характеръ, воля, складъ ума, внутренніе запросы, есть сложная личность въ процессѣ развитія, ищущая выраженія и самоопредѣленія.

Для Павла Петровича Кирсанова Базаровъ никоимъ образомъ не можетъ служить «дополнительной личностью». Онъ и Базаровъ — это два контраста, но такіе, которые другъ

друга не дополняютъ, не способны къ гармоническому сочетанію.

Но Тургеневъ — не Павелъ Петровичъ Кирсановъ, и отношенія его къ Базарову поэтому совсѣмъ иныя. Другое дѣло — Николай Петровичъ Кирсановъ: въ немъ воплощены нѣкоторыя типичныя черты передового дворянства эпохи 40—60-хъ годовъ, между прочимъ тѣ, которыя Тургеневъ находилъ въ самомъ себѣ. «Николай Петровичъ (говоритъ Тургеневъ въ письмѣ къ Случевскому, 1862 г., № 81), это я, Огаревъ и тысячи другихъ». Мягкость характера, слабость воли, прекраснодушіе, литературные вкусы, сочувствіе къ молодежи, культъ Пушкина и природы, недостатокъ пракческаго смысла, неспособность къ дѣйствию и т. д. — таковы характерныя признаки этого типа, совершенно противоположнаго базаровскому. Эта противоположность однако вовсе не предполагаетъ той враждебности, той невозможности соглашенія, которыя образуютъ основу отношеній между Павломъ Петровичемъ и Базаровымъ. Николай Петровичъ едва ли вполнѣ понимаетъ и едва ли могъ бы полюбить Базарова, но въ то же время въ немъ нѣтъ той затаенной, предвзятой, инстинктивной вражды къ нему и того почти физическаго отвращенія, какія проявляетъ его братъ. Между отцомъ Аркадія и Базаровымъ, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы установиться очень хорошія отношенія. И самъ Базаровъ, какъ извѣстно, по-своему цѣнитъ и понимаетъ Николая Петровича; въ немъ нѣтъ никакой антипатіи къ послѣднему. — «Базаровъ уменъ и знающъ», говоритъ Николай Петровичъ. — «Твой отецъ добрый малый», говоритъ Базаровъ Аркадію, — «но онъ человекъ отставной, его пѣсенка спѣта».

При всемъ томъ, предполагая даже наилучшія отношенія между Николаемъ Петровичемъ и Базаровымъ, все-таки они никогда не могли бы служить другъ для друга «дополнительными личностями». Гармоническое отношеніе между ихъ умами и натурами немыслимо. Базаровъ для Кирсанова-отца — слишкомъ большая сила; Николай Петровичъ для Базарова — слишкомъ слабъ и зауряденъ. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы уравновѣсить базаровскую силу

духа. То же самое приходится сказать и объ Аркадіи. Юный другъ Базарова, какъ умъ, характеръ, темпераментъ, — весь въ отца. Уравновѣситъ другъ друга Базаровъ и Аркадій не могутъ. Ихъ отношенія таковы: взаимная симпатія и дружба, восторженное поклоненіе со стороны Аркадія, снисходительное распоряженіе со стороны Базарова, но отсутствіе и невозможность настоящей гармоніи. Аркадій, какъ и его отецъ, слабъ и зауряденъ; Базаровъ слишкомъ силенъ и содержателенъ. Они не могутъ быть другъ для друга настоящей душевной потребностью. Отсюда въ концѣ концовъ взаимное охлажденіе и разрывъ.

Теперь возьмемъ эту самую натуру, этотъ дворянскій типъ, воплощенные въ образахъ Николая Петровича и Аркадія, и, не нарушая основныхъ чертъ, начнемъ понемногу усиливать качества ума и таланта. Николай Петровичъ далеко не глупъ, Аркадій вовсе не ограниченный человѣкъ. Но легко можно представить себѣ человѣка того же дворянскаго типа и той же натуры, только одареннаго выдающимся умомъ — мыслителя, художника, съ несравненно большимъ діалогомъ духа, съ тою душевною чуткостью, которая рѣдко выпадаетъ на долю натурамъ зауряднымъ, наконецъ — съ даромъ творчества, все равно какого — художественнаго, публицистическаго, философскаго, научнаго. Въ результатѣ получится тотъ же «дворянинъ», но только именуемый, напр., Пушкинымъ, Герценомъ, Тургеневымъ и т. д. Мы получимъ большую душевную силу, которая уже не спасуетъ передъ Базаровымъ и можетъ его уравновѣситъ. Между этими двумя силами становится возможнымъ гармоническое соотношеніе, онѣ способны дополнить одна другую. — Вотъ и посмотримъ, какъ Базаровъ дополняетъ Тургенева.

Нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса были приведены выше. Мы видѣли, какъ Тургеневъ любитъ Базарова; мы указали на тѣ черты базаровской натуры, которыхъ не доставало Тургеневу и которыя потому и служили для него «дополненіемъ». Наконецъ, мы отмѣтили общую у нихъ чер-

ту—внутреннюю свободу, присутствіе которой дѣлаетъ личность Базарова особенно симпатичной и дорогой Тургеневу. Но всего этого все еще недостаточно, — попытаемся заглянуть глубже въ эти сложные душевныя отношенія художника къ его созданію.

Сперва прочтемъ слѣдующія строки изъ письма къ Случевскому (1862 г., № 18): «...если читатель не полюбитъ Базарова со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью, — если онъ его не полюбитъ, повторяю я, — я виноватъ, и не достигъ своей цѣли... Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная и честная, и все-таки обреченная на гибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ предверіи будущаго, — мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачовымъ...» — «Базаровъ подавляетъ всѣ остальные лица романа... Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое — тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей... Базаровъ, по-моему, постоянно разбиваетъ Павла Петровича, а не наоборотъ, и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революціонеромъ». — «Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса...» — «Базаровъ въ одномъ мѣстѣ у меня говорилъ (я это выкинулъ для цензуры) Аркадію: твой отецъ честный малый, но будь онъ расперевзяточникъ — ты все-таки дальше благороднаго смиренія или кипѣнія не дошелъ бы, потому что ты дворянинъ» *).

Эти признанія Тургенева для насъ драгоценны, тѣмъ болѣе, что они были сдѣланы, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, очень скоро послѣ появленія «Отцовъ и Дѣтей». Ихъ искренность не можетъ быть заподозрена. Но они тре-

*) Въ письмѣ къ Герцену, отъ 28 апрѣля 1862 г., Тургеневъ говоритъ: „Еще бы онъ (Базаровъ) не подавилъ собою „человѣка съ душистыми усами“ и другихъ! Это торжество демократизма надъ аристократіей... Шутка была бы не важная представить его идеаломъ, а сдѣлать его волкомъ, и все-таки оправдать его, это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ...“ — Тургеневъ отлично зналъ, что „успѣлъ въ этомъ“.

буютъ поясненій. Не нужно забывать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ частнымъ письмомъ, не предназначившимся для печати, да еще обращеннымъ къ молодому (тогда) человѣку, гейдельбергскому студенту. Оно было написано спеціально для разъясненія возникшихъ недоразумѣній по поводу «Отцовъ и Дѣтей», и на всѣ эти недоразумѣнія Тургеневъ отвѣчаетъ по пунктамъ. Оттуда, кромѣ сжатости и краткости, и еще та особенность, что весь вопросъ сводится къ авторскимъ намѣреніямъ и къ разъясненію внутренняго смысла выведенныхъ образовъ. Наша же задача—иная; мы ставимъ себѣ цѣлью прослѣдить внутренній процессъ творчества, въ которомъ всегда, кромѣ преднамѣренности, есть много вдохновенія и наивности. Вспомнимъ здѣсь то мѣсто изъ письма къ Салтыкову, гдѣ Тургеневъ говоритъ, что писалъ Базарова «наивно, словно самъ дивясь тому, что у него выходило, что тутъ былъ какой-то фатумъ, что-то сильнѣе самого автора, что-то независимое отъ него, и никакой тенденціи, никакой предвзятой мысли у него тогда не было». (Цитировано выше, № 217). Между этими признаніями и тѣмъ, что писалъ Тургеневъ Случевскому, въ существѣ нѣтъ противорѣчія. Въ процессѣ творчества элементы сознательнаго и безсознательнаго, наивности и осмысленности, непосредственности и преднамѣренности такъ причудливо перепутываются, такъ чередуются и совмѣщаются, что самъ художникъ часто не въ состояніи разобратся, гдѣ кончается одно, гдѣ начинается другое, когда дѣйствовало вдохновеніе, когда являлась сознательная работа мысли. По счастью, именно въ созданіи Базарова мы имѣемъ возможность, благодаря письмамъ и другимъ даннымъ, съ большимъ вѣроятіемъ опредѣлить относительную долю участія того или другого фактора. «Преднамѣренность», сознательность, очевидно, играли большую роль въ самомъ началѣ, въ первомъ замыслѣ Базарова. Сильное впечатлѣніе, произведенное на Тургенева «молодымъ провинціальнымъ врачомъ», прототипомъ Базарова, вызвало сознательную работу мысли, направленную на апперцепцію натуръ и умовъ этого рода и на уясненіе духа отрицательныхъ идей, смысла

революціонныхъ стремленій. Затѣмъ, вынырнулъ образъ Пугачова. Могли припомниться и другіе. Въ этюдѣ о Базаровѣ («Харьк. Губ. Вѣд.» 1894 г.) я старался показать, что фигура отца рассказчика въ «Первой Любви» (написанный, какъ извѣстно, непосредственно передъ «Отцами и Дѣтьми») и послѣ знакомства Тургенева съ «молодымъ провинціальнымъ врачомъ») была какъ бы подготовкой Базарова: это та же натура, сильная, властная, покоряющая, холодная, умная, недобрая. Это былъ какъ бы этюдъ, набросанный въ виду замысла большой картины. Тургеневу могъ также припоминаться, напр., Инсаровъ, и—предполагаю—напрашивалась мысль создать образъ «русскаго Инсарова» *). Во всемъ этомъ было много сознательной работы мысли. Но затѣмъ должны были выступить на авансцену процессы бессознательные, та «наивность» и тотъ «фатумъ», о которыхъ говорить Тургеневъ въ письмѣ къ Салтыкову. Эту «наивность» и «фатумъ», это бессознательное въ творчествѣ, я свожу къ ритмическому движенію души, къ стремленію создать дополнительную личность и достичь гармоніи. Эти волны душевнаго ритма, поднявшись изъ глубины встревоженной творческимъ вдохновеніемъ души, разметали и унесли и Пугачова, и Инсарова, и героя «Первой Любви»,—и на поверхность вынырнулъ иной образъ, иная мечта. Это были еще неясныя очертанія фигуры «сумрачной, наполовину выросшей изъ почвы», умной, злой, правдивой, честной. И вотъ тутъ-то произошло то, что всегда возникаетъ въ творчествѣ истинныхъ большихъ художниковъ. Назрѣвающій образъ, всплывающая мечта получила очертанія общей идеи, или лучше—обобщеннаго образа, въ которомъ ищетъ воплотиться не что-нибудь случайное, исключительное, индивидуальное, а нѣчто общее, человѣческое, характерное для человѣчества, важное для познанія и пониманія той или

*) Недавно было указано, что образъ Н. А. Добролюбова, котораго Тургеневъ не любилъ, но огромная душевная мощь и высокій умъ котораго не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на него, отчасти долженъ былъ отразиться на замыслѣ Базарова. (А. Н. Пыпинъ, „Н. А. Некрасовъ“, „Вѣстн. Европы“, 1903, ноябрь, стр. 89).

другой стороны духа, каковъ онъ есть или какимъ онъ можетъ быть въ statu quo или въ развитіи.

И вотъ въ отвѣтъ и въ унисонъ съ этимъ расширеніемъ образа расширяется душа самого художника, — онъ самъ становится типомъ, «образомъ обобщающимъ», и въ этомъ видѣ онъ ищетъ себѣ дополненія въ томъ, что создается. Базарова написалъ не индивидуальный, такъ сказать, Ив. Серг. Тургеневъ, а Тургеневъ — типъ и представитель лучшихъ людей дворянства 40 — 60-хъ гг., западникъ, идеалистъ. Когда онъ создавалъ Базарова, онъ чувствовалъ въ себѣ русскаго дворянина добраго стараго времени, онъ сознавалъ свою — дворянскую — общественную и политическую несостоятельность и жаждалъ образа, въ которомъ даны были бы задатки иного призванія; онъ лелѣялъ и облюбовывалъ черты силы, практическаго, дѣловаго ума, черты природы мощной, «наполовину выросшей изъ почвы», «можетъ быть — недоброй». Онъ какъ бы собралъ въ себѣ въ эту минуту всю сумму дворянской мягкости, доброты, эстетики, прекраснодушія, оторванности отъ почвы и т. д., и ощущалъ душевную потребность — увидѣть и полюбить воплощеніе противоположныхъ чертъ — базаровскихъ. Поскольку эти движенія души проникали въ сознаніе, постольку они могли быть переведены терминами письма къ Случевскому; поскольку они оставались безсознательными, — они должны были подсказать то, что писалъ Тургеневъ Салтыкову.

Психическій ритмъ, осуществляющійся въ процессѣ созданія Базарова, былъ очень сложенъ. Тургеневъ, обобщающій въ себѣ множество дворянскихъ натуръ и создающій такимъ путемъ образы Николая Петровича и Аркадія, — это одна волна, и это творчество по преимуществу субъективное — отъ себя. Еще волна — противоположеніе себя этому обобщенію: Кирсановы, отецъ и сынъ, это — одно я, Тургеневъ — типъ, но есть еще другое его я — Тургеневъ — художникъ и мыслитель. Это — какъ бы раздвоеніе личности. Воплотивъ одну половину себя въ Николаѣ Петровичѣ, Тургеневъ другую, своимъ «я» мыслителя и художника, незримо, но ошутительно присутствуетъ въ романѣ для уравнo-

вѣшенія базаровской силы, для гармоническаго сочувствія съ нею. И эта гармонія дѣйствительно осуществляется. На Базарова Тургеневъ въ самомъ дѣлѣ потратилъ свои лучшія краски. Онъ любитъ своимъ «дѣтищемъ». Онъ въ восторгѣ, что «нашелъ» Базарова. «Отцы и Дѣти» — это, можно сказать, романъ Тургенева и Базарова, это повѣсть о томъ, какъ великій объективный художникъ сталъ выше своего типа, класса, эпохи, и съ этой высоты мысли устремилъ очарованный взоръ въ величественный фантомъ, вдругъ выросшій передъ нимъ.

Базаровъ — это въ нѣкоторомъ родѣ фантомъ, видѣніе художника. Это не типъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. И въ самомъ дѣлѣ.

Смотрѣть на Базарова, какъ на типъ нашихъ «нигилистовъ» или «мыслящихъ реалистовъ» 60-хъ гг. — нѣтъ никакой возможности. Къ этому «движенію», въ сущности безобидному, Базаровъ примыкаетъ чисто внѣшнимъ образомъ. Отрицаніе искусства, глумленіе надъ Пушкинымъ, культъ естественныхъ наукъ, матеріалистическое міровоззрѣніе — все это только «механически» связываетъ Базарова съ извѣстными кругами молодежи того времени. Но, вѣдь, Базаровъ интересенъ и такъ значителенъ вовсе не этими «взглядами», не «направленіемъ», а внутренней содержательностью и сложностью натуры, въ самомъ дѣлѣ «сумрачной», «наполовину выросшей изъ почвы», огромной силою духа, наконецъ — при демократизмѣ «до конца ногтей» — такой независимостью мысли и такими задатками внутренней свободы, какихъ дай Богъ настоящему философу. Это ли тѣ черты, которыя могутъ быть названы типичными для молодежи 60-хъ годовъ, Писаревскаго направленія? Въ письмѣ къ Случевскому, Тургеневъ говоритъ, что, вмѣсто «нигилиста», нужно читать «революціонеръ». Примемъ такое «чтеніе» и постараемся понять Базарова — какъ типъ уже не «нигилиста» 60-хъ г., а «революціонера». Если даже будемъ имѣть въ виду не только русскихъ революціонеровъ 60-хъ и послѣдующихъ годовъ, но и западно-европейскихъ, то и въ такомъ случаѣ типичность Базарова будетъ очень сомнительною.

Его натура, правда, въ основѣ своей, представляется «революціонной», но съ тѣмъ вмѣстѣ въ немъ слишкомъ много внутренней свободы и скептицизма, чтобы онъ могъ быть признанъ истиннымъ, типичнымъ представителемъ революціоннаго духа и умонастроенія. Настоящіе революціонеры большею частью фанатики, т.-е. люди внутренне-несвободные. Революціонеру не подобаетъ также быть скептикомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, онъ — вѣрующій и исповѣдующій. Гдѣ же у Базарова признаки фанатизма, вѣры, слѣпой преданности идеѣ? Если онъ и говоритъ Аркадію: «вы, напримѣръ, не деретесь — и ужъ воображаете себя молодцами, — а мы драться хотимъ... намъ другихъ ломать надо» и т. д. (гл. XXVI), то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что натура Базарова, какъ сказано выше, въ основѣ своей, революціонная, буйная, склонная къ насилію, къ активному протесту. Но это только задатки, и отъ нихъ еще далеко до настоящаго революціоннаго уклада мысли и чувства. Не всякій желающій драться и «ломать» другихъ, eo ipso есть революціонеръ, — къ этимъ задаткамъ нужно еще присоединить вѣру въ людей, въ свое дѣло, слѣпую преданность идеѣ. Эта «прибавка» такъ важна, что исторія являетъ намъ нерѣдкіе примѣры революціонныхъ дѣятелей, которые были таковыми только въ силу этой вѣры и преданности, а вовсе не по натурѣ, часто мягкой и пассивной. — Далѣе, у Базарова нѣтъ и того духа пропаганды и прозелитизма, который такъ свойственъ заправскимъ революціонерамъ. Развивая свои взгляды Одинцовой, онъ «говорилъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто въ то же время думалъ про себя: вѣрь мнѣ или не вѣрь, это мнѣ все едино» (XVI). Въ бесѣдахъ съ Аркадіемъ онъ скорѣе напоминаетъ философа-матеріалиста, бесѣдующаго съ ученикомъ своимъ, чѣмъ пропагандиста, вербующаго себѣ адепта.

Но что особенно характерно для Базарова и въ то же время является признакомъ рѣзкаго отличія его внутренняго міра отъ натуръ и умовъ заправски-революціонныхъ, это та вѣчная неудовлетворенность и невозможность найти удовлетвореніе, то отсутствіе равновѣсія духа, которыя съ особли-

вой наглядностью сказались въ слѣдующей тирадѣ: «я думаю,—говорить онъ Аркадію,—хорошо моимъ родителямъ жить на свѣтѣ! Отецъ въ 60 лѣтъ хлопочеть, толкуеть о «палліативныхъ» средствахъ, лѣчитъ людей, великодушничаетъ съ крестьянами,—кутитъ, однимъ словомъ; и матери моей хорошо: день ея до того напичканъ всякими заботами, охами и ахами, что ей и опомниться некогда; а я... А я думаю: я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что за безобразіе! Что за пустяки!.. Я хотѣлъ сказать, что они вотъ, мои родители, то-есть, заняты и не беспокоятся о собственномъ ничтожествѣ, оно имъ не смердитъ... а я... я чувствую только скуку да злость» (XXI).

Вотъ именно то, что Базаровъ говоритъ здѣсь о своихъ родителяхъ, можетъ быть, *mutatis mutandis*, съ большимъ правомъ сказано о революціонерахъ: они заняты и не беспокоятся о собственномъ «ничтожествѣ». И въ самомъ дѣлѣ. Простые и смиренные люди, въ родѣ родителей Базарова,—тѣ скорѣе въ минуту, напр., горя, могутъ почувствовать свое ничтожество. Революціонеръ преисполненъ сознаниемъ своей миссіи, иллюзіей великаго, историческаго дѣла, которому онъ призванъ служить, и скорѣе склоненъ преувеличивать свою значительность, свою цѣнность—общественную, національную, международную,—чѣмъ чувствовать свое ничтожество. Въ смыслѣ психологическомъ, нѣтъ людей болѣе занятыхъ, какъ именно революціонеры; и нѣтъ людей болѣе уравновѣшенныхъ, болѣе ясныхъ, всѣ вопросы разрѣшившихъ, чуждыхъ скептицизма, колебанія, сомнѣній. Тѣ мысли о безконечности, вѣчности, о ничтожествѣ человѣка, которымъ такъ доступенъ Базаровъ, имъ и въ голову не приходятъ. Это люди жизни, текущаго историческаго момента, интересами и иллюзіями котораго переполнена ихъ душа,—

имъ некогда философствовать о суетѣ суетъ, и человѣческое ничтожество «имъ не смердить».

Одного этого ужъ достаточно для заключенія, что Базаровъ не есть представитель революціоннаго типа.

Д. Овсяннико-Куликовскій.

б) *Базаровъ со стороны нравственности, ума и дѣла.*

*) О нравственномъ характерѣ и нравственныхъ качествахъ Базарова говорить нечего: это не человѣкъ, а какое-то ужасное существо, просто дьяволъ, или, выражаясь болѣе поэтически, асмодей. Онъ систематически ненавидитъ и преслѣдуетъ все, начиная отъ своихъ добрыхъ родителей, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, и оканчивая лягушками, которыхъ онъ рѣжетъ съ беспощадною жестокостью. Никогда ни одно чувство не закрадывалось въ его холодное сердце; не видно въ немъ и слѣда какого-нибудь увлеченія или страсти; самую ненависть онъ отпускаетъ разсчитанно, по гранямъ. И замѣтите: этотъ герой — молодой человѣкъ, юноша! Онъ представляется какимъ-то ядовитымъ существомъ, которое отравляетъ все, къ чему не прикоснется; у него есть другъ, но и его онъ презираетъ и къ нему онъ не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія; есть у него послѣдователи, но и ихъ онъ также ненавидитъ. Всѣхъ вообще подчиняющихся его вліянію онъ учитъ безнравственности и безсмыслию; ихъ благородные инстинкты и возвышенныя чувства онъ убиваетъ своей презрительной насмѣшкой, и ею же онъ удерживаетъ ихъ отъ всякаго добраго дѣла. Женщина, добрая и возвышенная по натурѣ, сначала увлекается имъ; но потомъ, узнавъ его ближе, съ ужасомъ и омерзѣніемъ отъ него отворачивается, отплевывается и «обтирается» платкомъ.

М. Антоновичъ.

* * *

**) Для подобныхъ людей не безнравственное — безнравственно, а только впечатлѣніе презрительнаго и жалкаго. Норма ихъ нравственности не опредѣляетъ качество по-

*) М. Антоновичъ. „Современникъ“ 1862 г., № 3.

**) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5. (Изъ статьи М. Каткова)?

ступка; она опредѣляетъ только его размѣры и относительное значеніе. Каковъ бы ни былъ источникъ поступка и каковъ бы ни былъ его предметъ, они спрашиваютъ только, какими они окажутся въ немъ, большими или малыми, будетъ ли то въ глазахъ другихъ или въ своихъ собственныхъ. Тотъ же самый поступокъ при одинаковой комбинаціи своихъ факторовъ будетъ, по этой нормѣ, казаться и безчестнымъ и честнымъ, смотря по тому, какой будетъ онъ имѣть видъ, мелкій или крупный, какое онъ будетъ производить впечатлѣніе—презрительной мелочи или уважительнаго событія,—водевильнаго фарса или эпической рапсодіи.

«Русскій Вѣстникъ», 1862 г.

* * *

*) Базаровъ не есть существо ненавистное, отталкивающее своими недостатками; напротивъ, его мрачная фигура величава и привлекательна... Онъ овладѣваетъ вниманіемъ и сочувствіемъ читателя не потому, что каждое слово его свято и каждое дѣйствіе справедливо, но именно потому, что въ сущности всѣ эти слова и дѣйствія вытекаютъ изъ живой души. Повидимому, Базаровъ — человекъ гордый, страшно самолюбивый и оскорбляющій другихъ своимъ самолюбіемъ; но читатель примиряется съ этой гордостью, потому что въ то же время въ Базаровѣ нѣтъ никакого самодовольства, самоуслажденія; гордость не приноситъ ему никакого счастья. Базаровъ пренебрежительно и сухо обходится съ своими родителями; но никто ни въ какомъ случаѣ не заподозритъ его въ услажденіи чувствомъ своей власти надъ ними; еще менѣе возможно упрекнуть въ злоупотребленіи этимъ превосходствомъ и этой властью. Онъ просто отказывается отъ нѣжныхъ отношеній къ родителямъ, да и отказывается не вполнѣ. Выходитъ что-то странное: онъ не разговорчивъ съ отцомъ, подсмѣивается надъ нимъ, рѣзко уличаетъ его либо въ невѣжествѣ, либо въ нѣжничаньи; а, между тѣмъ, отецъ не только не оскорбляется, а радъ и доволенъ.

Н. Страховъ.

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

* * *

*) Базаровъ человѣкъ съ толкомъ, мысль его остана-
вливалась на всякихъ вопросахъ, и останавливалась да-
леко небезплодно; ему, безъ всякаго сомнѣнія, приходилось
размышлять и о естественныхъ предѣлахъ человѣческой
свободы, въ томъ числѣ и о своей собственной, и о спо-
собности человѣка къ сознательному и добровольному
самосовершенствованію. Ни изъ чего не видно, чтобы
мысли его объ этихъ предметахъ были исполнены такой
злудѣйской мрачности и фальши, чтобы онъ считалъ для
себя безразличнымъ всякій родъ дѣйствій, честный или
уголовный, какъ угодно думать г. Писареву. Напротивъ,
есть полное основаніе думать, что, при встрѣчѣ съ такимъ
образомъ мыслей, Базаровъ былъ бы способенъ показать себя
человѣкомъ неумолимой строгости, и что, въ борьбѣ со
зломъ, при нѣкоторой долѣ вліянія и власти, онъ показалъ
бы себя террористомъ... Въ Базаровѣ чувствуется чело-
вѣкъ, который въ высшей степени отличается нетерпи-
мостью вообще къ безразличному или неопредѣленному об-
разу мыслей, въ комъ бы то ни было, и который въ осо-
бенности гнушается всякаго безразличія между своимъ соб-
ственнымъ образомъ мыслей и своимъ поведеніемъ, между
своимъ убѣжденіемъ и своимъ словомъ, или между своимъ
словомъ и своимъ дѣломъ... Стремленія Базарова напра-
влены къ добру и правдѣ, т. е. къ такимъ предметамъ,
на сторонѣ которыхъ стояли всѣ благодѣтельные гении, о
которыхъ упоминается въ сказкахъ, и всѣ истинные по-
борники человѣчества, о какихъ только упоминается въ
исторіи; а такъ какъ никто не отвергаетъ въ Базаровѣ
присутствія силы, то мы должны еще добавить, что стре-
мленія его къ означенной цѣли направлены самымъ рѣши-
тельнымъ образомъ. Въ настоящемъ Базаровѣ нѣтъ и тѣни
ничего искусственнаго; ему, безъ сомнѣнія, и на умъ не
приходило, чтобы онъ переживалъ какую-нибудь шутовскую
болѣзнь своего времени. Онъ былъ боленъ — это фактъ:
чрезмѣрная раздражительность, крайнѣйшая нетерпимость

*) „Библиотека для Чтенія“ 1862 г., № 5.

ко всякому мнѣнію, не подходящему къ его образу мыслей, несправедливость къ чужимъ характерамъ, какое-то особое умѣніе всякій споръ свести на ссору, почти постоянная непримиримость даже съ самимъ собою—все это, конечно, болѣзни; но Базаровъ знакомъ съ ними съ такого давняго времени, что потерялъ память объ нихъ, и считаетъ себя человѣкомъ цвѣтущаго здоровья. Онъ до такой степени убѣжденъ въ исправности своего здоровья и въ совершенствѣ своего здравомыслія, что всѣхъ другихъ людей считаетъ больными или полоумными. По его мнѣнію, онъ даже навѣрное знаетъ, что они больны и полоумны.

«Библиотека для Чтенія» 1862 г.

* * *

*) Въ нелюбви къ стихамъ и незнаніи толка въ искусствѣ Базаровъ рѣшительно сходится какъ съ Инсаровымъ, такъ и съ Еленой. Ясно, что они сходятся въ этомъ, какъ люди дѣла, люди, въ которыхъ окончательно простылъ слѣдъ долговременнаго нашего *рудинствованія*, нашей долговременной призрачной жизни въ *дѣланномъ* мірѣ, рѣшительно внѣ предѣловъ міра дѣйствительнаго. Совершенно уже далекій отъ рудинства, Базаровъ—отъявленный врагъ всякой *фразы*, всякихъ лишнихъ затѣй и непрочныхъ предположеній. Вспомните его отвѣтъ на вопросъ Одинцовой: къ чему онъ себя готовитъ? — «Я уже говорилъ вамъ: я будущій уѣздный лѣкаръ». — «Вы, съ вашимъ самолюбіемъ»? — «Что за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью не отъ насъ зависитъ? Выйдетъ, случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно; а не выйдетъ—по крайней мѣрѣ, тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не болталъ». При такомъ направленіи Базаровъ не можетъ придавать никакой цѣны и всѣмъ громкимъ словамъ, щедро расточаемымъ передъ нимъ расходившимся Павломъ Петровичемъ. — «Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы—подумаешь, сколько иностранныхъ и бесполезныхъ словъ? Русскому человѣку они даромъ не нужны».

О. Миллеръ.

*) О. Миллеръ. „Веседа“ 1871 г., № 12. Также „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.

*) Тургеневъ высоко поставилъ Базарова надъ Ситниковымъ, Кукшиною, въ лицѣ которыхъ онъ изобразилъ грязные подонки стараго времени, вынесшіе изъ новыхъ идей только новый способъ времяпрепровожденія. Онъ возвысилъ Базарова и надъ другомъ его, прекраснодушнымъ Аркадіемъ, этимъ тщедушнымъ недоноскомъ прогресса. Въ лицѣ Базарова г. Тургеневъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе представить типъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія. Онъ надѣлилъ его многими такими симпатичными чертами, вслѣдствіе которыхъ критика въ началѣ 60 годовъ имѣла основаніе видѣть въ Базаровѣ типъ лучшихъ молодыхъ людей нашего времени. Происходя изъ плебейскаго рода, Базаровъ вынесъ отъ своихъ предковъ ту жилку усидчиваго трудолюбія, тотъ физическій и нравственный закалъ, которые такъ рѣзко отличаютъ его отъ мягкосердечныхъ, дряблыхъ, лѣнивыхъ и жиденькихъ натурашекъ кирсановской атмосферы. Жизнь, полная труда и борьбы изъ-за-куска хлѣба, изъ-за желанія пробиться собственною энергіею безъ всякой посторонней помощи, заставила пройти его сквозь огонь и воду, и еще болѣе закалила его. Вы видите передъ собою человѣка, который не ограничивается одними фразами о пользѣ труда, а самъ трудится безъ устали. Едва пріѣхалъ онъ къ Кирсановымъ, и на другое утро принялся за свои ислѣдованія... Это не фразеръ, а труженикъ, это не шарлатанъ, скрывающій подъ маскою грошеваго отрицанія отсутствіе всякихъ положительныхъ знаній, а человѣкъ, при всей своей молодости, успѣвшій заpastись солидными свѣдѣніями. Такіе люди не говорятъ съ чужого голоса звонкихъ фразъ, значеніе которыхъ сами плохо понимаютъ, а высказываютъ то, что сознаютъ, до чего додумались они путемъ жизненнаго и научнаго опыта. И вдругъ этотъ солидный, энергическій труженикъ, человѣкъ работающій и знающій, раздражается рядомъ нелѣпыхъ фразъ, въ которыхъ замѣчается полное отсутствіе всякой логики и всякаго знанія. Очевидно, что въ словахъ луч-

*) А. Скабичевскій. „Отечественныя Записки“ 1868 г., № 9.

шаго работающаго представителя молодого поколѣнія г. Тургеневъ имѣлъ намѣреніе представить новое міросозерцаніе не въ искаженномъ, а въ чистомъ видѣ его, съ цѣлію показать, какъ это міросозерцаніе губительно вліяетъ на лучшихъ представителей его.

А. Скабичевскій.

* * *

*) Нашъ герой не только не врагъ фразы, не только не врагъ аффектаціи и фальши, но напротивъ — онъ самъ фраза, самъ аффектація и фальшь. Онъ не терпитъ извѣстный родъ фразы, потому что самъ преданъ другому роду. Онъ преслѣдуетъ не фразу, а только тотъ родъ или тотъ видъ ея, который ему не понутру и который противоположенъ его собственному роду. Онъ не любитъ, на примѣръ, «красивую» фразу. «О, другъ мой, Аркадій Николаевичъ, — говоритъ онъ своему юношѣ-поклоннику, — объ одномъ прошу, не говори такъ красиво!» Онъ побиваетъ красивую фразу, а самъ красуется своею шереховатостью и жестокостью; щеголяетъ своимъ умственнымъ аскетизмомъ, фразерствуетъ своею ненавистью къ фразѣ, рисуется въ своихъ притязаніяхъ на простоту мысли и дѣла... Однако, въ немъ есть нѣчто такое, чего въ другихъ нѣтъ. Въ немъ есть нѣчто такое, что пустотѣ придаетъ нѣкоторую силу, что лжи придаетъ нѣкоторую искренность, что фразѣ сообщаетъ до нѣкоторой степени характеръ дѣйствительной жизни и истиннаго чувства. Въ Базаровѣ нигилизмъ не есть простодушная наивность; онъ не есть въ немъ и пошлая вычура. Въ немъ есть одно довольно искреннее чувство, которое болѣе или менѣе примѣшивается ко всему, и всему болѣе или менѣе даетъ печать чего-то серьезнаго и какъ бы дѣльнаго. Этотъ элементъ, котораго нѣтъ у учениковъ и который есть у учителя, — этотъ элементъ есть довольно искреннее и неподдѣльное чувство озлобленія, которое въ немъ проглядываетъ. Его научныя изслѣдованія — фраза; его общія воззрѣнія, его толки

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5. (Статья М. Каткова?).

объ искусствѣ, о знаніи, о людяхъ, объ общественныхъ учрежденіяхъ, о всеобщей несостоятельности, о необходимости повальной ломки, о непризнаваніи авторитетовъ, объ отрицаніи всѣхъ началъ жизни и мысли,—все это совершеннѣйшее праздномысліе и пустословіе. Такъ; но ко всему этому примѣшивается маленькая капля истиннаго яда, дѣйствительной злобы, и вотъ все это смѣшеніе принимаетъ болѣе или менѣе серьезное значеніе и внушаетъ респектъ окружающимъ. Отъ фразы спасаетъ Базарова единственно только эта доза натурального яда, которая сообщаетъ жизненный румянецъ его мысли. Въ ней источникъ его умственной энергіи, въ ней его вдохновеніе, въ ней его сила, ею отличается онъ отъ своихъ поклонниковъ, которые въ своей умственной организаціи не имѣютъ никакого серьезнаго элемента.

«Русскій Вѣстникъ» 1862 г.

в) *Базаровъ какъ нигилистъ и циникъ.*

*) Базаровскій нигилизмъ—вовсе «не отрицаніе ради отрицанія», или отрицаніе, какъ онъ выразился, «въ силу ощущеній», въ силу того, что это пріятно, или «что наше дѣло расчищать, а тамъ пусть строятъ другіе». Нѣтъ, онъ отрицаетъ только то, въ чемъ не видитъ пользы, и не думаетъ оставлять послѣ ломки пустоту, а совѣтуетъ замѣстить ее чѣмъ удобнѣе, что сподручнѣе. Именно въ этомъ и заключается, къ сожалѣнію, малозамѣченная и малооцѣненная особенность базаровскаго нигилизма, что онъ не отрицаетъ во имя какой-нибудь предвзятой идеи, не думаетъ ломать, чтобы возвести на прежнемъ мѣстѣ какое-нибудь на досугъ придуманное зданіе. Отъ этого базаровскій нигилизмъ вовсе не грѣшитъ тѣмъ, въ чемъ упрекали потомъ его послѣдователей; онъ не ломаетъ ради ломки, не работаетъ для какого-то выдуманнаго и недостижимаго идеала. Базаровскому нигилизму справедливѣе было бы дать иное, въ послѣдствіи по-

*) М. Авдѣевъ. „Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы“.

явившееся и—какъ это ни странно—совершенно противоположное ему названіе: названіе позитивизма, ученія положительности, а не отрицанія.

М. Авдѣевъ.

*
* * *

*) Не будучи бариномъ, Базаровъ терпѣть не могъ ничего существующаго только *для вида*, не приносящаго прямой пользы, и этимъ онъ опять бралъ во мнѣніи простыхъ людей. «Важно то, что дважды два—четыре, а остальное все пустяки», говоритъ онъ. «И природа пустяки?» спрашиваетъ съ удивленіемъ Аркадій.—«И природа пустяки въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь». (Аркадій при этомъ залюбовался картиной вечера). «*Природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ*». Понятно, что отвергая подобнымъ образомъ художественное начало въ природѣ, Базаровъ тѣмъ болѣе долженъ былъ отвергать искусство, въ томъ числѣ и поэзію. Понятно, что ему, а подъ вліяніемъ его и Аркадію, должно было казаться дикимъ, какъ это Николай Петровичъ перечитываетъ, Богъ вѣсть въ которой разъ, Пушкина, и что подъ вліяніемъ своего пріятели Аркадій, взамѣнъ такого чтенія, могъ подсунуть отцу—на первый разъ Бюхнера.

О. Миллеръ.

* * *

*) Глубокій аскетизмъ проникаетъ всю личность Базарова; это черта не случайная, а существенно необходимая. Характеръ этого аскетизма совершенно особенный, и въ этомъ отношеніи должно строго держаться настоящей точки зрѣнія, т. е. той самой, съ которой смотритъ Тургеневъ. Базаровъ отрекается отъ благъ этого міра, но онъ дѣлаетъ между этими благами строгое различіе. Онъ охотно ѣстъ

*) О. Миллеръ. „Бесѣда“ 1871 г., № 15. Также „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.

**) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

вкусные обѣды и пьеть шампанское; онъ не прочь даже поиграть въ карты. Г. Антоновичъ въ «Современникѣ» видитъ здѣсь тоже *коварный умыселъ* Тургенева, и увѣряетъ насъ, что поэтъ выставилъ своего героя *обжорой, пьянчужкой и картежникомъ*. Дѣло однакоже имѣетъ совсѣмъ не такой видъ, въ какомъ оно кажется цѣломудрію г. Антоновича. Базаровъ понимаетъ, что простыя или чисто тѣлесныя удовольствія гораздо законнѣе и простибельнѣе наслажденій иного рода. Базаровъ понимаетъ, что есть соблазны болѣе губительныя, болѣе растлѣвающіе душу, чѣмъ, на примѣръ, бутылка вина,—и онъ бережется не того, что можетъ погубить тѣло, а того, что погубляетъ душу. Наслажденіе тщеславіемъ, джентльменствомъ, мысленный и сердечный развратъ всякаго рода—для него гораздо противнѣе и ненавистнѣе, чѣмъ ягоды со сливками или пулька въ преферансѣ. Вотъ отъ какихъ соблазновъ онъ бережетъ себя; вотъ тотъ высшій аскетизмъ, которому преданъ Базаровъ. За чувственными удовольствіями онъ не гоняется: онъ наслаждается ими только при случаѣ; онъ такъ глубоко занятъ своими мыслями, что для него никогда не можетъ быть затрудненія отказаться отъ этихъ удовольствій; однимъ словомъ, онъ потому предается этимъ пустымъ удовольствіямъ, что онъ всегда выше ихъ, что они никогда не могутъ завладѣть имъ. Зато тѣмъ упорнѣе и суровѣе онъ отказывается отъ такихъ наслажденій, которыя могли бы стать выше его и завладѣть его душою. Вотъ откуда объясняется и то болѣе разительное обстоятельство, что Базаровъ отрицаетъ эстетическія наслажденія, что онъ не хочетъ любоваться природою и не признаетъ искусства. Обоихъ нашихъ критиковъ (Антоновича и Писарева) это отрицаніе искусства привело въ великое недоумѣніе...

Базаровъ смотритъ на вещи не такъ, какъ г. Писаревъ. Г. Писаревъ, новидимому, признаетъ искусство, а на самомъ дѣлѣ онъ его отвергаетъ, т. е. не признаетъ за нимъ настоящаго значенія. Базаровъ прямо отрицаетъ искусство, но отрицаетъ его потому, что глубже понимаетъ его. Очевидно, музыка для Базарова не есть чисто-физическое занятіе, и

читать Пушкина не все равно, что пить водку. Въ этомъ отношеніи герой Тургенева несравненно выше своихъ послѣдователей. Въ мелодіи Шуберта и въ стихахъ Пушкина онъ ясно слышитъ враждебное начало; онъ чувствуетъ ихъ все-увлекающую силу, и потому вооружается противъ нихъ. Въ чемъ же состоитъ эта сила искусства, враждебная Базарову? Выражаясь какъ можно проще, можно сказать, что искусство есть нѣчто слишкомъ *сладкое*, тогда какъ Базаровъ никакихъ сладостей не любитъ, а предпочитаетъ имъ горькое. Выражаясь точнѣе, но нѣсколько старымъ языкомъ, можно сказать, что искусство всегда носитъ въ себѣ элементъ *примиренія*, тогда какъ Базаровъ вовсе не желаетъ примиряться съ жизнью. Искусство есть идеализмъ, созерцаніе, отрѣшеніе отъ жизни и поклоненіе идеаламъ; Базаровъ же реалистъ, не созерцатель, а дѣятель, признающій одни дѣйствительныя явленія и отрицающій идеалы... Восторгъ—вотъ зло, противъ котораго идетъ Базаровъ и котораго онъ не имѣетъ причины опасаться отъ рюмки водки. Искусство имѣетъ притязаніе и силу становиться гораздо выше *приятнаго раздраженія зрительныхъ и слыхательныхъ нервовъ*; вотъ этого-то притязанія и этой власти не признаетъ законными Базаровъ. Базаровъ въ этомъ случаѣ представляетъ живое воплощеніе одной изъ сторонъ русскаго духа. Мы вообще мало расположены къ изящному; мы для этого слишкомъ трезвы, слишкомъ практичны. Сплошь и рядомъ можно найти между нами людей, для которыхъ стихи и музыка кажутся чѣмъ-то или приторнымъ или ребячествомъ. Восторженность и высокопарность намъ не понутру; мы больше любимъ простоту, ѣдкій юморъ, насмѣшку. А на этотъ счетъ, какъ видно изъ романа, Базаровъ самъ великій художникъ...»

Что же касается отрицанія Базаровымъ науки, то по поводу этого критикъ «Времени» говоритъ: «На этотъ разъ критики раздѣлились. Г. Писаревъ вполнѣ понимаетъ и одобряетъ это отрицаніе; г. Антоновичъ принимаетъ его за клевету, взведенную Тургеневымъ на молодое поколѣніе.

«Курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, прослушанный Базаровымъ,—говоритъ г. Писаревъ,—развилъ его

природный умъ и отучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія; онъ сдѣлался чистымъ эмпирикомъ; опытъ сдѣлался для него единственнымъ источникомъ познания, личное ощущеніе — единственнымъ и послѣднимъ убѣдительнымъ доказательствомъ. *Я придерживаюсь отрицательнаго направленія*—говоритъ онъ—*въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и basta! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія—это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу*. «Итакъ—заключаетъ критикъ — ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя Базаровъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого (теоретическаго) принципа». Что касается до г. Антоновича, то такое умственное настроеніе Базарова онъ считаетъ чѣмъ-то весьма нелѣпымъ и позорнымъ. Весьма жаль только, что какъ онъ ни усиливается, онъ никакъ не можетъ показать, въ чемъ же состоитъ эта нелѣпость...

Вражда противъ науки есть также современная черта, и даже болѣе глубокая и болѣе распространенная, чѣмъ вражда противъ искусства. Подъ наукою мы разумѣемъ именно то, что разумѣется подъ наукою вообще и что, по мнѣнію нашего героя, не существуетъ вовсе. Наука для насъ не существуетъ, какъ скоро мы признаемъ, что она не имѣетъ никакихъ общихъ требованій, никакихъ общихъ методовъ и общихъ законовъ, что каждое знаніе существуетъ само по себѣ. Такое отрицаніе отвлеченности, такое стремленіе къ конкретности въ самой области отвлеченія, въ области знанія составляетъ одно изъ вѣяній новаго духа».

Н. Страховъ.

По поводу базаровскаго нигилизма О. Миллеръ говоритъ:*) Развѣ какой-нибудь городничій или Иванъ Никифоровичъ, даже по свидѣтельству духовныхъ лицъ, не самыя примѣрные христіане, строжайшимъ образомъ соблюдающіе всѣ наружныя требованія вѣры и даже неукоснительно подающіе и въ церквахъ и на улицахъ милостыню? Развѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, по свидѣтельству самого губернатора, не самый *благонамѣренный* человѣкъ, съ жаромъ и краснорѣчіемъ ратующій за нравственность, правду и благо отечества (въ наше время, конечно, онъ стоялъ бы, во имя цивилизаціи, за «священныя права собственности»), возставалъ бы противъ варварства, оживающаго въ видѣ «соціального бреда» и т. п.). Но кто же не знаетъ, что подо всей этой благонамѣренностью, подо всѣмъ этимъ благочестіемъ скрывалось у почтеннѣйшихъ гоголевскихъ сановниковъ рѣшительное отсутствіе всякихъ, на самомъ дѣлѣ, руководящихъ высшихъ началъ, кромѣ одного грубѣйшаго, чисто животнаго начала своекорыстія, — скрывалось только голое грязное *я* и, кромѣ его, — рѣшительно *ничего*. Да, если глубже вдуматься въ знаменитые гоголевскіе типы, то основнымъ ихъ началомъ окажется не что иное, какъ нашъ издавній *практическій*, только ловко замаскированный *нигилизмъ*.

Какъ, неужели это явленіе существовало и до собственно такъ называемыхъ теперешнихъ «нигилистовъ?» Да, хотя съ этимъ, конечно, не захотятъ согласиться тѣ, что такъ усердно нападаютъ на этихъ послѣднихъ, вовсе не чуя ни въ людяхъ своей среды ни въ самихъ себѣ прямыхъ наслѣдниковъ нашего издавнаго *практическаго нигилизма*. А между тѣмъ, вѣдь, и самое слово *нигилистъ* было употреблено у насъ еще до г. Тургенева, а именно, въ тридцатыхъ годахъ, въ «Телескопѣ»; гдѣ подъ заглавіемъ: «Сонмище нигилистовъ» покойный Надеждинъ помѣстилъ статью, въ которой обрисованы люди, не признающіе никакихъ руко-

*) О. Миллеръ. „Бесѣда“ 1871 г., № 12. Также „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.
„Отцы и Дѣти“.

дящихъ началъ въ искусствѣ и литературѣ. Если же мы обратимся на Западъ, то тамъ *нигилизмъ* и *нигилисты* упоминались еще въ XII в. Названія эти усвоены были за ересью Петра Ломбардскаго, который утверждалъ, «*que Jésus Christ en tant pu' homme — n'est point quelque chose, ou, ce qui revient au même — n'est rien (nihil)*» *). Ясно, что съ этими старыми западно-европейскими нигилистами, какъ у нашихъ издавнихъ практическихъ, такъ и у теперешнихъ теоретическихъ нигилистовъ—общаго всего одно имя, и я привелъ это свѣдѣніе собственно для того, чтобы показать, что имя это не только не явилось впервые у г. Тургенева, но даже не впервые явилось и у насъ вообще. Откуда же взялъ это слово нашъ сочинитель (а раньше его Надеждинъ), остается мнѣ неизвѣстнымъ. Вычитано ли оно гдѣ-нибудь нашими изобразителями того и другого нигилизма, или же оно употреблялось и самыми изображенными и только у нихъ подслушано—остается вопросомъ. Но, хотя, какъ видно, названіе *нигилистъ* и не новость, въ ходъ оно у насъ пошло лишь съ тѣхъ поръ, какъ было употреблено г. Тургеновымъ, вовсе однако не думавшимъ наложить этимъ словомъ клеймо на цѣлое направленіе. Оно было сочтено за клеймо лишь другими, прежде всего, можетъ быть, редакціею того журнала, въ которомъ появились «Отцы и Дѣти»; но нашему сочинителю, конечно, тогда и не снилось, какое *милое* направленіе приметъ со временемъ эта редакція, какъ благородно она сумѣетъ воспользоваться и тургеновскимъ типомъ и самую его кличкою. У нашего сочинителя, какъ извѣстно, Аркадій думаетъ лишь превознести своего товарища, говоря про него: «Хотите, я вамъ скажу, что онъ такое? Онъ нигилистъ». На соображеніе же Николая Петровича: «Это отъ латинскаго *nihil*, ничего... Стало-быть, это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ», и на поправку Павла Петровича: «Скажи, который ничего не уважаетъ», Аркадій отвѣчаетъ такимъ толкованіемъ: «который ко всему относится съ критиче-

*) Crevier. Histoire de l'université de Paris, 1761 t. I. p. 205

ской точки зрѣнія»... По собственному своему сознанию, нигилисты критически отнеслись ко всему и къ самымъ завѣтнымъ, неприкосновеннымъ преданіямъ, а въ силу этихъ критическихъ отношеній они обличили всю лживость тѣхъ, кто подъ лицемѣрною вѣрою въ нихъ таитъ лишь заботу о самомъ себѣ, такъ что и самая религіозность тутъ обращается въ какое-то заискиванье у Бога. Глубоко возненавидѣвъ всякую фальшь и всякое лицемѣрие, нигилисты съ отвращеніемъ отбросили всѣ эти обманчивые покровы изъ мнимыхъ вѣрованій, и открыто и честно выставили своекорыстіе, какъ главный рычагъ человѣка.

О. Миллеръ.

* *

*) Базаровъ, какъ существо не законченное и отчасти искалѣченное, отвергаетъ семью; какъ существо, настрадавшееся въ бурсѣ, отвергаетъ общину, но зато онъ отвергаетъ и авторитеты и считаетъ нелѣпой всякую вѣру на слово.

Что касается базаровскаго цинизма, то Писаревъ не находитъ въ немъ рѣшительно ничего дурного и оскорбительнаго для человѣческаго достоинства и несомѣстнаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ.

На балѣ у губернатора Базаровъ, увидѣвъ Одинцову, сказалъ Аркадію: *«Кто бы она ни была, просто ли губернская львица или «эманципе», въ родъ Кукушиной, только у нея такія плечи, какихъ я не видывалъ давно. Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова.»*

Разбирая этотъ цинизмъ Базарова, Писаревъ, между прочимъ, говоритъ **): «Что молодой человѣкъ неравнодушенъ къ красотѣ молодой женщины,—въ этомъ, кажется, самый строгій моралистъ и самый восторженный поэтъ, каждый съ своей точки зрѣнія, не найдутъ ровно ничего предосудительнаго... Ужъ на томъ свѣтѣ стоитъ, что молодые люди нравятся другъ другу, и что любовь начинается пре-

*) „Библиотека для Чтенія“ 1862 г., № 5.

**) Сочиненія Д. И. Писарева.

имущественно съ того пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ привлекательная наружность. Когда человѣкъ почувствовалъ это пріятное впечатлѣніе, то почему же его и не высказать третьему лицу, которому это сообщеніе насколько не можетъ быть оскорбительно?... Молодому человѣку позволяется говорить о красотѣ женщины, даже о ея бюстѣ, даже о ея роскошныхъ формахъ, но при этомъ онъ, во-первыхъ, долженъ выражаться отборными словами, спеціально обточенными для подобныхъ живописаній; а во-вторыхъ, онъ долженъ, во время такого разговора, млѣть и благоговѣть, прищуривать глаза и изображать на своихъ губахъ блаженную улыбку небснаго созерцанія. Тогда никому и въ голову не прійдетъ произнести слово «цинизмъ»... Но такъ какъ Базаровъ говоритъ спокойно и называетъ плечи — плечами, а не формами, и о безконечной идеѣ прекраснаго не заикается, то сейчасъ является на сцену «цинизмъ». Принимая слово «цинизмъ» въ широкомъ и разнохарактерномъ значеніи, я, пожалуй, готовъ допустить, что Базаровъ дѣйствительно циникъ; но въ базаровскомъ цинизмѣ нѣтъ рѣшительно ничего дурнаго, т.-е. ничего оскорбительнаго для человѣческаго достоинства и несомѣстнаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ».

Библиотека для Чтенія 1862 г.

г) *Базаровъ въ отношеніи трагизма.*

*) Ни одинъ изъ подобныхъ ему героевъ не находится въ такомъ трагическомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ Базарова. Трагизмъ базаровскаго положенія заключается въ его полномъ уединеніи среди всѣхъ живыхъ людей, которые его окружаютъ. Онъ вездѣ производитъ своею особой рѣзкій диссонансъ, онъ всѣхъ заставляетъ страдать своимъ присутствіемъ и существованіемъ, онъ самъ это видитъ и понимаетъ; и понимаетъ, кромѣ того, съ мучительною ясностью роковыя причины и абсолютную неиз-

*) Писаревъ. Сочиненія Д. И. Писарева.

бѣжность этихъ страданій. Люди, окружающіе Базарова, страдаютъ не отъ того, что онъ поступаетъ съ ними дурно, и не отъ того, что они сами дурные люди; напротивъ того, онъ не дѣлаетъ въ отношеніи къ нимъ ни одного дурного поступка, и они, съ своей стороны, также очень добродушные и честные люди. И тѣмъ хуже, и тѣмъ мучительнѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе. Нѣтъ причинъ для разрыва и нѣтъ возможности сблизиться. Нѣтъ возможности потому, что нѣтъ ни одного общаго интереса, ни одного такого предмета, который съ одинаковой силой затронулъ бы умственные способности Базарова и его собесѣдниковъ»... Далѣе, по разсужденію Писарева, выходитъ, что если между родителями и дѣтьми появляется такой разладъ, какой существуетъ между старыми Базаровыми и ихъ сыномъ, то трудно придумать какой-нибудь выходъ. Молодой Базаровъ можетъ отшатнуться отъ своихъ родителей, потому что жизнь его наполняется умственнымъ трудомъ; но старые Базаровы? «И какой же настоящій Базаровъ, какой мыслящій человѣкъ рѣшится оттолкнуть отъ себя своихъ стариковъ, которые только имъ живутъ и дышать, и которые сдѣлали все, что могли, для его образованія»?..

Вотъ мѣсто въ романѣ, которое дало поводъ критикѣ укорить Базарова въ непочтительности къ родителямъ и жестокости характера.

— «Нѣтъ, говоритъ онъ на слѣдующій день Аркадію, уѣду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ:

«Мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ, никто тебѣ мѣшать не будетъ». А самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запирается. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней, и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій, да и онъ тоже.

- Я къ нимъ еще вернусь.
- Когда?
- Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.
- Мнѣ твою мать особенно жалко.
- Что такъ? Ягодами, что ли, она угодила?
- Аркадій опустил глаза».

Характеризуя отношенія Базарова къ своимъ родителямъ, а равно и къ Аркадію, насколько они могутъ быть выяснены изъ приведеннаго разговора между Базаровымъ и Аркадіемъ, Писаревъ съ особеннымъ ожесточеніемъ упрекаетъ критику, не понявшую, по его мнѣнію, Базарова. «Базарову, говоритъ онъ, тяжело и душно; онъ видитъ, что и работать нельзя, да и для стариковъ-то удовольствія мало, потому что *выйдешь къ ней—и сказать ей нечего*. Такъ ему приходится скверно, что онъ чувствуетъ потребность высказаться хоть кому-нибудь, хоть младенчеству какому Аркадію. И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ какъ всегда высказываются люди сильные и сильно измученные. *«Совѣстно какъ-то, ну и мать тоже»*, *«вздыхаетъ за стѣной»*, *сказать ей нечего*». Кажется, не хитро понять изъ этихъ словъ, что не гаерствуетъ онъ надъ своими стариками, что не весело ему смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и что самъ онъ видитъ съ поразительною ясностью, какъ мало даетъ имъ его присутствіе, и какъ мучительна будетъ для нихъ необходимая разлука. Я думаю, умный человѣкъ, будучи на мѣстѣ Аркадія, нашель бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ и мучителемъ роковымъ, для каждаго разумнаго существа гораздо тяжеле, чѣмъ быть жертвою. Умный человѣкъ хоть однимъ добрымъ словомъ далъ бы замѣтить огорченному другу, что онъ понимаетъ его положеніе, и что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ, и что, стало быть, дѣйствительно слѣдуетъ залить тяжелое впечатлѣніе свѣжими волнами живительнаго труда. А Аркадій? Онъ ничего не нашель лучшаго, какъ ухватить Базарова за самое больное мѣсто: *«очень она огорчится»*. Точно будто Базаровъ этого не знаетъ... По

мнѣнію Писарева, Базаровъ могъ предложить Аркадію сокрушительный вопросъ: «Ну, а что жъ мнѣ дѣлать, чтобъ она не огорчалась?» Но и тутъ Аркадій повторилъ бы свою минорную гамму съ легкою перестановкою нотъ. А такъ какъ Базарову было не до диспутовъ «съ этимъ пискливымъ цыпленкомъ», не созданнымъ для пониманія трагическихъ положеній, то онъ продолжалъ разговоръ безъ всякихъ изліяній. Однако «это плоское животное, Аркадій, не утерпѣлъ и произвелъ новое визжаніе, и опять еще грубѣе ухватилъ Базарова за больное мѣсто. «*Мнѣ твою мать особенно жалко*». Базарову ничего болѣе не оставалось, какъ охладить бесполезные потоки аркадьеваго сердоболья, и онъ сказалъ объ ягодахъ. Какъ только онъ сказалъ объ ягодахъ, Аркадій опустилъ глаза. Такъ тебѣ и надо поступать, Аркашенька. Больше ты, другъ мой разлюбезный, ничего и дѣлать не умѣешь, какъ только глазки опускать...

Д. Писаревъ.

***

*) Боязнь всего *напускного*, всего извращающаго и ломающаго природу, доводила Базарова до того, что онъ вмѣстѣ съ напускнымъ подавлялъ и природное, т.-е. впадалъ неумышленно въ ту же ломку—ломку наклонностей самыхъ естественныхъ, но не признанныхъ имъ за такія. «Оставаясь наединѣ послѣ свиданія съ Одинцовой, Базаровъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ... Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода постыдныхъ мысляхъ»... Онъ навѣрное счелъ бы постыднымъ и то, если бъ ему вдругъ захотѣлось затянуть пѣсню, хотя это столько же естественно, какъ захотѣть поѣсть или поработать; неестественными такія наклонности могли показаться только у насъ, въ образованной нашей средѣ, вслѣдствіе того, что мы слишкомъ долгое время исключительно «пѣли» и видѣли въ этомъ «дѣло», никакого другого дѣла не дѣлая. При этомъ, какъ извѣстно, мы особенно усердно тянули без-

*) О. Миллеръ. „Бесѣда“ 1871 г., № 12. Также „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.

конечную ноту «любви»; — отъ того-то и стали потомъ убѣгать отъ нея, какъ отъ какого-нибудь дурмана, всѣ люди дѣльные. «Любовь, говоритъ Одинцовой Базаровъ, вѣдь, это чувство напускное»... Въ самомъ дѣлѣ? подтягиваетъ (изъ самолюбія) она; мнѣ очень пріятно это слышать. «Они оба думали, поясняетъ нашъ сочинитель, что говорили правду... Базаровъ при этомъ смѣялся, хотя ему вовсе не хотѣлось смѣяться». Точно также Базаровъ прикидывался, и опять таки неумышленно, совершенно свободнымъ и отъ другой постыдной слабости — нѣжничанья (выражаясь во вкусѣ его) съ родителями. Ему, можетъ быть, и давно хотѣлось своихъ «стариковъ потѣшить», а между тѣмъ онъ не торопится къ нимъ, и живетъ себѣ да живетъ — сперва у Кирсановыхъ, потомъ у Одинцовой. Только «постыдная слабость» къ этой послѣдней (постыдная потому, что пожива тутъ не давалась, по крайней мѣрѣ, сразу) заставляетъ его, наконецъ, какъ бы въ видѣ отвода, поѣхать къ своимъ старикамъ, о которыхъ онъ уже давно говорилъ Аркадію: «они у меня люди хорошіе. Я же у нихъ одинъ». Ему, можетъ быть, не на шутку взгрустнулось по нимъ еще въ день его именинъ; онъ, по крайней мѣрѣ, не постыдился вспомнить о подобномъ вздорѣ, говоря Аркадію: «Сегодня меня дома ждуть; но сейчасъ же при этомъ *понижилъ голосъ* и, какъ бы для того, чтобъ поправиться, вдругъ прибавилъ: «Ну, подождуть, что за важность!» — А вспомните, какъ, уже гостя у нихъ съ Аркадіемъ, онъ, словно хвалясь, говоритъ ему: «Ты видишь, какіе у меня родители — народъ не строгій!» — «Ты ихъ любишь, Евгенийъ?» — «Люблю, Аркадій» — и это даже безъ пониженія голоса, хотя любовь — чувство напускное... А между тѣмъ, вѣдь, извѣстно, что онъ не зажился у нихъ. «Работать хочется, а здѣсь нельзя», не замедлилъ заговорить Евгенийъ... Ясно, что его тяготитъ не одна невозможность заняться порядочно (это бы можно еще устроить), но сознанье извѣстной *фальши* въ отношеніяхъ его къ родителямъ, фальши, заключающейся въ томъ, что «иной разъ сидишь съ ними, хотя и скучно»... А все же какъ ни сильно дѣйствуетъ

на людей базаровскаго закала такое сознанье, цѣлый день прошелъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василья Ивановича о своемъ отъѣздѣ. Да и по отъѣздѣ чувство жалости, надо думать, не сразу успокоилось въ немъ, потому что онъ «былъ не совсѣмъ собою доволенъ. Аркадій былъ не доволенъ имъ». Ясно, что мнимо лишь напускное, природное и не въ конецъ забитое чувство довольно громко говорило въ обоихъ. Но съ рѣшительной силой заговорило оно только въ ту минуту, когда Базарову пришлось не на время, а навсегда распрощаться съ родителями. Тутъ чувство жалости дошло до того, что, для утѣшенія ихъ, онъ сталъ вдругъ способенъ указывать даже на то, отъ чего навсегда отказался. «Вы оба съ матерью, говоритъ онъ отцу, должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу»... Онъ доходитъ даже до того, что уже не боится впасть въ фальшь, говоря о предсмертныхъ предписаніяхъ религіи: «Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить»... То же рѣшительно пересилившее чувство любви заставляетъ его просить Одинцову: «Не разувѣряйте старика, что Россія ничего во мнѣ не теряетъ... И мать приласкайте... Вѣдь, такихъ людей, какъ она, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать»...

Базарову, такимъ образомъ, не удается вполнѣ отдѣлаться отъ мнимо-напускныхъ чувствъ. «Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно»—можно бы примѣнить и къ нему.

И тотъ же самый Базаровъ, съ другой стороны, дѣлаетъ рѣшительную уступку уже положительно напускнымъ — и даже не чувствамъ, а жизненнымъ правиламъ. «Съ теоретической точки зрѣнія, говоритъ онъ, дуэль нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія—это другое дѣло». Павлу Петровичу Кирсанову, по выраженію Базарова, захотѣлось испытать на немъ свой рыцарскій духъ. «Я бы могъ отказаться вамъ въ этомъ удовольствіи, поясняетъ Базаровъ, да ужъ куда ни шло!» Откуда же такая вдругъ снисходительность къ чужимъ удовольствіямъ и фантазіямъ, снисходительность, доводящая до того, о чемъ впоследствии отзы-

вается самъ Базаровъ: «Экую мы комедію отломали! Ученныя собаки такъ на заднихъ лапкахъ танцуютъ. А отказать было невозможно: вѣдь, онъ меня, чего добраго, ударилъ бы, и тогда»... Что тогда?..

О. Миллеръ.

* * *

*) Базаровъ, какъ и слѣдовало, по мнѣнію г. Тургенева, всеотрицающему нигилисту, не видящему въ любви ничего, кромѣ чувственности, похвалилъ въ Одинцовой первоначально одни плечи, и выразился о ней, что она тертый колачъ; но потомъ онъ и самъ не замѣтилъ, какъ разгорѣлось въ немъ болѣе серьезное чувство, котораго онъ никакъ не ожидалъ и не желалъ... Въ этой борьбѣ Базарова съ самимъ собою, въ борьбѣ теоріи съ природою — заключается вся, такъ сказать, иронія романа, которую г. Тургеневъ проводитъ до конца, заставляя Базарова потѣшаться надъ своею любовью даже на смертномъ одрѣ. «Ну, что-жъ мнѣ вамъ сказать... Что я любилъ васъ? *Это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь давно. Любовь — форма, а моя собственная форма уже разлагается.* Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая»...

Вся эта иронія была бы совершенно умѣстна, если бы г. Тургеневъ имѣлъ цѣлію изобразить аскета, борющагося со своею природою, или разочарованнаго идеалиста, въ родѣ Онѣгина, который, какъ извѣстно, по полученіи письма Татьяны, подавилъ въ себѣ возникшее было увлеченіе, чтобы выдержать до конца свое скептическое отношеніе къ жизни. Средневѣковой аскетъ и разочарованный Онѣгинъ — это два вида одного и того же идеализма, и какъ мы видимъ, отрицаніе любви свойственнаго вполне тому старому міросозерцанію, за которое ратуетъ г. Тургеневъ, и которое хотя и признавало любовь въ высокомъ идеалѣ, но приводило постоянно человѣка къ отрицанію ея въ жизни.

*) А. Скабичевскій. „Отечественныя Записки“ 1868 г., № 9. Также „Сочиненія А. Скабичевского, т. 1. Спб. 1890 г.

Приписывать же новому міросозерцанію отрицаніе любви, какъ это дѣлаетъ г. Тургеневъ, — чистая нелѣпость. Правда, новое міросозерцаніе не признаетъ любви, какъ особенной субстанціи, существующей внѣ человѣка и влагающей въ человѣка при его зачатіи или рожденіи. Новое міросозерцаніе выводитъ любовь, какъ и всѣ психическія явленія, изъ ощущеній. Но выводитъ любовь изъ ощущеній, вовсе не значитъ отрицать любовь или же низводитъ ее на степень минутныхъ чувственныхъ наслажденій. Если бы г. Тургеневъ опять — таки потрудился спуститься съ своего Парнасса и посмотрѣть, что дѣлается въ жизни, онъ встрѣтилъ бы въ дѣйствительности не мало людей, воспринявшихъ новое міросозерцаніе, которые испытываютъ сильныя и глубокія привязанности, и не видятъ въ этомъ ни капли противорѣчія со своими идеями. Правда, они не считаютъ любви вышею своею цѣлью жизни, неизреченнымъ и необъяснимымъ таинствомъ, фатумомъ, заранѣе представляющимъ влеченіемъ двухъ сердець. Они смѣются надъ всѣми этими романтическими бреднями; но смѣяться надъ взглядами романтиковъ на любовь, это вовсе не значитъ смѣяться надъ самою любовью.

Если Базаровъ дѣйствительно человѣкъ новаго міросозерцанія, то въ немъ рѣшительно не мыслима борьба съ самимъ собою изъ-за любви. Если же г. Тургеневъ заставилъ Базарова бороться, то въ этомъ отношеніи авторъ поступилъ совершенно апріорично, выведя эту борьбу изъ своей ложной идеи о міросозерцаніи молодого поколѣнія. Базаровъ могъ бороться со своею страстью, но не вслѣдствіе какихъ-либо отвлеченныхъ теорій, отрицающихъ любовь, а изъ причинъ чисто реальныхъ, которыя, въ дѣйствительности, нерѣдко заставляютъ людей бороться со своими чувствами. Очень часто случается, что какая-либо страсть, слѣпо повинаясь своимъ естественнымъ законамъ, загораются въ человѣкѣ помимо всѣхъ доводовъ разсудка. Базаровъ могъ влюбиться въ Одинцову, и въ то же время сознавать, что эта барыня, изнѣженная комфортомъ, цѣнящая выше всего спокойствіе, и ради сохраненія этого спокой-

ствія не рѣшающаяся пошевелить пальчикомъ, совершенно не годится быть ни его женою ни любовницею; онъ могъ вслѣдствіе этого смотрѣть на свою страсть, какъ на слѣпую, глупую, лишенную всякихъ разумныхъ основаній, и потому унижающую его; но борьба противъ такой страсти не была бы борьбою во имя какой-либо отвлеченной теоріи; это была бы чисто-жизненная борьба, достойная Базарова и достойная кисти талантливаго художника; но г. Тургеневъ ни въ одномъ мѣстѣ своего романа и тѣни намека не сдѣлалъ на подобнаго рода борьбу, а повсюду на первомъ планѣ вы видите Базарова, борющагося со своею любовью только потому, что онъ считаетъ любовь белибердою и романтизмомъ)... «Очень можетъ быть, говорить въ другомъ мѣстѣ Скабичевскій, что г. Тургеневъ, въ лицѣ своихъ молодыхъ героевъ, желалъ представить вовсе не людей новаго міросозерцанія, а тѣхъ недоучившихся баричей, которые слышали только, что въ какомъ-то приходѣ звонятъ, но не знаютъ гдѣ, и которые щеголяютъ фразами дешеваго отрицанія не изъ внутренней потребности, вынесенной изъ жизненнаго опыта, а изъ щегольства этимъ отрицаніемъ, изъ желанія порисоваться имъ, да изъ-за того еще, что у нихъ кровь кипитъ и силъ избытокъ? Очень можетъ быть, что г. Тургеневъ изобразилъ именно тѣхъ рыцарей, которые, какъ это было въ прежнее время, такъ и теперь, съ невѣроятною легкостью переходятъ отъ щеголеватаго отрицанія къ весьма нещеголеватому примиренію съ самою пошленькою дѣйствительностью. И развѣ среди подобнаго рода рыцарей нельзя встрѣтить такихъ, которые способны отнестись къ любви такъ же, какъ отнесся къ ней Базаровъ, т. е. бороться съ нею не вслѣдствіе какихъ-либо разумныхъ основаній, а просто потому, что, по ихъ мнѣнію, новыя идеи отвергаютъ любовь, какъ романтизмъ и белиберду? Г. Тургеневъ могъ встрѣтить въ жизни двухъ-трехъ рыцарей подобнаго рода, и, такимъ образомъ, онъ вовсе не апріорично вывелъ отношеніе своихъ юныхъ героевъ къ жизни, а списалъ съ дѣйствительности то, что видѣлъ и слышалъ. Безспорно, г. Тургеневъ могъ въ дѣй-

ствительности встрѣтить всѣ тѣ фразы, которыя онъ вложилъ въ уста своихъ юныхъ героевъ; могъ онъ встрѣтить не мало и людей, не уступающихъ аскетамъ въ бесполезной борьбѣ противъ естественныхъ потребностей во имя ложно-понимаемыхъ идей и принциповъ. Какой только уродливости нельзя подыскать въ нашей убогой дѣйствительности! Но въ такомъ случаѣ, г. Тургеневъ былъ обязанъ отдѣлать ложное пониманіе новыхъ идей отъ истиннаго, что онъ, конечно, и сдѣлалъ бы на Базаровѣ, если бы онъ самъ понималъ, въ чемъ тутъ заключается различіе.

А. Скабичевскій.

Второстепенныя лица въ романѣ.

*) О художественной обработкѣ и жизненности всѣхъ второстепенныхъ лицъ «Отцовъ и Дѣтей» едва ли нужно много распространяться. Оба Кирсановы, Аркадій, Одинцова, старики Базаровы—все это фигуры необыкновенно рельефныя, изваянныя рукою мастера, достигшаго полной зрѣлости своего таланта, когда каждый ударъ рѣзца въ его рукѣ отличается точностью, силою и законченностью. Въ изображеніи отца и матери Базарова бездна сердечной теплоты, которая тѣмъ болѣе выдѣляется, что къ ней примѣшанъ неподобный юморъ...

В. Буренинъ.

*
* *

**) Созданіе такихъ лицъ, какъ отецъ и мать Базарова, есть истинное торжество таланта. Повидимому, что можетъ быть ничтожнѣе и невыгоднѣе этихъ людей, отжившихъ свой вѣкъ и со всѣми предрасудками старины уродливо дряхлѣющихъ среди новой жизни? А между тѣмъ какое богатство *простыхъ* человѣческихъ чувствъ! Какая

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

**) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также: „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

глубина и ширина душевныхъ явленій — среди обыденнѣйшей жизни, не подымающейся ни на волосъ выше самаго низменнаго уровня.

Н. Страховъ.

* *

*) Аркадій Николаевичъ Кирсановъ, кандидатъ петербургскаго университета, какого факультета не сказано, — юноша чувствительный, добросердечный, съ невинной душой; къ сожалѣнію, онъ подчинился влиянію своего друга, Базарова, который старается всячески притупить чувствительность его сердца, убить своими насмѣшками благородныя движенія его души и внушить ему презрительную холодность ко всему; какъ только обнаружитъ онъ какой-нибудь возвышенный порывъ, другъ тотчасъ же и осадитъ его своей презрительной ироніей.

М. Антоновичъ.

* *

**) Аркадій, по словамъ Писарева, похожъ во всѣхъ отношеніяхъ на кусокъ очень чистаго и мягкаго воска, изъ котораго всякій, кто только пожелаетъ, можетъ сдѣлать что ему угодно. Но дѣло въ томъ, что сегодня изъ него можетъ сдѣлать все, что угодно, одинъ, а завтра то же можетъ съ нимъ подѣлать другой и т. д. Аркадій будетъ подъ старость бесполезнѣйшимъ, а можетъ-быть, и дряннѣйшимъ тунеядцемъ. А старость, т.-е. житье въ брюхо, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета. Если бы вы спросили у Базарова: „выйдетъ ли что-нибудь путнаго изъ вашего друга?“ Базаровъ отвѣчалъ бы съ полнымъ убѣжденіемъ: „ничего путнаго не выйдетъ; будетъ рафинированнымъ Маниловымъ — и больше ничего“.

Д. Писаревъ.

*) М. Антоновичъ. „Современникъ“ 1862 г., № 3.

**) Сочиненія Д. И. Писарева.

*) Не понимаемъ, почему этотъ типъ молодежи, изображенный г. Тургеневымъ въ лицѣ Аркадія, представляетъ наше молодое поколѣніе будто бы въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ представляетъ собою очень хорошій, очень привлекательный типъ. Презрительные отзывы объ этомъ молодомъ человѣкѣ понятны въ самихъ же Аркадіяхъ, въ людяхъ очень молодыхъ, которые, разумѣется, хотятъ казаться героями, какъ ребенокъ хочетъ казаться большимъ. Очень понятно, почему, напримѣръ, критикъ *Русскаго Слова* **) отзывается съ презрѣніемъ о молодомъ Кирсановѣ, и иначе не называетъ его, какъ птенцомъ: по всѣмъ признакамъ, критикъ самъ еще весьма юный человѣкъ, самъ такой же Аркадій, которому можно пожелать только того, чтобъ онъ сохранилъ многія добрыя свойства своего прототипа... Аркадій безподобенъ въ своихъ нигилистическихъ выходкахъ; онъ также безподобенъ въ наивномъ сознаніи своего умственного превосходства надъ понятіями отца и дяди. Какъ добродушно сожалеетъ онъ объ ихъ отсталости! Какъ онъ очарователенъ съ своимъ Бюхнеромъ, котораго подсовываетъ отцу, вмѣсто Пушкина, надѣясь просвѣтить его и возвысить! Какъ быстро рѣшаетъ онъ всѣ вопросы, какъ легко справляется онъ со всѣмъ, какъ ничемъ ему сломить и уничтожить что угодно изъ чистаго нигилизма! Вы чувствуете, какъ, подъ этимъ живымъ колоритомъ мѣста и времени, Аркадій остается тѣмъ же самымъ, какимъ знавали его въ другихъ мѣстахъ и въ другое время. Аркадій натура не *лицная*: это открыла ему умная дѣвушка, съ которою, къ счастью для себя, онъ сблизился на первыхъ порахъ своей жизни. Сначала его немножко покорило при этомъ открытіи: простодушному молодому человѣку было жаль разставаться съ этимъ качествомъ, которое казалось ему признакомъ силы и героизма; но онъ скоро понялъ свою молодую глупость и, конечно, самъ послѣ смѣялся надъ нею. Онъ не *лицный* ни по натурѣ ни по воспитанію. Мнѣнія, которыми онъ щеголяетъ, не проникаютъ у него глубоко

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5. (Изъ статьи М. Каткова?).

**) Рѣчь идетъ о Писаревѣ.

внутри, точно такъ же какъ и не вырастаютъ изнутри; это легкая игра представленій, еще не имѣющихъ для молодого мягкаго ума никакого опредѣленнаго значенія. Но всѣ практическіе его инстинкты хороши, всѣ непосредственныя движенія его сердца не испорчены, и частью они остались нетронуты, и свидѣтельствуютъ о свѣжихъ непочатыхъ силахъ, о добромъ задаткѣ на будущее. Они свидѣтельствуютъ о любви, которая окружала колыбель нашего юноши, о мягкой семейной атмосферѣ, въ которой протекло его дѣтство. Правда, въ его умственной организаціи не замѣтно твердыхъ элементовъ; но имъ неоткуда было взяться.

„Русскій Вѣстникъ“ 1862 г.

* *

*) Что можетъ быть слабѣе и незначительнѣе юнаго пріятеля Базарова, Аркадія? Онъ, повидимому, подчиняется каждому встрѣчному вліянію; онъ обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ. Между тѣмъ, онъ милъ чрезвычайно. Великодушное волненіе его молодыхъ чувствъ, его благородство и чистота — подмѣчены авторомъ съ большою тонкостью и обрисованы отчетливо.

Н. Страховъ.

* *

**) Павель Петровичъ — человекъ очень не глупый, и его фигура чрезвычайно любопытна и поучительна, какъ отживающая тѣнь печоринскаго типа. Эта тѣнь не хочетъ и не можетъ признать себя тѣнью и, встрѣчаясь съ тѣмъ типомъ, который живетъ въ настоящемъ, она, эта представительница прошедшаго, отрицаетъ его всѣми силами своего ума и ненавидитъ его такъ, какъ скупой рыцарь ненавидитъ своихъ наслѣдниковъ. Печоринскій и базаровскій типы ненавидятъ и отталкиваютъ другъ друга. Печорины и Базаровы рѣшительно не могутъ существовать вмѣстѣ, въ одномъ обществѣ,

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4.

**) Д. Писаревъ. Сочиненія Д. И. Писарева.

потому что и Печорины и Базаровы выдѣляются изъ одного матеріала: стало-быть, чѣмъ больше Печориныхъ, тѣмъ меньше Базаровыхъ, и наоборотъ. Вторая четверть XIX столѣтія особенно благопріятствовала производству Печориныхъ; новыхъ Печориныхъ жизнь уже не отчеканиваетъ, а старыя, потускнѣлыя и поблекшія никакъ не желаютъ понять, что ихъ время прошло... Печорины и Базаровы—совершенно не похожи другъ на друга по характеру своей дѣятельности; но совершенно сходны между собою по типическимъ особенностямъ натуры: и тѣ и другіе—очень умны и вполне послѣдовательные эгоисты; и тѣ и другіе выбираютъ себѣ изъ жизни все, что въ данную минуту можно выбрать самаго лучшаго, и, набравши себѣ столько наслажденій, сколько можно добыть и сколько способенъ вмѣстить человѣческой организмъ, оба остаются неудовлетворенными, потому что жадность ихъ непомѣрна, а также потому, что современная жизнь вообще не очень богата наслажденіями.

Д. Писаревъ.

* * *

*) Павелъ Петровичъ—человѣкъ съ характеромъ; онъ не пасуетъ, въ немъ чувствуются силы,—но силы погибшія, которыя завяли отъ бездѣйствія, отъ мелочного употребленія въ безплодно прожитой жизни. Онъ раздражителенъ и нервенъ; но настоящей силы въ немъ мало. Вы отдаете ему справедливость, вы признаете его настоящимъ джентльменомъ, вы уважаете его благородство; но вы чувствуете, что онъ герой въ мамбриновомъ шлемѣ, и авторъ безъ пощады представляетъ на видъ его смѣшныя стороны. Это человѣкъ, проигравшій свое прошедшее, безъ настоящаго, безъ будущаго, призракъ между живыми, безплодно гальванизируемый впечатлѣніями, которыя раздражаютъ, кипятятъ его, но не могутъ воскресить погибшей жизни.

«Русскій Вѣстникъ» 1862 г.

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5 (Изъ статьи Каткова?).
„Отцы и Дѣти“.

*) Павель Петровичъ изображенъ Тургеневымъ съ душой и поэзійей. Онъ жилъ не бесполезно, читалъ много, *отличался безукоризненною честностью*, любилъ брата, помогалъ ему своими средствами и мудрыми совѣтами. Когда, бывало, братъ разсердится на мужиковъ и хочетъ ихъ наказывать, Павель Петровичъ вступался за нихъ и говорилъ ему: *du calme, du calme*. Онъ отличался любознательностью и всегда съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за опытами Базарова, несмотря на то, что имѣлъ полное право ненавидѣть его. Самымъ же лучшимъ украшеніемъ Павла Петровича была его нравственность. Павель Петровичъ былъ влюбленъ въ Өеничку, нѣсколько разъ приходилъ въ ея комнату, «ни за чѣмъ», и оставался съ нею наединѣ, но онъ не былъ настолько низокъ, чтобы поцѣловать ее, какъ это сдѣлалъ Базаровъ, вслѣдствіе чего Павель Петровичъ по благородности своего характера вызвалъ его на дуэль. «Онъ былъ настолько благороденъ, что только однажды прижалъ ея (Өенички) руку къ своимъ губамъ и такъ приникъ къ ней, не цѣлуя ея и только изрѣдка судорожно вздыхая», и, наконецъ, настолько былъ самоотверженъ, что сказалъ ей: «любите моего брата, не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ничьихъ рѣчей»; и чтобъ дальше не соблазняться Өеничкой, онъ уѣхалъ за границу, «гдѣ его можно видѣть и теперь въ Дрезденѣ на Брюлевской террасѣ, между 2—4 часами».

М. Антоновичъ.

* * *

**) Николай Петровичъ, какъ слѣдуетъ, настоящей сынъ своего вѣка. Въ немъ нѣтъ ни единой яркой черты, и хорошаго только одно, что онъ человѣкъ, хотя и простѣйшій человѣкъ.

Н. Страховъ.

*) М. Антоновичъ. „Современникъ“ 1862 г., № 3.

**) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4.

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАНЫХЪ В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ.

---

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. **Справочникъ по русскому правописанію**, съ приложеніемъ орфографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква **Ѣ**. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

2. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

4. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ IV. Правописаніе, словопроизведеніе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

5. **Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку**. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 6-е. Ц. 25 к.

6. **Вступительный курсъ зрительнаго диктанта**. Книга для элементарныхъ орфографическихъ упражненій. (Готовится къ печати).

7. **Зрительный диктантъ**. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методѣ списыванія и разрѣшенія орфографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 16-е. Ц. 50 к.

8. **Зрительный диктантъ**. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 9-е. Ц. 40 к.

9. **Подробный орфографическій словарь**, заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, указаніе удареній и раздѣленіе каждаго слова на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Приложение къ „Зрительному диктанту“. Ц. 2 р.

10. **Справочный словарь буквы Ѣ**. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ **Ѣ**. Изд. 4-е. Ц. 25 к.

11. Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора № 1. части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголь. (Печатаются новымъ изданіемъ).

12. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію.“ Ц. 25 к. (Печатается новымъ изданіемъ).

13. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Опытъ группировки орфографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, приемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

15. б) Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 6-е. Цѣна 1 р. Вмѣстѣ съ хрестоматіей 1 р. 25 к.

16. в) Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три предыдущія книги допущены въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Три выпуска. Изд. 5-е. Цѣна каждому выпуску 2 р.

18. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первые три части изданіе 4-е, а четвертая часть изданіе 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

19. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-бібліографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а всѣ прочія части—2-мъ изданіемъ).

11. **Таблицы** для письменнаго грамматическаго разбора № 1. части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголь. (Печатаются новымъ изданіемъ).

12. **Хрестоматія** для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію.“ Ц. 25 к. (Печатается новымъ изданіемъ).

13. **Краткій алфавитный справочникъ** по русскому правописанію. Опытъ группировки орфографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) **Обученіе грамотѣ по звуковому способу.** Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, приемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

15. б) **Методическія указанія и примѣрные уроки** по объяснительному чтенію. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 6-е. Цѣна 1 р. Вмѣстѣ съ хрестоматіей 1 р. 25 к.

16. в) **Методическія указанія и образцовые уроки** по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три предыдущія книги допущены въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. **Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева.** Три выпуска. Изд. 5-е. Цѣна каждому выпуску 2 р.

18. **Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго.** Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первые три части изданіе 4-е, а четвертая часть изданіе 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

19. **Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ.** Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. **Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а всѣ прочія части—2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Ц. по 1 р. за часть. (1-я, 2-я, 3-я и 4-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 5-я, 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

22. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Голя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Изд. 3-е. Цѣна по 1 р. за часть.

23. Критическіе разборы романа Тургенева: „Отцы и Дѣти“. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

24. Критическіе разборы романа Л. Н. Толстого: „Война и Мирь“. Ц. 3 р. (Оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“).

25. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. 1-я часть изд. 3-е, а остальн. части—2-е. Ц. по 1 р. за часть.

26. Критическіе разборы „Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунъ“—Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. Изд. 3-е. Ц. 80 к. (Печатается новымъ изданіемъ).

27. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.

28. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

29. Критическіе разборы „Записокъ Охотника“—Тургенева. Ц. 40 к.

30. Критическіе разборы романа „Новь“—Тургенева. Ц. 70 к.

31. Критическіе разборы повѣсти „Рудинъ“—Тургенева. Ц. 40 к.

32. Критическіе разборы романа „Дымъ“ Тургенева. Ц. 40 к.

33. Критическіе разборы романа Ф. М. Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“. Ц. 1 р.

34. Критическіе разборы „Записокъ изъ Мертваго Дома“—Достоевскаго. Ц. 40 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды,
д. Михайлова.

Цѣны книгамъ показаны безъ пересылки. Пересылка по дѣйствительной почтовой стоимости. Небольшія суммы можно посылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

1. ...
2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

2010515785